

ФИНЛЯНДСКІЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ

по

РУССКИМЪ И ФИНЛЯНДСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Ѳ. Еленева.

Цѣна 2 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., № 39.
1891.

Барону Федору Романовичу

Остенъ-Сакену,

въ знакъ особаго уваженія,

отъ сочинителя.

2 августа 1894.

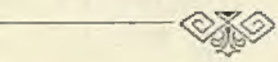
ФИНЛЯНДСКІЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ

по

РУССКИМЪ И ФИНЛЯНДСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Ѳ. Еленева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., № 39.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ предлагаемаго сочиненія былъ вовлеченъ въ сферу финляндскаго вопроса совершенно случайно. Въ 1865 году онъ провелъ часть лѣта въ Гельсингфорсѣ, гдѣ ему удалось познакомиться со многими тамошними жителями, какъ русскими, преимущественно изъ военнослужащихъ, такъ и финляндцами. Изъ разговоровъ съ ними, равно какъ и изъ собственныхъ наблюденій, онъ имѣлъ возможность узнать финляндцевъ съ двухъ весьма различныхъ сторонъ: финляндцевъ, живущихъ для самихъ себя, въ ихъ семейномъ быту, въ ихъ общественно-гражданскомъ устройствѣ и въ тяжеломъ, неустанномъ трудѣ простаго финскаго народа, побѣдившаго самую природу своей страны, а съ другой стороны — финляндцевъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскимъ и къ русской государственной власти. Съ первой стороны финляндцы возбудили въ авторѣ искреннюю симпатію и вызвали въ немъ желаніе ближе ознакомиться съ исторіей, этнографіей и административ-

нымъ устройствомъ этой, весьма мало извѣстной у насъ области русскаго государства. Для сей цѣли авторомъ, по возвращеніи въ Петербургъ, было прочтено значительное число сочиненій о Финляндіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представились ему финляндцы въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи и къ русскимъ. Здѣсь открылись ему неожиданно такіе факты, возможности которыхъ онъ никогда не подозрѣвалъ и на которые встрѣчались тогда лишь слабые намеки въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ. Свѣдѣнія о Финляндіи, почерпнутыя авторомъ изъ чтенія книгъ, и факты, рисующіе положеніе въ ней русскихъ, узнанные авторомъ изъ личныхъ наблюденій и разспросовъ, были имъ тогда же, по свѣжей памяти, набросаны вчернѣ и составили довольно объемистую тетрадь. Это сочиненіе, озаглавленное авторомъ «Финляндія и положеніе въ ней русскихъ», доселѣ остается въ рукописи и еще не приведено въ окончательную систему, потому что опубликованіе сообщаемыхъ тамъ фактовъ объ отношеніяхъ финляндцевъ къ русскимъ и къ русской государственной власти было невозможно не только въ тогдашнее время, но и весьма еще недавно. Между тѣмъ со второй половины восьмидесятыхъ годовъ финляндскіе писатели стали излагать на общедоступныхъ европейскихъ языкахъ и даже въ русской литературѣ, въ видѣ положительнаго и несомнѣннаго *государственнаго* права Финляндіи, выработанное тамошними политиками уче-

ніе о государственной обособленности этой области отъ Россіи. Это своеобразное ученіе, сводящее права Россіи на Финляндію къ нулю, вызвало возраженія со стороны нѣкоторыхъ русскихъ писателей и повременныхъ изданій, обратившихъ вниманіе читателей на рѣзкое противорѣчіе финляндской теоріи историческимъ фактамъ и государственному праву Россіи.

Авторъ сочиненія, предлагаемаго теперь вниманію читателей, не могъ не слѣдить съ живѣйшимъ интересомъ за всѣмъ, что въ послѣднее время писалось съ той и другой стороны по финляндскому вопросу, который нѣкогда, хотя и весьма уже давно, былъ предметамъ его собственныхъ наблюденій и размышленій. Многое, что казалось ему тогда необъяснимымъ въ дѣйствіяхъ финляндцевъ, теперь стало понятно изъ ихъ собственныхъ откровенныхъ признаній и изъ фактовъ, раскрытыхъ въ книгѣ г. Ордина. Въ бытность свою въ Финляндіи авторъ видѣлъ только внѣшнія и, такъ сказать, грубыя проявленія финляндскаго сепаратизма: теперь же для него уяснилась политическая теорія этого сепаратизма и степень ея основательности съ исторической и правовой стороны. Разсмотрѣніе финляндскаго вопроса въ этомъ современномъ его значеніи и служитъ предметомъ настоящаго сочиненія. По хронологической и систематической послѣдовательности ему долженъ бы предшествовать прежній трудъ автора о Финляндіи, посвященный ея исторіи, этнографіи и административному устройству и сопровождаемый описаніемъ тог-

дашняго положенія русскихъ въ этой странѣ, трудъ, какъ сказано выше, набросанный вчернѣ, но еще неприведенный въ окончательную систему; но, въ виду живаго интереса, возбужденнаго теперь въ нашемъ обществѣ финляндскимъ вопросомъ съ его политической стороны, авторъ рѣшился напечатать сперва это второе свое сочиненіе, какъ прямо отвѣчающее на сказанный вопросъ, окончательную же отдѣлку перваго своего труда отложить до другаго времени.

Царское Село.
4-го Марта 1891 года.

I.

Для русскихъ, имѣвшихъ случай жить въ Финляндіи, долго оставался нерѣшеннымъ вопросъ: какимъ образомъ могъ сложиться въ этой провинціи русскаго государства такой порядокъ, что государственная власть Россіи явно тамъ попирается, а русскіе люди, православная религія и ея служители подвергаются систематическимъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ? *) На другихъ окраинахъ Россіи, кромѣ эпохъ открытаго возстанія, дѣла никогда не принимали такого оборота: слѣдовательно это явленіе нельзя объяснить однимъ слабымъ сознаніемъ государственнаго начала, проявлявшимся въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ правительственныхъ органовъ прежняго времени, и столь обычнымъ у насъ угодничествомъ передъ нашими инородцами. По отношенію къ Финляндіи должны быть очевидно и другія причины ея разъединенія съ остальнымъ государствомъ, до такой степени ослабляющія связь ея съ Россіей, что тамъ русскіе люди чувствуютъ себя какъ бы въ странѣ, находящейся въ открытой враждѣ съ ихъ отечествомъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ можно было догадываться; но вполнѣ и документально онѣ ни для кого изъ русскихъ не были ясны, потому что самое проис-

*) Въ другомъ нашемъ сочиненіи „Финляндія и положеніе въ ней русскихъ", относящемся къ шестидесятымъ годамъ, будутъ приведены многочисленныя доказательства сказаннаго.

хожденіе и характеръ существующихъ въ Финляндіи порядковъ были намъ почти вовсе неизвѣстны или же извѣстны изъ сочиненій финляндскихъ писателей, представлявшихъ, конечно, всѣ эти предметы съ своей точки зрѣнія, всегда рѣзко расходившейся съ дѣйствительностью. Съ нашей же стороны не только ничего не было сдѣлано для уясненія этого вопроса, но даже были принимаемы въ прежнее время мѣры (не безъ вліянія, какъ мы увидимъ далѣе, высокопоставленныхъ лицъ изъ финляндцевъ), чтобы преградить русской литературѣ всякую возможность выводить на свѣтъ Божій то, что дѣлалось въ этой заколдованной для насъ странѣ. Только съ появленіемъ въ минувшемъ 1890 году замѣчательнѣйшей книги г. Ордина «Покореніе Финляндіи», для лицъ, интересующихся финляндскимъ вопросомъ, уяснилась политическая сторона его, на основаніи безспорныхъ документовъ, хранящихся въ нашихъ государственныхъ архивахъ, доступъ къ которымъ былъ разрѣшенъ автору этой книги. Русскому ученому и патріоту возбраненъ былъ только входъ въ таинственный архивъ статсъ-секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго, который вслѣдъ за тѣмъ и совсѣмъ былъ вывезенъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, чтобы прекратить дальнѣйшія попытки русскихъ изслѣдователей распугать весьма ловко запутанный вопросъ объ отношеніяхъ Финляндіи къ русской государственной власти.

Трудъ г. Ордина блестящимъ образомъ подтверж-

дасть ту истину, что, въ нашъ вѣкъ сложныхъ государственныхъ отношеній, правительства не могутъ обойтись безъ содѣйствія частной литературы, если они желаютъ дѣйствовать не съ закрытыми глазами, а стоять на твердой почвѣ совершающихся фактовъ и историческихъ данныхъ. Должностныя лица, при всемъ ихъ усердіи къ своимъ обязанностямъ, никогда не въ состояніи разъяснить многихъ государственныхъ вопросовъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою преданностью своей задачѣ, какъ могутъ это сдѣлать частные изслѣдователи, подготовленные къ извѣстнымъ вопросамъ самостоятельными учеными изслѣдованіями или особыми обстоятельствами своей жизни и нерѣдко затрачивающіе на ихъ уясненіе многіе годы ревностнаго труда. У насъ въ Россіи такіе литературные вклады были доселѣ довольно рѣдки; тѣмъ бо̀льшую цѣну должны они имѣть въ глазахъ правительства и просвѣщеннѣйшей части нашего общества.

Въ эпоху завоеванія Финляндіи тогдашніе финляндскіе дѣятели, пользуясь обстоятельствами, весьма искусно запутали вопросъ объ отношеніяхъ Финляндіи къ русскому правительству и достигли того, что вопросъ этотъ, въ теченіе 80 лѣтъ, оставался неразъясненнымъ для самихъ русскихъ властей. Только теперь, благодаря труду г. Ордина, многіе изъ важнѣйшихъ документовъ, относящихся къ эпохѣ завоеванія Финляндіи, извлечены на свѣтъ Божій и окончательно разрываютъ паутину поддѣлокъ и лож-

ныхъ толкованій, такъ долго сплетавшуюся шведо-финскими писателями и чиновниками для того, чтобы ввести въ заблужденіе русское правительство и финляндскихъ жителей относительно объема и значенія того самоуправленія, которое было предоставлено Финляндіи Императоромъ Александромъ I въ моментъ завоеванія этой страны. Хотя г. Ординъ, держась преимущественно фактическаго изложенія, не дѣлаетъ самъ окончательнаго вывода о коренныхъ причинахъ существующаго въ дѣлахъ Финляндіи противугосударственнаго направленія, тѣмъ не менѣе причины эти сами собой выступаютъ предъ внимательнымъ читателемъ изъ тѣхъ фактовъ, которые собраны въ книгѣ г. Ордина. Уясненію этихъ причинъ и посвящается сочиненіе, предлагаемое теперь вниманію благосклонныхъ читателей.

Кромѣ капитальнаго труда г. Ордина, относящагося собственно къ эпохѣ завоеванія западной Финляндіи, авторъ настоящаго изслѣдованія руководствовался касающимися Финляндіи законодательными актами послѣдующаго времени. Были также приняты во вниманіе наиболѣе компетентныя статьи по финляндскому вопросу русскихъ ученыхъ, появившіяся въ нашей печати въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году, а также сочиненія и статьи по тому же вопросу финляндскихъ авторовъ, напечатанныя на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ или въ русскомъ переводѣ. Свѣдѣнія, сообщавшіяся тою и другою сторо-

ною, служили для автора взаимною провѣркой другъ другу.

Прежде всего оказывается, что, ни при завоеваніи Финляндіи, ни впослѣдствіи, ей не было дано никакого опредѣленнаго законодательства, въ которомъ были бы ясно указаны основныя начала для управленія этою провинціей и опредѣлены отношенія мѣстныхъ установленій къ центральному русскому правительству. Наканунѣ Боргоскаго сейма, именно 15-го Марта 1809 г., т. е. почти за полгода до подписанія Фридрихсгамскаго мира со Швеціей, Императоръ Александръ обратился къ населенію только что завоеванной Финляндіи съ слѣдующею грамотой: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Вел. Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь *) утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го дня 1809». Эта краткая, изъ восьми строкъ состоявшая грамота имѣла очевидно

*) При самомъ началѣ войны Императоръ Александръ, въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 іюня 1808 г., обѣщалъ имъ сохраненіе „древнихъ установленій, странѣ ихъ свойственныхъ".

характеръ лишь привѣтствія къ новымъ подданнымъ и обнадеживанія ихъ въ сохраненіи имъ ихъ религіи и коренныхъ законовъ. Слѣдовало ожидать, что, по окончаніи войны и замиренія края, правительство съ точностью опредѣлитъ, какіе именно изъ прежнихъ шведскихъ законовъ оставляются въ дѣйствіи и какіе должны считаться упраздненными или измѣненными, по несовмѣстимости ихъ съ государственнымъ правомъ Россіи, ставшей теперь, вмѣсто Швеціи, обладательницею Финляндіи. Однако обстоятельства сложились такъ, что вопросъ этотъ вовсе оставленъ былъ безъ разрѣшенія и остается таковымъ до настоящей минуты. То, что слѣдовало опредѣлить категорически, осталось лишь подразумѣваемымъ; но эти подразумѣванія, какъ и надобно было предвидѣть, съ новымъ поколѣніемъ дѣятелей утратили свою ясность, чѣмъ и воспользовалась слабѣйшая изъ двухъ сторонъ — финляндская. Отсутствіе положительнаго законодательства для Финляндіи дало впослѣдствіи финляндцамъ поводъ утверждать, что Александръ I гарантировалъ этой странѣ, за себя и за своихъ преемниковъ, полную обособленность отъ Россіи, со всѣми политическими правами, какими пользовалось въ то время Шведское королевство на основаніи такъ называемыхъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г.

Кромѣ сказанной краткой грамоты Александра I, былъ наскоро изготовленъ въ томъ же 1809 г. и

утвержден Императором (на французском языкѣ), 6 августа 1809 г., регламент правительственнаго совѣта (переименованнаго въ 1816 г. въ финляндскій сенат). Работа эта была сдѣлана руками исключительно одних финляндцевъ, составивших изъ себя для этой цѣли особый комитет въ Борго, под предсѣдательством епископа Тенгстрёма. Предполагалось сначала, что правительственный совѣт будет только временным учрежденіем, пока правительство, по окончаніи войны, не получит возможности заняться подробнѣе устройством финляндскаго управленія. Сам Спренгпортен, подавшій мысль об учрежденіи совѣта, въ запискѣ, представленной им Императору и утвержденной сим послѣдним (19 ноября 1808 г.), называет совѣт «une régence provisoire». Однако на дѣлѣ никакого подробнаго уложенія не было дано Финляндіи и временное учрежденіе обратилось чрез это въ постоянное. Финляндскіе редакторы регламента совѣта, пользуясь поспѣшностью, съ какою велось русским правительством все финляндское дѣло, и отсутствіем над их дѣйствіями почти всякаго контроля, постарались усвоить правительственному совѣту, притом въ весьма общих и неопредѣленных выраженіях, такія права по административному управленію и судебной части, которыя, при послѣдующих толкованіях, могли бы быть расширены, и дѣйствительно были потом расширены до верховной власти над

страною, а права представителя монаршей власти, т. е. финляндскаго генералъ-губернатора, были въ проектѣ регламента по возможности умалены. Потомъ, въ угоду желаніямъ Боргоскаго сейма, въ окончательной редакціи регламента права генералъ-губернатора были еще болѣе ограничены. Наконецъ въ инструкціи, данной генералъ-губернатору позднѣе, именно въ январѣ 1812 г., и написанной подъ диктовку извѣстнаго финляндскаго шведа Армфельта, тогдашняго руководителя Императора Александра по финляндскимъ дѣламъ, значеніе генералъ-губернатора было низведено почти до экзекуторскихъ обязанностей. О прокурорѣ совѣта, избираемомъ, на основаніи регламента, непремѣнно изъ финляндцевъ, хотя и сказано, что онъ подчиняется генералъ-губернатору, но изданною въ 1812 г. инструкціею прокурору онъ былъ превращенъ въ контролера надъ самимъ генералъ-губернаторомъ. О важнѣйшихъ вопросахъ новаго порядка управленія этою страною, именно объ отношеніяхъ финляндскихъ учрежденій къ высшимъ властямъ имперіи, о порядкѣ изданія законовъ, о правахъ и кругѣ вѣдѣнія сейма, объ языкѣ, на которомъ должно происходить дѣлопроизводство въ совѣтѣ, обо всемъ этомъ въ регламентѣ, конечно съ умысломъ, ничего не было сказано. Все это финляндскіе редакторы предусмотрительно предоставляли послѣдующимъ толкованіямъ, дабы не испугать Императора и его министровъ слишкомъ явнымъ выраженіемъ финляндскихъ

домогательствъ на самодержавіе. Регламентъ представлялъ сплошную сѣть умолчаній, на которыхъ, при желаніи, можно было строить какіе угодно выводы. Побѣжденные, съ большимъ тактомъ, съ отличнымъ знаніемъ свойствъ своихъ побѣдителей, предоставляли осуществленіе своихъ надеждъ времени и извѣданной безпечности русскихъ властей. Барклай-де-Толли, занявшій постъ финляндскаго генералъ-губернатора послѣ увольненія отъ него извѣстнаго Спренгпортена, удержавшагося на немъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, прямо называлъ регламентъ правительственнаго совѣта пагубнымъ, приписывалъ его исключительно ухищреніямъ шведскаго дворянства, изстари отличавшагося оппозиціоннымъ и олигархическимъ направленіемъ, и считалъ лучше вовсе не имѣть тамъ генералъ-губернатора, чѣмъ лишить его необходимыхъ полномочій. Въ томъ же 1809 году, двумя комиссіями, избранными сеймомъ изъ своей среды, были набросаны въ общихъ чертахъ постановленія о поселенномъ войскѣ, о податяхъ и о монетѣ, то есть о вопросахъ, имѣвшихъ только частное и второстепенное значеніе. Вотъ и все, что было сдѣлано въ моментъ завоеванія Финляндіи для опредѣленія ея будущаго управленія. Кромѣ того, согласно обѣщанію Александра, возвѣщенному финляндцамъ еще при началѣ войны, былъ созванъ сеймъ въ Борго 16 марта 1809 г., для представленія Императору мнѣній и ходатайствъ депутатовъ, избранныхъ сословіями страны, по четыремъ

поставленнымъ имъ вопросамъ, разработаннымъ въ упомянутыхъ комитетѣ и двухъ комиссіяхъ, именно: о правительственномъ совѣтѣ, о поселенномъ войскѣ, о податяхъ и монетѣ.

На первыхъ порахъ, когда продолжались еще военныя дѣйствія противъ Швеціи и русское правительство еще не ознакомилось съ законами и учрежденіями занятой нашими войсками страны, нельзя было конечно и думать о начертаніи для нея подробныхъ узаконеній и окончательномъ устройствѣ ея управленія. Все это должно было стать заботою будущаго времени. Случилось однако такъ, что Финляндія вовсе не получила отъ русскаго правительства никакого органическаго законодательства и остается въ такомъ положеніи до настоящаго времени, въ теченіе 80 лѣтъ. Грамота 15 марта 1809 г. доселѣ служитъ «великой хартіей» Финляндіи, изъ которой тамошніе дѣльцы и писатели выводятъ для своей страны всѣ желательныя для нихъ права, о которыхъ и не помышлялъ Александръ I, подписывая этотъ документъ. Правительственный совѣтъ, на скорую руку учрежденный тогда въ Финляндіи по регламенту, написанному самими же финляндцами, сдѣлался потомъ, подъ именемъ финляндскаго сената, въ полномъ смыслѣ верховнымъ правительствомъ этой провинціи. Вмѣсто того, чтобы оставить въ Финляндіи только мѣстныя учрежденія, какъ было при шведскомъ господствѣ, верховное же завѣдываніе дѣлами сосредоточить въ

Петербургѣ, подобно тому, какъ было нѣкогда сдѣлано относительно трехъ балтійскихъ губерній (также состоявшихъ прежде подъ шведскимъ владычествомъ), наше правительство допустило перенести центръ правительственной власти въ самую завоеванную провинцію, хотя враждебное противу Россіи настроеніе ея жителей, особенно ея высшаго класса, вполнѣ было извѣстно Императору Александру и его министрамъ. Барклай-де-Толли, не смотря на свою непривычку къ гражданскимъ дѣламъ, но какъ человѣкъ, отличавшійся прямотою характера, и какъ вѣрный слуга отечества, на первыхъ же порахъ своего генералъ-губернаторства заявлялъ въ Петербургъ, что правительственному совѣту слѣдовало имѣть пребываніе въ русской столицѣ, а не въ Финляндіи, а председателемъ его долженъ быть одинъ изъ высшихъ русскихъ сановниковъ. Онъ предсказывалъ, что если совѣтъ останется въ Финляндіи, то долго еще будутъ держаться тамъ прежніе порядки, т. е. преобладаніе шведскаго дворянства и враждебность противъ Россіи. Въ случаѣ же оставленія совѣта въ Финляндіи, онъ требовалъ себѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ полиціи, безусловнаго начальства, независимаго отъ совѣта; финансовыя же и таможенныя дѣла онъ предлагалъ сосредоточить въ Петербургѣ, въ министерствѣ финансовъ. Ничего этого не было однако исполнено и все осталось такъ, какъ желали того финляндскіе руководители, во главѣ

которыхъ стоялъ извѣстный Спренгпортенъ*). Впослѣдствіи, именно при переименованіи правительственнаго совѣта въ сенатъ (въ 1816 г.), Александръ I еще болѣе увеличилъ обособленность финляндскаго управленія обѣщаніемъ избирать въ члены сената только коренныхъ финляндцевъ.

Старанія финляндскихъ патріотовъ о возможномъ отстраненіи русскихъ государственныхъ властей отъ вліянія на управленіе Финляндіей не остановились на

*) Георгъ Магнусъ Спренгпортенъ, финляндскій шведъ, искатель денегъ и отличій, сперва былъ довѣреннымъ лицемъ у шведскаго короля Густава III, но, неудовольствованный имъ въ своихъ желаніяхъ, перешелъ въ русскую военную службу при Екатеринѣ II. Онъ былъ душою Аньяльскаго заговора, составленнаго финляндскими офицерами противъ своего короля во время войны 1788—1790 г. между Россіей и Швеціей, и дѣйствуя по уполномоченію русскаго правительства, склонялъ заговорщиковъ къ отдѣленію Финляндіи отъ Швеціи, со вступленіемъ подъ покровительство Россіи. Въ эпоху завоеванія Финляндіи, Спренгпортенъ былъ главнымъ руководителемъ Императора Александра I-го и его министровъ въ дѣлѣ устройства управленія этою областью, былъ первымъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и получилъ отъ Государя чинъ генерала отъ инфантеріи и графскій титулъ. Съ 1812 года, когда Спренгпортенъ сошелъ уже со сцены, главнымъ совѣтникомъ при Александрѣ I по финляндскимъ дѣламъ явился другой шведскій перебѣжчикъ Густавъ Морицъ Армфельтъ, также финляндскій шведъ и также пользовавшійся большимъ довѣріемъ и даже дружбой Густава III. Въ царствованіе его преемника и сына, Густава Адольфа IV, онъ измѣнилъ отечеству, былъ заочно приговоренъ къ смерти (подобно Спренгпортену) и перешелъ на службу въ Россію, гдѣ достигъ должности члена государственнаго совѣта, званія генералъ-адъютанта и графскаго титула. Онъ былъ отцомъ того графа Армфельта, который при Императорѣ Александрѣ II долгое время занималъ должность финляндскаго статсъ-секретаря.

учрежденіи правительственнаго совѣта. Александръ I поручилъ вести переговоры съ финляндцами и докладывать ему финляндскія дѣла Сперанскому; но такъ какъ Сперанскій не зналъ шведскаго языка, то явилась надобность имѣть при немъ чиновника изъ шведовъ. Спренгпортенъ и Маннергеймъ (также одинъ изъ зачинщиковъ Аньяльскаго заговора) указали на нѣкоего барона Ребиндера, который и былъ опредѣленъ «состоящимъ при Государѣ для производства дѣлъ новоприсоединенной Финляндіи». Въ 1811 году учреждена была въ Петербургѣ коммиссія финляндскихъ дѣлъ и Ребиндеръ явился уже самостоятельнымъ и единственнымъ докладчикомъ государя по симъ дѣламъ. При Императорѣ Николаѣ, въ 1834 году, Ребиндеру дано было званіе министра статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндіи, а коммиссія была переименована въ финляндскій статсъ-секретаріатъ. Ребиндеръ занималъ сказанную должность до самой своей смерти, въ 1841 году. Впослѣдствіи будетъ сказано, какіе догматы относительно русскаго правительства исповѣдывалъ, какъ по собственному убѣжденію, такъ и по завѣту своего отца, этотъ сановникъ, руководившій въ дѣлахъ Финляндіи двумя Императорами въ теченіе тридцати лѣтъ. Такимъ образомъ финляндскія дѣла были вовсе изъяты изъ вѣдѣнія русскихъ министровъ и высшихъ правительственныхъ мѣстъ государства, и единственнымъ докладчикомъ или, вѣрнѣе сказать, руководителемъ Государя въ этихъ

дѣлахъ явился министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества, на каковую должность, начиная съ Ребиндера, исключительно избирались потомъ финляндскіе шведы.

Самъ Спренгпортенъ полагалъ, что финляндскія дѣла должны докладываться Государю подлежащими министрами и чрезъ нихъ же должны идти всѣ высочайшія повелѣнія, адресуемыя на имя генералъ-губернатора. Предположеніе Спренгпортена было принято Аракчеевымъ и Кноррингомъ (замѣнившимъ Буксгевдена въ командованіи войскомъ), которые разсматривали записку Спренгпортена. Между тѣмъ Александръ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и внушеніямъ, повелѣлъ, чтобъ всѣ представленія финляндскаго сената и генералъ-губернатора поступали прямо къ нему, помимо министровъ. Это непостижимое по своей цѣли рѣшеніе имѣло потомъ роковое вліяніе на дѣла Финляндіи и какъ бы совершенно отрывало эту область отъ остальнаго государства. Финляндцы не безъ основанія говорятъ, что ихъ статсъ-секретарь есть въ сущности посланникъ Финляндскаго государства при дворѣ союзной съ нимъ Россійской Имперіи, и видятъ въ этомъ учрежденіи одну изъ санкцій ихъ сепаратизма. Спрашивается: откуда же русскій монархъ можетъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ въ этой области и слышать совѣты, соотвѣтственные пользамъ Россіи и достоинству монархической власти? Конечно въ исторіи не

найдется другаго примѣра, чтобъ завоеванная область была въ такой степени изъята отъ всякаго участія государственныхъ властей въ ея управленіи и предоставлена исключительному вѣдѣнію ея урожонцевъ или, вѣрнѣе сказать, ея высшаго класса, отличающагося притомъ исконною и нескрываемою враждебностію къ завоевателямъ. Со времени завоеванія русскими западной Финляндіи вліяніе шведской партіи сдѣлалось тамъ еще сильнѣе, чѣмъ было прежде; эта страна съ теченіемъ времени не только не сближалась съ своей метрополіей, но все больше и больше отъ нея отдалялась. Возможно ли представить себѣ, чтобы что-либо подобное было допущено напримѣръ прусскимъ правительствомъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, чтобы прусскій король отстранилъ всѣхъ своихъ министровъ отъ участія въ управленіи этою провинціей, отдалъ бы тамошняго намѣстника подъ опеку мѣстнаго сената и по всѣмъ дѣламъ, касающимся этой области, выслушивалъ доклады и принималъ совѣты только отъ лицъ, избранныхъ имъ изъ числа тамошнихъ французскихъ или давно уже офранцузившихся урожонцевъ? Какія послѣдствія должны бы произойти изъ такого образа управленія? Учрежденіемъ финляндскаго статсъ-секретаріата и тамошняго сената, состоящаго изъ однихъ только финляндскихъ урожонцевъ, русское правительство само закрыло для себя возможность въ будущемъ не только скрѣпить связь вновь пріобрѣтенной провинціи съ остальнымъ государствомъ, но даже

имѣть надзоръ за тѣмъ, что въ ней совершается. Присутствіе въ Финляндіи русскаго генералъ-губернатора, какъ показалъ опытъ, ни мало не исправило сказанной коренной ошибки. При исключительномъ употребленіи въ дѣлопроизводствѣ сената, сейма и всѣхъ другихъ тамошнихъ инстанцій шведскаго языка, вовсе неизвѣстнаго русскимъ генералъ-губернаторамъ, и при той незначительной власти, которая удѣлена имъ на основаніи регламента сената, генералъ губернаторы лишены практической возможности имѣть точныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ этой странѣ и быть тамъ дѣйствительными охранителями правъ русской государственной власти. Каждый изъ сенаторовъ (не говоря уже о министрѣ статсъ-секретарѣ) имѣетъ тамъ гораздо болѣе возможности провести въ подвѣдомственной ему части свои намѣренія и достигнуть своей цѣли, чѣмъ могъ бы это сдѣлать русскій генералъ-губернаторъ. Достойно замѣчанія, что упомянутый Ребиндеръ, начавшій собою рядъ финляндскихъ министровъ статсъ-секретарей и 30 лѣтъ державшій въ своихъ рукахъ направленіе дѣлъ въ этой провинціи, былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ русской власти въ эпоху завоеванія Финляндіи и, по свидѣтельству финскаго историка Кастрена, основанному на собственноручныхъ мемуарахъ Ребиндера, исповѣдывалъ въ душѣ такой догматъ, что «русскій государь царствуетъ въ Финляндіи, но не управляетъ ею». (Покор. Ф. II, 286). Этотъ догматъ служилъ руко-

водящимъ правиломъ не для одного Ребиндера въ ряду финляндскихъ статсъ-секретарей. Учрежденіе статсъ-секретаріата при Императорѣ Николаѣ несомнѣнно было сдѣлано по внушенію того же Ребиндера.

Водвореніемъ высшаго правительственнаго установленія, вмѣсто столицы государства, въ инородческой провинціи (совѣтъ имѣлъ свое мѣстопребываніе сперва въ Або, а потомъ въ Гельсингфорсѣ) предрѣшался уже косвеннымъ образомъ и вопросъ о языкѣ, на которомъ должно вестись все дѣлопроизводство по дѣламъ высшаго управленія Финляндіей. хотя вопросъ этотъ нигдѣ опредѣленнымъ образомъ не разъясненъ. Финляндскіе дѣльцы, писавшіе для своей страны упомянутыя законоположенія отъ имени русскаго правительства, не рѣшались въ то время и поднимать этого вопроса: до такой степени казалось имъ дерзкимъ предлагать русскому монарху, чтобы государственный языкъ былъ упраздненъ въ дѣлахъ высшаго управленія ихъ страною и замѣненъ языкомъ шведскимъ, не только никому неизвѣстнымъ въ Россіи, но и совершенно чуждымъ коренному населенію самой Финляндіи. Шведскій языкъ былъ дотолѣ офиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи потому именно, что онъ былъ языкомъ государственнымъ, ибо Финляндія принадлежала Швеціи. Самъ Спренгпортенъ, главный внушитель всѣхъ тогдашнихъ мѣропріятій относительно Финляндіи, въ представленномъ имъ Императору Александру докладѣ объ управленіи Финляндіей, го-

ворилъ: «дѣла будутъ производиться, за невозможностью поступить иначе, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіемъ правительства будутъ учреждены школы русскаго языка, этотъ языкъ, въ качествѣ главнаго, будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство, вмѣстѣ съ финскимъ, какъ языкомъ народнымъ» (Пок. Ф. II, 237). На самомъ же дѣлѣ тогдашніе финляндскіе дѣльцы и въ этомъ вопросѣ возлагали надежду на время и на извѣстную безпечность и податливость русскихъ властей, питая увѣренность, что временное допущеніе шведскаго языка въ дѣлахъ высшаго управленія обратится потомъ въ постоянный фактъ. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Окончательное водвореніе шведскаго языка въ законодательствѣ и дѣлопроизводствѣ Финляндіи само собой повело къ тому, что правительство лишилось возможности назначать русскихъ на какія бы то ни было правительственныя должности въ этой странѣ.

Эти два обстоятельства, господство шведскаго языка и преграждение русскимъ возможности занимать правительственныя должности въ Финляндіи, еще болѣе расширили тотъ ровъ, которымъ эта область отдѣлила себя отъ Россіи и отъ ея правительства. Вся ея законодательная, административная и юридическая жизнь прикрылась непроницаемымъ туманомъ отъ глазъ русскаго правительства. Важнѣйшіе акты, исходившіе отъ имени и за подписаніемъ Государей, состав-

лялись руками самихъ же финляндцевъ, и хотя подносились Государю на русскомъ, а при Александрѣ I-мъ часто даже на французскомъ языкѣ, но въ шведскомъ переводѣ оныхъ дѣлались нерѣдко измѣненія, придававшія тѣмъ или другимъ выраженіямъ превратный смыслъ. Первые финляндскіе дѣльцы, взявшіе въ свои руки направленіе судьбы Финляндіи, Спренгпортенъ, Маннергеймъ, Ребиндеръ, Армфельтъ и другіе, слѣдуя задуманной системѣ, во всѣхъ законодательныхъ актахъ и всеподданнѣйшихъ представленіяхъ оставляли прозапасъ разныя неясности и недосказанныя мѣста (pierres d'attente), въ ожиданіи, что со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, они будутъ пополнены и досказаны соотвѣтственно цѣлямъ финляндской политики и свяжутъ финляндскую систему въ стройное цѣлое. Тотъ же самый маневръ повторялся и послѣдующими преемниками первыхъ финляндскихъ политическихъ дѣятелей. Верховная власть сама отстранила отъ себя въ дѣлахъ Финляндіи содѣйствіе русскихъ государственныхъ людей и ввѣрилось руководительству исключительно однихъ финляндцевъ. Опытные и ловкіе финляндскіе дѣльцы слѣдовали въ этомъ случаѣ тому убѣжденію, что нѣтъ такой несообразности, которая отъ частаго повторенія не приняла бы наконецъ вида непреложной истины, особенно когда та сторона, которую имѣлось въ виду ввести въ заблужденіе, отличается безпечностью и податливостью. Правительство Александра I-го выпустило

изъ своихъ рукъ право и обязанность, единственно ему принадлежавшія, дать вновь завоеванной странѣ устройство, справедливое по отношенію къ новымъ подданнымъ, но прежде всего сообразженное съ верховными правами и безопасностью самой Россіи. Въ странѣ, завоеванной русскою кровію и, какъ несомнѣнно показывали факты, преисполненной ненавистью къ русской власти, правительство Александра I-го предоставило полновластно распоряжаться и направлять дѣла главнымъ ненавистникамъ русской власти —тамошнимъ шведскимъ аристократамъ и чиновникамъ, и даже, чрезъ устраненіе государственнаго языка изъ дѣлопроизводства въ высшихъ инстанціяхъ, само закрыло для себя возможность имѣть наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ этой провинціи. Русское войско прогнало шведскіе полки за море, но наше тогдашнее правительство опять отдало въ шведскія руки все управленіе этою страной. Вотъ корень тѣхъ плодовъ, которые выросли потомъ на финляндской почвѣ и грозятъ Россіи въ будущемъ серьезными затрудненіями, тѣмъ болѣе, что между самими русскими, имѣвшими обязанность и возможность знать и открыть истину, встрѣчались въ прежнее время такіе, которые, подъ вліяніемъ лести и угодничества окружавшихъ ихъ финляндцевъ, а также чтобы отстранить отъ себя лишнія хлопоты и не нажить служебныхъ непріятностей, старались утаивать ненормальное положеніе тамошнихъ дѣлъ.

Мысль о сеймѣ была внушена Александру все тѣмъ же Спренгпортеномъ, сперва подъ предлогомъ простаго принесенія присяги на вѣрноподданство въ лицѣ избранныхъ сословіями депутатовъ. Потомъ уже Спренгпортенъ сталъ выставлять, что сеймъ необходимъ для представленія Государю мнѣній и ходатайствъ мѣстныхъ сословій о нуждахъ страны, неотложно требующихъ удовлетворенія. Ничего не могло быть справедливѣе такой мѣры, ибо русское правительство, не зная ни народа, ни его потребностей, ничего не могло бы сдѣлать, безъ содѣйствія самихъ сословій, для облегченія и лучшаго устройства этой страны, вконецъ разоренной бѣдствіями войны. Но для такой цѣли не было никакой надобности въ той торжественной обстановкѣ, которая была дана сейму по внушенію Спренгпортена и по плану, начертанному руками сеймовыхъ депутатовъ, выбранныхъ въ упомянутыя выше двѣ коммиссіи. Не было надобности ни въ личномъ присутствіи Государя для открытія сейма, ни въ произнесеніи рѣчей какъ имъ самимъ, такъ и сеймовыми депутатами, ни въ маршалѣ сейма, ни въ канцлерѣ юстиціи, ни во всемъ замысловатомъ церемоніалѣ сейма. Все это было придумано шведскими руководителями для того, чтобы придать сейму конституціонную форму въ смыслѣ западно-европейскомъ и открыть чрезъ то дорогу къ дальнѣйшимъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Для нихъ не было тайной, что самъ Императоръ питалъ конституціонныя

мысли, мысли неясныя, далеко еще неустановившіяся и потому сопровождавшіяся безпрестанными противорѣчіями въ его дѣйствіяхъ. Финляндскіе руководители Александра не только шли на встрѣчу этимъ мыслямъ, но далеко ихъ опережали, стараясь, хотя, какъ мы увидимъ, и безуспѣшно, придать сейму рѣшительное значеніе западныхъ конституціонныхъ палатъ. Императоръ Александръ думалъ сперва ограничиться вызовомъ въ Петербургъ сословныхъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, для изложенія правительству потребностей страны. Такая депутація и была дѣйствительна вытребована въ Петербургъ. Но депутаты ѣхали туда неохотно, возражая, что они не имѣютъ полномочій отъ населенія и не могутъ изображать собою истинныхъ представителей страны. Дѣло въ томъ, что простая депутація экспертовъ, собранная въ Петербургѣ безъ всякихъ конституціонныхъ церемоній и отвѣчающая на вопросы, поставленные ей русскими министрами, не соотвѣтствовала видамъ Спренгпортена, Маннергейма и другихъ направителей финляндскихъ дѣлъ. Имъ необходима была на первый разъ хотя бы только одна внѣшность конституціонныхъ порядковъ, ибо они надѣялись, что за внѣшностью придетъ со временемъ и дѣйствительное осуществленіе ихъ стремленій. По первоначальной мысли самого Александра, сеймъ долженъ былъ быть простымъ собраніемъ экспертовъ, призванныхъ для содѣйствія Государю въ устроеніи вновь завоеванной страны. Доказатель-

ствомъ сему служатъ между прочимъ слова ближайшаго исполнителя намѣреній Александра въ финляндскихъ дѣлахъ, Сперанскаго, въ его оффиціальномъ письмѣ къ финляндскому генералъ-губернатору Барклаю-де-Толли, гдѣ онъ высказываетъ, какъ основное правило, что «отъ сейма требуются не декреты, не законоположенія, а простыя мнѣнія» (Пок. Ф. II, 416). Но для такого совѣщательнаго учрежденія естественнѣе всего было бы вызвать депутатовъ въ Петербургъ и возложить общее руководство ихъ занятіями на Сперанскаго или на одного изъ русскихъ министровъ. Истинныя выгоды Финляндіи отъ этого не пострадали бы, а между тѣмъ были бы устранены тѣ посягательства на политическую роль и на ограниченіе правъ монарха, которыя тотчасъ же были проявлены депутатами на Боргоскомъ сеймѣ. Но финляндскимъ патріотамъ требовалось придать сейму именно политическое и властное значеніе, въ смыслѣ западно-европейскихъ конституціонныхъ палатъ: потому они и постарались окружить открытіе его возможною торжественностію. Когда Императоръ, открывъ сеймъ, уѣхалъ изъ Финляндіи и когда въ Петербургѣ были увѣрены, что земскіе депутаты занимаются только обсужденіемъ заданныхъ имъ вопросовъ, въ Борго шла уже борьба за власть, за преобладаніе надъ самимъ Государемъ. Но когда эти попытки дошли до Императора, то онъ, прозрѣвъ намѣренія руководителей сейма, подтвердилъ, подъ угрозой его закрытія, чтобъ онъ не смѣлъ разсуждать ни

о чемъ другомъ, кромѣ четырехъ поставленныхъ ему вопросовъ, именно: о поселенномъ войскѣ, о взиманіи податей, о монетѣ и о проектѣ регламента правительственнаго совѣта.

II.

Покореніе Финляндіи имѣло цѣлію оградить безопасность нашей столицы и нашего балтійскаго флота отъ постоянныхъ угрозъ со стороны Швеціи и предупредить возможность такихъ событій, какъ внезапное вторженіе шведскихъ войскъ въ Выборгскую губернію въ 1789 и 1790 годахъ, когда выстрѣлы шведскихъ кораблей были слышны въ Петергофѣ. Но и послѣ завоеванія Финляндіи Россіей, Швеція, при всей ея сравнительно съ Россіей слабости, могла бы однако нанести намъ чувствительные удары въ союзѣ съ другими, болѣе сильными нашими врагами. Поэтому учрежденіе въ Финляндіи такого управленія, которое ручалось бы за прочность въ ней русской власти и надежное огражденіе съ этой стороны безопасности нашихъ границъ, представляло для Россіи вопросъ величайшей важности. Какимъ же образомъ могло случиться, что онъ былъ рѣшенъ наперекоръ очевиднымъ интересамъ Россіи и безъ соблюденія самыхъ элементарныхъ требованій государственной науки? Правительство Александра I-го имѣло уже предъ собою добрый примѣръ слитія съ государствомъ восточной

Финляндіи, то есть Выборгской губерніи, которая по управленію почти не отличалась тогда отъ другихъ губерній Россіи. Было вполнѣ справедливо и со здравою политикою согласно сохранить вновь присоединенной Финляндіи тѣ ея мѣстные законы и учрежденія, которые прямо вытекали изъ особенностей ея исторіи и народнаго быта; но ихъ слѣдовало поставить въ согласіе съ верховными правами и внѣшнею безопасностью того государства, къ которому Финляндія была присоединена и которое становилось теперь на мѣсто Швеціи, а не оставлять управленія цѣлой инородческой области въ неопредѣленномъ и недосказанномъ положеніи, могущемъ повести, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Такой образъ дѣйствій Императора Александра относительно Финляндіи объясняется какъ личнымъ характеромъ этого Государя, такъ и тогдашними обстоятельствами. Александръ, при многихъ прекрасныхъ свойствахъ своего ума и характера, отличался чрезмѣрнымъ славолюбіемъ и недостаткомъ русскаго народнаго чувства. То и другое было слѣдствіемъ его воспитанія и окружавшей его обстановки. Обожаемый своею бабкой Екатериною, которая мечтала для него о славѣ Александра Македонскаго *), возросшій среди

*) Вскорѣ послѣ его рожденія Екатерина велѣла выстроить для него великолѣпный дворецъ на берегу Невы, въ 30 верстахъ выше Петербурга, и назвала эту мызу Пеллой, по имени того города, гдѣ родился Александръ Македонскій. Впослѣдствіи дворецъ этотъ пришелъ въ развалины.

тогдашнихъ побѣдныхъ торжествъ, онъ привыкъ смотрѣть на себя, какъ на монарха, предназначеннаго къ великимъ подвигамъ. Воспитаніе его было ввѣрено швейцарскому республиканцу Лагарпу, а товарищами его юности были молодые люди, хотя и носившіе русскія имена, но напитанные иноземными понятіями и чувствами; наиболѣе же способный изъ окружавшихъ его придворныхъ, князь Чарторижскій, былѣ въ душѣ заклятый врагъ Россіи. Такое воспитаніе и обстановка совершенно изгладили въ его душѣ любовь и уваженіе къ русской народности и въ то же время посѣяли въ ней безсознательное благоговѣніе къ свободнымъ идеямъ Франціи и Англіи. Тяжелыя впечатлѣнія, оставленныя въ его душѣ всѣми обстоятельствами царствованія его отца, могли только усилить въ немъ увлеченіе либеральными идеями. Но это чувство, при незнакомствѣ Императора съ исторіей, внутреннимъ бытомъ и потребностями собственнаго отечества, не могло повести ни къ какимъ плодотворнымъ послѣдствіямъ. Вступивъ на престолъ на 24-мъ году жизни и подстрекаемый въ чувствѣ славолюбія своими, столь же, какъ и онъ, неопытными сверстниками, онъ прежде всего вздумалъ состязаться въ военной славѣ съ Наполеономъ; но получилъ тяжкіе для Россіи уроки въ сраженіяхъ подъ Аустерлицомъ и Фридландомъ, изъ которыхъ въ первомъ онъ имѣлъ даже самоувѣренность взять на себя распоряженіе битвою. Испытавъ неудачу на военномъ поприщѣ, онъ возмечталъ, что предна-

значенъ быть реформаторомъ подвластныхъ ему народовъ въ духѣ идей политической свободы. Имѣлъ ли онъ при этомъ цѣлію благо своихъ подданныхъ или же искалъ, какъ и въ вызовѣ на борьбу Наполеона, только личной своей славы? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить то, что, послѣ кратковременной вспышки либеральныхъ намѣреній, Александръ, въ послѣдніе годы своего царствованія, круто повернулъ въ противную сторону и не только не возвращался къ своимъ прежнимъ конституціоннымъ планамъ, но выказывалъ полное равнодушіе даже къ самымъ настоятельнымъ нуждамъ своего народа. Его славолюбіе было удовлетворено побѣдоносною ролью предводителя европейскихъ народовъ въ окончательной борьбѣ съ самовластіемъ Наполеона. Въ противность своимъ прежнимъ стремленіямъ, онъ вообразилъ себя охранителемъ европейскихъ престоловъ отъ посягательствъ карбонаріевъ и, дѣйствуя по указкѣ Меттерниха, гораздо болѣе принималъ къ сердцу династическіе интересы европейскихъ монарховъ, чѣмъ то, что дѣлалось въ его собственномъ государствѣ.

Въ эпоху завоеванія Финляндіи Александръ находился на кульминаціонной точкѣ своего конституціоннаго настроенія. Неизвѣстно, въ какой формѣ намѣревался онъ дать свободныя учрежденія своимъ народамъ; да едва ли и для него самого была ясна эта форма. У него имѣлся планъ всероссійской конституціи, составленный его приближенными — княземъ

Чарторижскимъ и Новосильцовымъ, и заключавшійся, по словамъ весьма близкаго къ Императору лица, извѣстнаго военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, «въ пустыхъ либеральныхъ теоріяхъ, неудобопримѣнимыхъ къ нашему отечеству». По желанію Александра, его тогдашній fac-totum Сперанскій составилъ ему другой планъ конституціи, ограничивавшійся нѣсколькими общими положеніями (Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. «Русск. Вѣстн.», сентябрь 1890 г.).

Кромѣ личнаго либеральнаго настроенія Александра, образъ дѣйствій его относительно Финляндіи объясняется и тогдашними обстоятельствами. Хотя шведская война 1808—1809 гг. была предпринята по предварительному уговору съ Наполеономъ, который злобствовалъ на шведскаго короля Густава-Адольфа IV за его союзъ съ Англіей и думалъ своимъ согласіемъ на присоединеніе къ Россіи Финляндіи пріобрѣсть своимъ планамъ поддержку Александра, тѣмъ не менѣе взаимныя отношенія обоихъ монарховъ не переставали быть натянутыми съ самаго Тильзитскаго міра. Эрфуртское свиданіе, происходившее въ то самое время, когда финляндцы сочиняли въ Борго новые уставы для своей страны, не только не изгладило коренныхъ противорѣчій въ намѣреніяхъ обоихъ этихъ государей, но убѣдило Александра въ неизбѣжности новаго столкновенія съ Наполеономъ, къ которому онъ питалъ глубокое недовѣріе, хотя и былъ очарованъ

его умомъ и военнымъ геніемъ. Подъ вліяніемъ этихъ ожиданій и общей тревожной неизвѣстности, висѣвшей тогда надъ Европою, всѣ дѣйствія Александра относительно Финляндіи были отмѣчены крайнею, можно сказать лихорадочною поспѣшностью, отнимавшею отъ его русскихъ совѣтниковъ всякую возможность зрѣлаго обсужденія предпринимаемыхъ мѣръ. Притомъ обычная угодливость предъ мимолетными желаніями Государя стояла для нихъ на первомъ планѣ. Александръ очевидно спѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ финляндскими дѣлами и, посредствомъ пышныхъ обѣщаній, привязать къ себѣ населеніе страны, только-что покоренной русскимъ оружіемъ, чтобы имѣть развязанныя руки на случай новой борьбы съ Наполеономъ. Въ самый разгаръ войны со Швеціей, когда русское войско могло еще потерпѣть неудачи и отступить (какъ потомъ и случилось на нѣкоторое время) и когда сильная Свеаборгская крѣпость была еще въ шведскихъ рукахъ, Императоръ Александръ спѣшитъ уже возвѣстить европейскимъ державамъ (деклараціей отъ 16 марта 1808 г.), что «часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою и которую россійскія войска заняли силою оружія, признается областью, россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи». Затѣмъ, въ іюнѣ того же 1808 года, во время самой ожесточенной войны противу насъ шведскаго войска и финскихъ крестьянъ, предводимыхъ

пасторами и шведскими офицерами, когда нѣкоторые русскіе отряды принуждены были къ отступленію, Государь, по внушенію Спренгпортена и съ цѣлію расположить къ себѣ финляндцевъ, повелѣваетъ созвать сословныхъ депутатовъ на сеймъ, а самъ спѣшитъ уѣхать на Эрфуртское свиданіе съ Наполеономъ. Самый сеймъ состоялся въ слѣдующемъ 1809 году, марта 16-го, тоесть на полгода раньше заключенія Фридрихсгамскаго мира, когда русское войско только-что вступило на шведскій берегъ, совершивъ свой геройскій переходъ по льду Ботническаго залива, хотя окончательный исходъ столь рискованнаго предпріятія никѣмъ тогда не могъ еще быть предвидѣнъ.

Такою же лихорадочною поспѣшностью отличаются дѣйствія Александра и относительно устройства управленія вновь завоеванною страною. Онъ ограничился одними фразами, одними неопредѣленными обѣщаніями сохранить Финляндіи ея прежніе законы и преимущества, предоставивъ самимъ финляндцамъ сочинять для себя на скорую руку отрывочныя постановленія по разнымъ вопросамъ. Финляндцы дѣйствовали по одному, хорошо обдуманному плану, съ нашей же стороны не существовало ни знакомства съ предметомъ, ни единства въ дѣйствіяхъ. Статсъ-секретарь Сперанскій, военный министръ, Аракчеевъ, и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ графъ, Салтыковъ, которымъ было поручено веденіе переговоровъ съ финляндцами, думали только объ угожденіи тогдашнему либеральному

настроенію Императора, его искательству популярности среди финляндцевъ и желанію какъ можно скорѣе покончить это дѣло съ формальной стороны. Они вполнѣ подчинились вліянію выдающихся лицъ изъ числа тогдашнихъ финляндскихъ политиковъ, въ особенности же вліянію назначеннаго тогда генералъ-губернаторомъ Финляндіи, Спренгпортена, который игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ первенствующую роль и вполнѣ овладѣлъ довѣріемъ Александра. Представленія главнокомандующаго нашимъ войскомъ въ Финляндіи графа Буксгевдена, несовпадавшія съ видами Спренгпортена, были оставляемы безъ вниманія Сперанскимъ и Аракчеевымъ, и самъ Буксгевденъ, ненавидимый Аракчеевымъ, былъ наконецъ обнесенъ имъ во мнѣніи Императора и лишенъ его довѣрія. Одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ понималъ, что всѣ дѣйствія Спренгпортена и другихъ финляндскихъ дѣльцовъ клонились къ совершенному разъединенію Финляндіи съ остальною Россіей; но Румянцевъ былъ въ это время поглощенъ переговорами съ Наполеономъ, сопровождалъ Государя на Эрфуртское свиданіе и затѣмъ былъ посланъ въ Парижъ, откуда возвратился уже передъ самымъ засѣданіемъ Боргоскаго сейма. Финляндскіе политики успѣли провести всѣ свои намѣренія такъ, что успѣхъ превзошелъ даже ихъ ожиданія. Не удалось имъ только добиться признанія Императоромъ шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. основными законами Финляндіи.

*

Центръ тяжести финляндскихъ домогательствъ былъ выраженъ съ особою опредѣлительностію въ инструкціи, данной дворянствомъ Кюменгордской губерніи своему уполномоченному, посланному въ Петербургъ въ составѣ депутаціи, назначенной для изложенія правительству ходатайствъ населенія. По этой инструкціи слѣдовало испрашивать отъ Государя, «чтобы отправленіе верховной власти въ Финляндіи принадлежало только лично Его Величеству, а не русскимъ правительственнымъ органамъ», другими словами — чтобы русскій Императоръ смотрѣлъ на Финляндію глазами самихъ финляндцевъ и принималъ относительно ея только тѣ дѣйствія, которыя будутъ присовѣтованы ему самими финляндцами. Это было только повтореніе упомянутаго выше догмата перваго финляндскаго статсъ-секретаря барона Ребиндера, что русскій Государь только царствуетъ въ Финляндіи, но не управляетъ ею. Финляндцы, призванные къ устроенію правительственнаго механизма въ ихъ странѣ, старались какъ можно болѣе запутать и затемнить будущія отношенія ея къ русскому правительству, дабы, подъ покровомъ этой путаницы и темноты, незамѣтно достигнуть полнаго разъединенія ихъ отечества съ Россіей. Тактика, усвоенная съ тѣхъ поръ финляндцами по отношенію къ русскому правительству, весьма рельефно была выражена Іоганномъ Ребиндеромъ (отцомъ будущаго статсъ-секретаря) въ его наставленіи депутатамъ, посылавшимся

въ Петербургъ отъ Абовской губерніи. «Приготовимся къ борьбѣ за принципы, внушалъ онъ депутатамъ, и не забудемъ, что, уступая хотя бы пядь почвы, на которой боремся, мы находимся въ опасности потерять все. Русское правительство, по всѣмъ видимостямъ, хорошо знакомое съ узурпаціонной тактикой, не преминетъ рано или поздно воспользоваться тѣмъ, что создано нами. Между тѣмъ, какъ бы ни были справедливы наши опасенія, мы не можемъ говорить о нихъ, не погрѣшая противъ приличія и не натыкаясь на другіе подводные камни. Поэтому сдѣлаемъ заявленія, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо ли, хорошо ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими *конституціонными таинствами*. Безразлично, хромаетъ немного наше заявленіе или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не разрушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat — противорѣчить принципамъ». (Пок. Ф. II, 175—176). Это правило примѣнялось съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда русское правительство (что̀ случалось впрочемъ весьма рѣдко) думало принять какую-нибудь мѣру несогласную съ принципомъ полнаго разъединенія Финляндіи съ Россіей: «нельзя, отвѣчаютъ финляндцы, противорѣчить нашимъ законамъ, которые вы обѣщали сохранить». Съ такими-то дѣльцами, какъ Спренгпортенъ, Іоганнъ Ребиндеръ, Маннергеймъ и другіе, издавна искусившимися въ

политической борьбѣ, тѣсно сомкнутыми одною патріотическою, а вѣрнѣе сказать сословно-дворянскою цѣлію и дѣйствовавшими по зрѣло обдуманной и настойчиво проводимой системѣ, приходилось состязаться нашимъ Аракчееву, Салтыкову и Сперанскому, которые не имѣли у себя никакого опредѣленнаго плана и дѣйствовали на почвѣ вовсе ими неизвѣданной. Изъ нихъ даже Сперанскій (не говоря уже о первыхъ двухъ) далеко не отвѣчалъ важности возложеннаго на нихъ дѣла: онъ былъ только человѣкъ пера и теоріи, весьма способный и быстро работающій чиновникъ; но онъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакого политическаго опыта, потому что сей послѣдній пріобрѣтается только тамъ, гдѣ населеніе или по крайней мѣрѣ образованный классъ принимаетъ участіе въ политической жизни своей страны. Притомъ угожденіе личному, мимолетному настроенію Императора, стоявшее у этихъ государственныхъ людей на первомъ планѣ, отнимало у нихъ и ту долю опытности и пониманія, какую они могли бы проявить въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ противная сторона дѣйствовала вполнѣ самостоятельно и съ развязанными руками. Такъ и нерѣдко бываетъ въ исторіи, что сторона несравненно слабѣйшая въ матеріальномъ отношеніи, сторона побѣжденная и беззащитная оказывается въ моральномъ отношеніи гораздо сильнѣе своихъ побѣдителей.

При всей необдуманности дѣйствій Императора и

его увлеченіи наружною формою конституціонныхъ учрежденій, онъ однако ни мало не думалъ жертвовать финляндцамъ существенными правами русскаго самодержавнаго государя, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ понималъ, что финляндцы посягаютъ на одно изъ этихъ правъ. Поэтому между его широковѣщательными рѣчами и грамотами и его дѣйствіями проявились, на первыхъ же порахъ, противорѣчія, которыми впрочемъ столь богато все его царствованіе. Совершенная неопредѣленность и голословность обѣщанія сохранить финляндцамъ ихъ прежнія права и преимущества стала, при самомъ приступѣ къ дѣлу, прозводить уже свое дѣйствіе и запутывать взаимное положеніе двухъ сторонъ, такъ что Императору нерѣдко приходилось разрывать эту конституціонную путаницу своимъ самодержавнымъ словомъ. Такъ, объявивъ еще въ началѣ войны о созывѣ сейма, Александръ оставляетъ потомъ эту мысль и думаетъ замѣнить сеймъ простымъ собраніемъ депутатовъ, вытребованныхъ въ Петербургъ, а черезъ 5 мѣсяцевъ снова возвращается къ мысли о созывѣ сейма, подъ вліяніемъ внушеній Спренгпортена. Когда, предъ самымъ открытіемъ Боргоскаго сейма, Маннергеймъ, главный послѣ Спренгпортена совѣтодатель Императора Александра, ослѣпленный неожиданнымъ успѣхомъ финляндскихъ домогательствъ, осмѣлился заговорить о томъ, что, по основнымъ шведскимъ законамъ 1772 и 1789 гг., слѣдовало бы и русскому Императору, какъ обязывался швед-

скій король, принести присягу въ сохраненіи конституціи, и когда эта попытка дошла до свѣдѣнія Александра, то онъ, по словамъ финляндскаго историка Кастрена, пригрозилъ немедленно закрыть ландтагъ и распустить депутатовъ и при этомъ случаѣ прямо выразилъ, что форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г. не могутъ быть приняты (Пок. Ф. II, 353). Затѣмъ, когда на Боргоскомъ сеймѣ депутаты стали добиваться, чтобъ имъ было дозволено разсуждать не о четырехъ только заданныхъ имъ вопросахъ, но о всемъ касающемся внутренняго устройства Финляндіи, то и эта попытка была рѣшительно отвергнута Императоромъ. Сказанное домогательство было внушено сейму Де-Гееромъ, однимъ изъ совѣтниковъ Александра и другомъ Сперанскаго, игравшимъ на сеймѣ роль маршала. Тотъ же Де-Гееръ поднялъ на сеймѣ вопросъ о томъ, что сеймовымъ депутатамъ слѣдовало бы имѣть участіе въ веденіи переговоровъ со Швеціей при заключеніи мира. Съ этою просьбою депутаты входили даже къ Императору; но онъ, конечно, отвергъ и это нелѣпое домогательство. Въ той же просьбѣ и по внушенію того же Де-Геера, депутаты отъ дворянства ходатайствовали объ учрежденіи, помимо правительственнаго совѣта, особаго верховнаго комитета, на манеръ существовавшаго прежде въ Швеціи тайнаго комитета, который, въ эпоху олигархіи, послѣдовавшей за Ништадтскимъ миромъ, захватилъ въ свои руки всѣ важнѣйшія дѣла и распоряжался

Швеціей по своему произволу. Домогательство это было также отстранено Императоромъ. Послѣднія двѣ попытки сейма, а собственно дворянскихъ представителей, показываютъ во первыхъ, до какой степени доходили посягательства на верховную власть со стороны главныхъ финляндскихъ руководителей и ихъ увѣренность въ безграничной близорукости и слабости русскаго правительства. Попытка же создать особый верховный комитетъ раскрываетъ истинный характеръ дѣйствій шведскаго дворянства Финляндіи: заботясь не объ общемъ благѣ населенія, а только о своихъ сословныхъ и личныхъ выгодахъ, оно стремилось возвратить себѣ прежнее самовластіе, ограниченное Густавомъ III. Городскіе депутаты сейма прямо указывали правительству, что учрежденіемъ верховнаго комитета всѣ дѣла ихъ страны будутъ отданы въ руки шведскаго дворянства. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ тогдашніе финляндскіе совѣтники и руководители Александра: Спренгпортенъ, Маннергеймъ, Де-Геeръ, Егергорнъ, были главными зачинщиками Аньяльскаго заговора противъ Густава III, старавшагося обуздать самовластіе шведскаго дворянства.

Можно ли однако удивляться смѣлости всѣхъ сказанныхъ домогательствъ со стороны финляндцевъ, когда самъ Александръ, въ своемъ увлеченіи конституціонною театральностью, при закрытіи Боргоскаго сейма выражался въ такихъ, столь мало свойственныхъ достоинству русскаго монарха выраженіяхъ: «Aucune

influence, aucune autorité étrangère à la vôtre n'osa franchir le seuil de ces portes J'ai veillé sur l'indépendance de vos opinions. Ce peuple brave et loyal bénira la Providence, qui a amené l'ordre de choses actuel». Было слишкомъ ясно, кого разумѣлъ русскій Императоръ подъ этою «постороннею властью и вліяніемъ, которыя не дерзнули переступить порога Боргоскаго сейма»: это были его министры, которыхъ надзоръ и совѣты въ дѣлахъ Финляндіи онъ такъ презрительно отвергалъ въ этой рѣчи, какъ оскорбляющіе святыню финляндскихъ вольностей. Онъ превозносилъ «храбрость и вѣрность» финновъ, закапывавшихъ русскихъ плѣнныхъ живыми въ землю, и ни однимъ словомъ не воздалъ предъ побѣжденнымъ врагомъ дани уваженія русскому войску и русскому народу, которыхъ крови, жертвамъ и беззавѣтной вѣрности онъ былъ обязанъ тогдашнею ему покорностью этихъ храбрыхъ и вѣрныхъ финляндцевъ.

Не одинъ сеймъ, но и правительственный совѣтъ, на первыхъ же порахъ своего существованія, не замедлилъ проявлять оппозицію верховной власти всякій разъ, когда она принимала какія-нибудь мѣры относительно Финляндіи, не спросясь предварительно у совѣта или сейма. Такъ, когда въ 1810 году было высочайше повелѣно всѣхъ праздношатающихся финновъ брать въ солдаты и отсылать въ Петербургъ, то правительственный совѣтъ сейчасъ же протестовалъ противъ этого распоряженія, ссылаясь на то, что Финляндія по преж-

нимъ законамъ была освобождена отъ принудительнаго рекрутскаго набора. Протестъ этотъ не былъ однако уваженъ, потому что военнымъ министромъ былъ уже въ это время, вмѣсто Аракчеева, благородный и стойкій Барклай-де-Толли, достаточно уже проникшій, въ бытность свою финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, стремленія вѣрноподданныхъ финляндцевъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что молодой и неопытный въ дѣлахъ правленія Императоръ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, чего онъ хотѣлъ: конституція на словахъ и во внѣшней обрядности, самодержавіе на дѣлѣ — вотъ какъ можно было охарактеризовать его тогдашній образъ дѣйствій по отношенію къ Финляндіи.

Но если Александръ I, въ своихъ рѣчахъ и манифестахъ къ финляндцамъ, допускалъ неопредѣленныя обѣщанія, дававшія поводъ превратнымъ толкованіямъ, то совершенно иначе выражалось наше правительство въ трактатѣ со Швеціей, постановленномъ при заключеніи Фридрихсгамскаго мира, гдѣ требовались не общія и неопредѣленныя обѣщанія, а точное выраженіе совершившагося факта и принятыхъ правительствомъ рѣшеній. Въ статьѣ 4-ой трактата сказано: «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами и т. д., а равно ихъ принадлежности, *преимущества, права и выгоды* будутъ отнынѣ состоять *въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской* (а не лично одного только Императора Россійскаго, какъ утверждаютъ финляндскіе историки) *и къ ней навсегда присое-*

дняются». Въ статьѣ 6-ой говорится: «Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами *милосердія* и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества*, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія». Слѣдовательно Императоръ Александръ, какъ скоро требовалось въ обязательномъ международномъ актѣ опредѣлительно выразить принятое имъ относительно Финляндіи рѣшеніе, прямо объявлялъ, что всѣ преимущества и права ея жителей будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи, тоесть сохраненіе, распространеніе или ограниченіе этихъ правъ, не подлежа никакому обязательному предрѣшенію, будутъ единственно зависѣть отъ соизволенія русскихъ монарховъ и всякія на этотъ счетъ условія съ шведскимъ королемъ рѣшительно отстраняются. Тѣмъ менѣе могли быть допущены русскимъ Государемъ какія-бы то ни было обязательныя условія съ самими финляндцами, приведенными въ покорность Россіи силою оружія и по тому самому не имѣвшими никакого голоса въ постановленіи условій присоединенія ихъ страны къ Россіи. Милосердіе русскаго мо-

нарха было единственнымъ источникомъ и гарантіей всѣхъ полученныхъ ими льготъ. Оговоривъ такимъ образомъ безусловную полноту державныхъ правъ Россіи надъ Финляндіей, трактатъ опредѣляетъ, какія именно обезпечивались ей, личнымъ великодушнымъ соизволеніемъ Императора Александра, милости и права, именно: свободное отправленіе вѣры, права собственности и преимущества. Ни малѣйшаго слѣдовательно упоминанія о какихъ-нибудь условіяхъ, предрѣшающихъ въ будущемъ политическое отношеніе Финляндіи къ Россіи или ограничивающихъ полноту державныхъ правъ второй надъ первою. Въ письмѣ къ Наполеону, писанномъ весной 1808 г , Алекасандръ прямо называетъ Финляндію русской провинціей: «J'ai déclaré la Finlande Suédoise province russe. Comme votre Majesté l'a très bien jugé, la sureté de ma capitale l'exigeait» (Пок. Ф. II, 92).

Тогдашніе финляндскіе совѣтники Императора Александра, отлично изучившіе его характеръ, не щадили никакой лести, чтобы подкупить его въ пользу своего дѣла. Они именовали его «великимъ, неоцѣненнымъ монархомъ, какъ нѣкое божество, какъ ангелъ хранитель приготовляющимъ наше счастіе, которое безъ него выпадетъ изъ нашихъ слабыхъ рукъ». Сперанскаго они величали «Mon Seigneur», какъ бы нѣкоего принца крови, и также восхваляли его великій умъ и возвышенность образа мыслей. Они хорошо знали ту почву, на которой имъ приходилось работать, знали, что

у насъ тогда на первомъ планѣ были космополитическія идеи и исканіе популярности за предѣлами родины, при весьма легкомъ отношеніи къ достоинству и пользамъ своего русскаго отечества и при полномъ пренебреженіи къ суду своихъ соотечественниковъ. Финляндскіе дѣльцы, добиваясь своихъ цѣлей то хитростью, то лестью, пользуясь то тщеславіемъ, то невѣдѣніемъ своихъ новыхъ господъ, дѣйствовали, съ ихъ точки зрѣнія, патріотично и даже не могли дѣйствовать иначе. Послѣ кровопролитной борьбы, ихъ страна была отторгнута отъ Швеціи, съ которою она сжилась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и которой была обязана всею существовавшею у нея долей европейско-христіанской цивилизаціи. Шведо - финляндское дворянство, привыкшее къ самовластію и произволу, трепетало при мысли о русской власти, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, угрожала ему полною потерею его значенія. Съ другой стороны, униженіе, испытанное Швеціей въ эту послѣднюю войну, довершившую прежніе удары, нанесенные ей Россіей, должно было глубоко уязвлять патріотическое чувство шведо-финляндцевъ и переполнять ихъ непримиримою, хотя и скрываемою по необходимости ненавистью ко всему русскому. Простой финскій народъ, на который пали всѣ бѣдствія этой войны, также имѣлъ всѣ причины бояться и ненавидѣть русскихъ, особенно при неограниченномъ господствѣ надъ его умами мѣстнаго лютеранскаго духовенства, отличавшагося религіознымъ

фанатизмомъ не меньше своихъ католическихъ праотцевъ. Финляндцы, и послѣ прекращенія открытой войны, считали себя воюющею стороною, которой дозволительны всѣ способы обороны и возможное пользованіе всѣми слабыми сторонами противника. Упрекать ихъ въ этомъ отношеніи было бы несправедливо; мы можемъ упрекать только противную имъ сторону за ея чрезмѣрныя легкомысліе, недальновидность и неуваженіе къ правамъ и интересамъ своего отечества. Такой образъ дѣйствій тогдашнихъ нашихъ правительственныхъ лицъ повелъ къ тому, что успѣхъ финляндскихъ домогательствъ превзошелъ самыя смѣлыя надежды первыхъ шведскихъ піонеровъ на этомъ пути, всѣхъ этихъ Спренгпортеновъ, Маннергеймовъ, Ребиндеровъ, Де-Геровъ, Клингспоровъ, Егергорновъ, Колоніусовъ, которыхъ финляндцы справедливо считаютъ основателями ихъ безпримѣрного въ мірѣ политическаго положенія.

Хотя финляндцы подъ властію Россіи достигли потомъ такого благосостоянія, о которомъ они не смѣли и мечтать подъ суровымъ шведскимъ господствомъ, но финляндскіе правители, пасторы, шведскія школы и шведскіе газетчики постоянно увѣряли народъ, что всѣми этими благами онъ обязанъ единственно своему финляндскому правительству, которое всѣми силами охраняетъ его отъ ненавистной русской власти. Нѣсколько поколѣній финляндской молодежи было воспитано въ идеяхъ отчужденія отъ Россіи и даже вражды къ

ней. Эта смута глубоко посѣяна теперь въ умахъ финскаго городскаго населенія и уничтожить ее будетъ весьма трудно. Политика, думающая привязать покоренныя народности одпѣми лишь щедротами и политическими вольностями, въ расчетѣ на благодарность населенія, есть политика ложная, какъ показалъ намъ многократный опытъ. Сліяніе покоренныхъ народовъ съ коренпымъ государствомъ можетъ быть достигнуто только тогда, когда они въ общегосударственныхъ законахъ и учрежденіяхъ и въ образѣ дѣйствія правительственныхъ органовъ будутъ видѣть лучшее и болѣе прочное обезпеченіе своего благоденствія, чѣмъ то, которое давалъ имъ прежній порядокъ. Если же, наоборотъ, ихъ привилегированное въ политическомъ отношеніи положеніе будетъ постоянно напоминать имъ, что общегосударственные административные и судебные порядки признаются со стороны самого правительства неспособными дать имъ справедливое и благоустроенное управленіе, то они конечно не будутъ имѣть никакого побужденія присоединиться къ общегосударственному строю, а напротивъ того — будутъ все болѣе и болѣе стремиться оторваться отъ него. Самое улучшеніе ихъ матеріальнаго благоденствія, подъ покровомъ ихъ исключительныхъ привилегій, будетъ служить для нихъ поводомъ не желать сближенія съ общегосударственнымъ порядкомъ. Царство Польское, при присоединеніи его къ Россіи при Александрѣ I, также было надѣлено исключительными политиче-

скими привилегіями и выгодами, незнакомыми обитателямъ коренной Россіи. Его матеріальное благосостояніе возрасло съ тѣхъ поръ до неузнаваемости сравнительно съ тѣмъ, каково оно было при существованіи Рѣчи Посполитой. Но развѣ все это послужило для скрѣпленія нравственной и политической связи Польши съ Россіей? Напротивъ того, привилегированное положеніе Польши повело только къ постоянному подогрѣванію польскихъ мечтаній о независимости и къ періодическимъ возстаніямъ противъ русской власти.

Императоръ Александръ не удовольствовался тѣмъ, что излилъ на вновь присоединенную Финляндію всевозможныя блага политическія и матеріальныя: онъ не пощадилъ стараго достоянія Россіи, Выборгской губерніи, пріобрѣтенной потоками русской крови еще при славной памяти государѣ Петрѣ Великомъ и его дщери Елисаветѣ. Это преддверіе Петербурга, уже 90 лѣтъ (съ Ништадтскаго мира 1721 г. и Абовскаго 1743 года), состоявшее въ полномъ соединеніи съ Россіей, Александръ, указомъ 31 Декабря 1811 года, включилъ въ составъ вновь присоединенной Финляндіи. Такимъ образомъ эта, значительно уже обрусѣвшая губернія, въ главномъ городѣ которой Вигель, въ 1810 году, не слыхалъ другаго языка кромѣ русскаго («Записки Вигеля») и въ которую было переселено изъ внутреннихъ губерній нѣсколько тысячъ коренныхъ русскихъ крестьянъ, должна была со временемъ сдѣлаться аванпостомъ шведо - финскихъ

чувствъ и порядковъ у воротъ русской столицы. Граница между Россіей и Финляндіей, отодвинутая Петромъ и Елизаветой до рѣки Кюмени, придвинулась теперь къ самому Сестрорѣцку и Бѣлоострову, въ 32 верстахъ отъ Петербурга. Положимъ, страна, лежащая за этою чертою, считается теперь принадлежащею Россіи и въ ней размѣщена русская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей; но зато, несомнѣнно, населеніе Выборгской губерніи, нѣкогда значительно обрусѣвшее и свыкнувшееся съ русскою властью, въ настоящее время сильно уже пропиталось враждебностью къ русскимъ, усердно пропагандируемою изъ Гельсингфорса и Або, этихъ двухъ главныхъ центровъ шведскаго духа и ненависти къ Россіи. Послѣдствія этой враждебности испытываютъ на себѣ всѣ русскіе, имѣвшіе неосторожность пріобрѣсть землю въ Выборгской губерніи для устройства лѣтнихъ дачъ. Многіе изъ нихъ принуждены были потомъ продать эти дачи за безцѣнокъ или даже просто кинуть ихъ на произволъ судьбы: до того были для нихъ невыносимы наглость финновъ и полная беззащитность русскихъ въ тамошнихъ судахъ и административныхъ инстанціяхъ. Такая близость враждебнаго намъ населенія къ столицѣ государства не можетъ ли отозваться опасными послѣдствіями въ случаѣ неудачной для насъ войны и вторженія непріятеля въ предѣлы Финляндіи? Кромѣ того, отдавъ Финляндіи Выборгскую губернію, между жителями которой было много

такихъ, которые въ равной мѣрѣ были освоены какъ съ русскимъ языкомъ, такъ и съ обоими мѣстными нарѣчіями, финскимъ и шведскимъ, русское правительство само себя лишило разсадника людей, которые могли бы быть полезнѣйшими его слугами при управленіи вновь присоединенною частью Финляндіи. Императоръ Александръ сдѣлалъ изъ Выборгской губерніи то самое, что позже онъ хотѣлъ сдѣлать съ древними русскими областями, носящими названіе сѣверо и югозападныхъ губерній: какъ извѣстно, онъ готовъ былъ присоединить ихъ къ образованному на Вѣнскомъ конгрессѣ Царству Польскому, если бъ не былъ удержанъ отъ этого поступка краснорѣчивыми убѣжденіями незабвеннаго Карамзина въ его извѣстномъ письмѣ къ этому Императору.

Не мало послужило также во вредъ государственнымъ интересамъ Россіи то удивительное нововведеніе, что большая часть касавшихся Финляндіи актовъ подносилась на подписаніе Государя на французскомъ языкѣ и потомъ препровождалась въ Финляндію для перевода ихъ на шведскій. Мало того, даже къ депутатамъ на Боргоскомъ сеймѣ Императоръ обращался не на русскомъ, а на томъ же французскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ были произнесены и всѣ рѣчи депутатовъ, и даже депутатовъ отъ горожанъ и крестьянъ! Можно бы подумать, что французскій языкъ былъ весьма распространенъ въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ такъ, какъ онъ распространенъ

въ образованномъ классѣ у насъ въ Россіи. Между тѣмъ языкъ этотъ и доселѣ вовсе неизвѣстенъ финляндцамъ, исключая весьма немногихъ фамилій изъ высшаго дворянства *). Какое же было основаніе предпочитать его русскому государственному языку, которому, судя по здравому смыслу, неизбѣжно предстояло получить распространеніе во вновь пріобрѣтенной провинціи русскаго государства? Не было ли это безцѣльнымъ и неоправдываемымъ никакою необходимостью униженіемъ государственнаго языка, а слѣдовательно и государственнаго начала въ глазахъ новыхъ подданныхъ? Если во вновь присоединенной Финляндіи не было людей, знающихъ русскій языкъ, то въ Выборгѣ и въ самомъ даже Петербургѣ было тогда не мало лицъ, которыя хорошо владѣли и русскимъ, и шведскимъ языкомъ и которымъ можно бы было поручить переводъ государственныхъ актовъ съ русскаго на шведскій, равно какъ и переводъ дѣйствовавшихъ въ Финляндіи шведскихъ законовъ на русскій языкъ, для ознакомленія съ ними русскаго правительства. Но какъ скоро предпочтено было дѣлать все по указкѣ и рукамп финляндскихъ шведовъ, то сама собою явилась надобность въ посредствую-

*) Финляндскіе офицеры, состоящіе на службѣ въ гвардіи и генеральномъ штабѣ, начинаютъ обыкновенно учиться разговорному французскому языку только достигая полковничьяго чина, открывающаго имъ перспективу, съ производствомъ въ генералы, занять на родинѣ сперва губернаторскія, а потомъ и сенаторскія мѣста.

щемъ языкѣ—французскомъ, хотя нѣкоторые изъ этихъ шведскихъ аристократовъ писали на немъ совершенно непонятно и безграмотно, какъ доказываютъ примѣры, приведенные въ книгѣ г. Ордина. Мало того, всѣ относившіеся къ Финляндіи высочайшіе указы и повелѣнія и другіе законодательные акты вовсе не объявлялись въ Россіи въ законодательномъ порядкѣ (какъ это дѣлается и доселѣ) и не вошли впослѣдствіи въ полное собраніе законовъ, и такимъ образомъ пребывали въ неизвѣстности даже для нашихъ высшихъ государственныхъ лицъ послѣдующаго времени. При переводѣ этихъ актовъ на шведскій языкъ для опубликованія въ Финляндіи, въ нихъ не рѣдко дѣлались шведскими переводчиками умышленныя искаженія, съ цѣлію придать рѣшеніямъ верховной власти не тотъ смыслъ, который дѣйствительно имѣлся ею въ виду, а тотъ, который былъ желателенъ для финляндскихъ дѣльцовъ. Этой подделки не избѣжала даже и грамота Александра I-го отъ 15 марта 1809 г. Улики этого рода приведены въ книгѣ г. Ордина (между прочимъ т. I стр. 338—341), который, будучи хорошо знакомъ со шведскимъ языкомъ, не пожалѣлъ труда, чтобы сличить подлинные акты нашихъ государственныхъ архивовъ съ ихъ шведскими переводами. Такъ и въ этомъ случаѣ, какъ въ сотнѣ другихъ, отозвалось вредными послѣдствіями неуваженіе къ отечественному языку, распространенное въ нашемъ высшемъ сословіи.

Но, не говоря уже о всей несообразности дѣлать изъ французскаго языка посредствующій языкъ между русскимъ монархомъ и его финляндскими подданными, существовала ли какая-нибудь разумная причина для того, чтобы оставлять шведскій языкъ официальнымъ языкомъ законодательства и дѣлопроизводства въ Финляндіи и исключительнымъ языкомъ преподаванія во всѣхъ училищахъ, кромѣ низшихъ народныхъ школъ? Всѣхъ жителей въ Финляндіи числилось въ 1886 г. 2.225.000; изъ нихъ чистыхъ финновъ было 85%, остальную часть составляли шведы, русскіе и нѣмцы. Слѣдовательно природныхъ шведовъ находится въ Финляндіи около 300.000 человѣкъ, а финновъ 1.892.000 душъ, и для этихъ послѣднихъ шведскій языкъ есть языкъ совершенно чуждый и незнакомый, за исключеніемъ тѣхъ, кому онъ искусственно навязанъ посредствомъ шведской школы. Прежде шведскій языкъ былъ официальнымъ потому, что Финляндія принадлежала Швеціи; на томъ же самомъ основаніи теперь официальнымъ языкомъ долженъ бы быть русскій. Самое незнаніе шведскаго языка массою финскаго населенія должно бы, казалось, служить только новымъ доводомъ въ пользу замѣны его русскимъ въ законодательствѣ, дѣлопроизводствѣ и обученіи. Самъ Спренгпортенъ считалъ такую замѣну естественною и неизбѣжною и только ходатайствовалъ, чтобы она была совершена не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ ознакомленія населенія съ русскимъ языкомъ путемъ

школы. Если бы наше правительство слѣдовало этому единственно разумному пути, то теперь, черезъ 80 лѣтъ по завоеваніи Финляндіи, русскій языкъ былъ бы тамъ на столько усвоенъ населеніемъ, на сколько онъ усвоенъ въ Грузіи, русской Арменіи и Крыму. Но въ той сумятицѣ, которая царствовала во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Финляндіи, само русское правительство создало изъ шведскаго языка искусственный очагъ, разогрѣвающій въ финскомъ населеніи несуществовавшія прежде симпатіи къ Швеціи. Это обстоятельство, такъ сказать, увѣнчало собою всѣ другія мѣры, созданныя русскимъ правительствомъ по внушенію шведо-финляндскихъ политиковъ для того, чтобы поселить между Финляндіей и Россіей глубокое разъединеніе и сдѣлать ихъ сближеніе надолго, если не навсегда, невозможнымъ.

По окончаніи войны со Швеціей Александръ какъ бы забываетъ о существованіи Финляндіи, удовольствовавшись тѣмъ, что теперь, въ случаѣ крупныхъ военныхъ событій, безопасность столицы была обезпечена отъ внезапнаго вторженія врага. О томъ не было и помина, что Финляндія оставлена безъ органическаго и ясно выраженнаго законодательства и не связана съ Россіей ничѣмъ, кромѣ занятія ея русскимъ войскомъ. Помимо врожденнаго характера Императора, быстро увлекавшагося своими желаніями, но скоро устававшаго въ своихъ начинаніяхъ, оставленіе финляндскихъ дѣлъ въ забвеніи

объясняется и послѣдовавшими за тѣмъ событіями. Тотчасъ по завоеваніи Финляндіи обострились отношенія Александра I къ его недавнему союзнику, Наполеону, рѣшительное столкновеніе съ которымъ русскій государь всегда считалъ неизбѣжнымъ, не смотря на наружныя любезности, взаимно расточавшіяся въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Затѣмъ наступили тревожные годы французскаго нашествія и послѣдовавшихъ за нимъ великихъ войнъ для освобожденія Европы отъ Наполеоновской тираніи. Потомъ, какъ извѣстно, для души Александра, обремененнаго славой и могуществомъ, наступило время разочарованія и усталости, когда онъ оставался равнодушнымъ даже ко внутреннему положенію имперіи и всѣ части управленія поручилъ главному завѣдыванію Аракчеева, которому докладывали дѣла всѣ министры, за исключеніемъ одного начальника главнаго штаба князя Волконскаго. Александръ не внималъ даже доходившимъ до него свѣдѣніямъ о заговорѣ, распространявшемся среди офицеровъ гвардіи и арміи. При такомъ положеніи дѣлъ, вопросъ объ устройствѣ управленія Финляндіей былъ совершенно забытъ.

Сводя все сказанное здѣсь о дѣйствіяхъ Императора Александра I относительно Финляндіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Императоръ несомнѣнно желалъ даровать этой странѣ конституціонное управленіе, но остановился на одних громкихъ и неопредѣленныхъ обѣщаніяхъ, не оформивъ

своего намѣренія никакимъ положительнымъ закономъ. Боргоскій сеймъ былъ единственнымъ отрывочнымъ слѣдомъ этого намѣренія, хотя и онъ только по своей внѣшней обрядности напоминалъ о настоящихъ конституціонныхъ палатахъ, а на самомъ дѣлѣ представлялъ не болѣе, какъ совѣщательное собраніе земскихъ экспертовъ. Мысль Императора о финляндской конституціи находилась въ тѣсной связи съ его намѣреніемъ даровать представительное правленіе всей своей имперіи. Изъ того же основнаго намѣренія возникла впослѣдствіи (въ 1815 г.) и конституція Царства Польскаго, которой такъ не желала Австрія, справедливо опасавшаяся за спокойствіе Галиціи, гдѣ господствовала польская національность. Поспѣшность обѣщаній, заявленныхъ Александромъ I по отношенію къ Финляндіи, когда ничего еще не было обдумано и рѣшено для самой Россіи, объясняется, кромѣ государственной неопытности молодаго Императора, его желаніемъ пріобрѣсть себѣ расположеніе образованнаго класса вновь покоренной страны и обезпечить вѣрность финлядцевъ на случай ожидавшагося столкновенія съ Наполеономъ. Такимъ образомъ обѣщаніе финляндцамъ политическихъ правъ вызвано было тогдашнимъ личнымъ настроеніемъ Императора и особыми обстоятельствами минуты; тогда какъ сохраненіе дѣйствовавшихъ дотолѣ въ Финляндіи общегражданскихъ законовъ и мѣстныхъ учрежденій предписывалось необходимостью и самымъ обыкновеннымъ политиче-

скимъ благоразуміемъ, такъ что эти два дѣйствія Императора были весьма различны какъ по побужденіямъ своимъ, такъ и по значенію. Когда позднѣе Александръ покинулъ свои конституціонные планы относительно Россіи, тогда отъ нихъ остались только два недоконченныхъ обрывка въ Финляндіи и въ Царствѣ Польскомъ, то-есть осталось начало, но не было ни средины, ни конца. Въ этомъ и заключалась фальшь политическаго положенія этихъ двухъ областей и зародышъ всѣхъ послѣдующихъ затрудненій для правительства. Разумѣется ни Финляндія, ни Польша не были тому виною. Мы не касаемся здѣсь вопроса, приготовлена ли была тогда къ конституціоннымъ порядкамъ сама Россія, гдѣ въ полной силѣ существовало еще крѣпостное право помѣщиковъ надъ крестьянами и не было еще и зародыша какого бы то ни было провинціальнаго или сословнаго самоуправленія, хотя бы въ смыслѣ нынѣшнихъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Но тогда уже можно было предвидѣть, что существованіе двухъ провинцій, надѣленныхъ политическими правами, которыхъ не имѣла коренная часть населенія, создастъ въ государствѣ рознь и сдѣлаетъ невозможнымъ равномѣрный ходъ государственнаго механизма: окраины государства будутъ идти по одному темпу и одному направленію, а ядро государства по другому. Оставленіе Финляндіи при однихъ конституціонныхъ обѣщаніяхъ, безъ положительнаго опредѣленія объема и

формы ея конституціонныхъ правъ, еще болѣе запутывало положеніе и побуждало финляндцевъ договаривать и доканчивать по собственному почину то, что было не договорено и не докончено русскимъ правительствомъ. Можно ли упрекать за это финляндцевъ и какой другой народъ на ихъ мѣстѣ не поступалъ бы такимъ же образомъ? Для финляндцевъ было совершенно естественно не только заботиться объ удержаніи всѣми способами обѣщаннаго имъ «правоваго» положенія, но и расширять его дальше предположеннаго Александромъ I предѣла, расширять не только явными путями, но и скрытыми, пользуясь незнакомствомъ русскаго правительства послѣдующаго времени съ «шведскими конституціонными таинствами».

Если общественное мнѣніе въ Россіи возбуждено теперь противу финляндцевъ, то это происходитъ вовсе не отъ того, что они, пользуясь ошибками прежнихъ правительствъ, старались добыть и упрочить себѣ то, что было нѣкогда показано имъ только издалека, но что весьма желательно имъ имѣть на самомъ дѣлѣ, а отъ того, что они провозглашаютъ свою страну отдѣльнымъ государствомъ, знающимъ только своего Великаго Князя, но не желающимъ знать Россіи и ея законовъ, и что русскіе люди подвергаются тамъ систематическимъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ со стороны зазнавшихся отъ своихъ привилегій финляндцевъ. Если русскіе писатели подвергаютъ разбору нынѣшнія финляндскія домогатель-

ства на государственную самостоятельность со стороны ихъ исторической и политической основательности, то дѣлается это вовсе не потому, чтобы у насъ въ Россіи завидовали финляндской конституціи, а потому, что для насъ было бы непростительно не отдавать себѣ яснаго отчета въ этомъ вопросѣ, прямо касающемся исторіи и государственнаго права самой Россіи, ибо, что бы тамъ ни думали о себѣ финляндцы, все же ихъ страна есть область русскаго государства, завоеванная русскою кровью и необходимая Россіи для ея внѣшней безопасности. Въ Россіи огромное большинство образованнаго общества, всѣ люди житейскаго опыта и государственной практики хорошо понимають, что въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ другаго государства, примѣненіе къ которому представительныхъ формъ правленія было бы въ такой степени трудно, какъ къ Россіи. По обширности ея пространства и по чрезвычайному различію входящихъ въ нее народностей въ историческомъ, культурномъ и политическомъ отношеніи, это второй Римъ. Какъ согласовать національныя стремленія Балтійскихъ губерній и Царства Польскаго съ правами и историческимъ укладомъ коренныхъ русскихъ областей, которыми держится крѣпость всего государства? Можно ли предоставить одинаковыя права Европейской Россіи и ея закавказскимъ и среднеазіатскимъ владѣніямъ? Мы видимъ, что въ самомъ отечествѣ европейскихъ конституцій, въ Великобританіи, права

Ирландіи доселѣ не находятъ себѣ справедливаго удовлетворенія, ибо въ нижнемъ парламентѣ представители ея подавлены большинствомъ англо-шотландскихъ депутатовъ, а въ верхнемъ парламентѣ и въ министерствѣ вовсе не имѣютъ себѣ доступа. Такой порядокъ рано или поздно долженъ привести это, сравнительно съ Россіей небольшое королевство къ кровавымъ распрямъ. Въ нашей нѣмецко-мадьярско-итальянско-славянской сосѣдкѣ, Австріи, взаимный антагонизмъ національностей не ослабѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ было дано народное представительство, а сила центральнаго правительства, связывающая всѣ эти разнообразныя народности въ одно цѣлое, значительно съ тѣхъ поръ пошатнулась, такъ что прочность этой монархіи для многихъ представляется теперь сомнительною. Но для нашего русскаго племени государственное распаденіе несравненно опаснѣе, чѣмъ для какого бы то ни было другаго европейскаго народа. Намъ предстоитъ тогда быть опять отрѣзанными отъ западной Европы и Балтійскаго моря и потерять все то значеніе, которое пріобрѣтено Россіей потоками русской крови, начиная съ Петра Великаго. Тогда и финляндцы, которые теперь бросаютъ грязью въ дѣтей русскихъ офицеровъ, когда тѣ появляются на улицахъ въ русскомъ костюмѣ, и преслѣдуютъ насмѣшками и оскорбленіями русскихъ священниковъ, тогда и эти финляндцы заговорятъ съ нами другимъ языкомъ. Теперь они безчинствуютъ

и превозглашаютъ себя отдѣльнымъ государствомъ только потому, что такъ долго были оставлены безъ надзора и благодѣтельной дисциплины, а тогда это будетъ уже властный врагъ, стоящій у самыхъ воротъ нашей столицы.

III.

Современные намъ финляндскіе писатели, истолковывая по своему событія, сопровождавшія присоединеніе Финляндіи къ Россіи, выводятъ изъ нихъ два основныхъ положенія: во первыхъ, что, на основаніи договора, заключеннаго представителями финляндскаго народа съ Императоромъ Александромъ I во время Боргоскаго сейма, Финляндія вступила съ Россіей въ соединеніе на правахъ отдѣльнаго и самостоятельнаго государства, связаннаго съ Русской монархіей только такъ называемою реальной уніей (единствомъ царствующаго дома), подобно тому, какъ Норвегія соединена со Швеціей; во вторыхъ, что Императоръ Александръ I утвердилъ за себя и за своихъ преемниковъ основными законами Финляндіи шведскіе законы, извѣстные подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г. Эти два положенія, пропагандируемыя сперва только въ мѣстной шведско-финской печати и въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ, тоесть въ сферахъ, недоступныхъ для нашего наблюденія, въ послѣднее время стали высказываться фин-

ляндскими писателями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и даже въ брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ на русскомъ языкѣ, очевидно съ намѣреніемъ утвердить эти положенія въ умахъ иностранныхъ и русскихъ читателей. Въ исторіи Финляндіи бывшаго профессора Гельсингфорскаго университета Коскинена (нынѣ сенатора), нѣмецкій переводъ которой изданъ въ 1874 г. въ Лейпцигѣ, весь послѣдній отдѣлъ наименованъ: «Финляндія, какъ государство въ уніи съ Россіей». На 60-ти страницахъ тамъ развивается эта теорія, какъ выводъ изъ событій, сопровождавшихъ покореніе Финляндіи при Александрѣ I, и въ особенности изъ Боргоскаго сейма 1809 г. Учебникъ исторіи Коскинена, по постановленію одного изъ недавнихъ сеймовъ, пріобрѣтенъ въ національную собственность Великаго Княжества и принятъ для народныхъ школъ. Тотъ же Коскиненъ, издавъ въ 1882 г. на финскомъ и французскомъ языкахъ переписку Спренгпортена, свое предисловіе къ оной начинаетъ словами: «Ничего нѣтъ отраднѣе для патріотическаго чувства, какъ начало организаціи Финляндіи въ качествѣ особаго государства». Другой писатель г. Мехелинъ, бывшій также профессоромъ, а потомъ сенаторомъ, развиваетъ теорію самостоятельнаго финляндскаго государства, состоящаго въ уніи съ Россіей, въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ: въ предисловіи къ изданію «Основныхъ законовъ Финляндіи» (на шведскомъ языкѣ), въ Основахъ публичнаго права Финляндіи (Précis du droit public) на фран-

цузскомъ языкѣ и въ изданной имъ въ 1889 г. книгѣ Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finland (стр. 247). Кромѣ Коскинена и Мехелина болѣе или менѣе подробно развиваютъ и упрочиваютъ въ убѣжденіи финляндцевъ фикцію самостоятельнаго финляндскаго государства: Кастренъ въ своихъ «Очеркахъ новѣйшей исторіи Финляндіи», Бергъ въ изданіи «Наше управленіе», сенаторъ Монгомери въ «Замѣткахъ о законодательныхъ работахъ финляндскаго сейма», профессоръ Даніельсонъ въ разныхъ своихъ статьяхъ, и многіе другіе. Послѣдній изъ названныхъ авторовъ, въ изданной имъ на русскомъ языкѣ въ 1890 г. брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи съ Россіей», говоритъ: «На Боргоскомъ актѣ Императоръ Александръ объявилъ свое удостовѣреніе (т. е. грамоту 15 марта 1809 г.) въ качествѣ носителя и представителя верховной власти *въ соединенныхъ государствахъ*. Земскіе чины съ своей стороны принесли Императору и В. Князю присягу вѣрности. Поэтому позднѣйшія Высочайшія удостовѣренія (такъ называютъ финляндскіе писатели манифесты государей при восшествіи на престолъ) и вѣрноподданническія присяги, *которыми* затѣмъ *обмѣнивались государи и финскій народъ*, не могутъ имѣть опредѣлительнаго значенія по вопросу о характерѣ соединенія Финляндіи и Россіи или касательно отношеній монарха къ конституціи Финляндіи. Въ нихъ только выражаются положенія, которыя и безъ того имѣли бы силу, *какъ утвержденныя на вѣчныя*

времена при самомъ соединеніи Финляндіи съ Имперіею. Однако утвержденная разъ навсегда конституція не только предписываетъ, чтобы финскій народъ приносилъ присягу вѣрности каждому новому монарху, но *обязываетъ также государей давать удостовѣренія о сохраненіи законовъ края*; дѣйствительно подобныя удостовѣренія даны всѣми преемниками Александра I. Для развитія конституціи Финляндіи въ прогрессивномъ направленіи царствованіе императора Николая оказалось далеко неблагопріятнымъ; однако и Николай Павловичъ безъ оговорокъ признавалъ, что Финляндія не есть русская губернія и что здѣсь его власть подлежала законнымъ ограниченіямъ» (стр. 160—161). Вслѣдъ за этими писателями идутъ и изданія, предназначаемыя для низшихъ классовъ населенія. Финская газета Päiven Uutiset (Новости дня), основанная въ 1887 г., въ программѣ своей объявляетъ: «по нашему убѣжденію, будущность нашего народа зависитъ отъ того, чтобы всѣ слои его научились живо сознавать, какое особенное значеніе для будущаго Финляндіи, *какъ самостоятельнаго государства существующаго на ряду съ Россіей*, имѣютъ поддержка и развитіе въ ней представительнаго устройства». Наконецъ недавно вышедшая книжка Эдв. Берга «Развитіе государственнаго права Финляндіи съ 1808 г.» (на шведскомъ яз.), по сознанію самого автора, имѣетъ цѣлію воздѣйствовать въ указанномъ направленіи на учащуюся молодежь (Иок. Ф., предисловіе). Въ Гот-

скомъ календарѣ финляндцы прописываютъ свою страну отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ, а финляндскія газеты заявляли уже, что, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей, Финляндія должна держать нейтралитетъ.

Свое утвержденіе о государственной особности Финляндіи тамошніе администраторы и ученые выводятъ главнымъ образомъ изъ грамоты Императора Александра I отъ 15 марта 1809 г., приведенной буквально на стр. 9 этой книги. Но изъ этихъ привѣтственныхъ словъ Александра къ новымъ своимъ подданнымъ можно вывести только одно заключеніе, именно что онъ обѣщалъ сохранить имъ, кромѣ религіи, ихъ гражданскія права и отдѣльное отъ Россіи административное и судебное управленіе, которымъ они пользовались по ихъ кореннымъ, то есть издавна существовавшимъ законамъ и учрежденіямъ (конституціямъ). Затѣмъ созваніемъ Боргоскаго сейма Александръ I выразилъ намѣреніе (хотя потомъ и оставленное имъ безъ дальнѣйшаго выполненія) призывать народныхъ представителей къ участію въ обсужденіи предположенныхъ правительствомъ законодательныхъ мѣръ, чѣмъ безъ сомнѣнія установлялось существенное отличіе между Финляндіей и Россіей относительно порядка законодательства. Но отдѣльное управленіе и отдѣльное законодательство вовсе не создаютъ изъ Финляндіи особой политической единицы и не освобождаютъ ее отъ безусловной подчиненности Русскому государству,

которому она принадлежитъ въ силу завоеванія. Финляндія, и съ своимъ отдѣльнымъ управленіемъ и законодательствомъ, остается провинціей, включенной въ общій составъ Русской монархіи, точно также, какъ Эстляндія, Лифляндія и Курляндія, не смотря на принадлежавшія имъ весьма существенныя отличія отъ внутреннихъ русскихъ губерній, никогда не считались самостоятельными политическими единицами, а просто были и остаются русскими провинціями. Соединеніе двухъ самостоятельныхъ и равноправныхъ государствъ подъ одною царствующею династіею возможно только въ силу обоюднаго ихъ договора. Когда, по Кильскому мирному трактату 14 января 1814 года, Данія уступила Норвегію Швеціи, норвежцы этой уступкѣ не подчинились, выбрали своимъ королемъ прежняго датскаго намѣстника принца Христіана-Фридриха шлезвигъ-гольштейнскаго и эйдсвольдской конституціей 31 мая того же года провозгласили самостоятельность норвежскаго государства. Образовавши такимъ образомъ изъ себя особое королевство, Норвегія вела войну со Швеціей. Послѣ заключеннаго между ними въ августѣ перемирія, шведскій король сперва призналъ самостоятельность Норвегіи и эйдсвольдскую конституцію, и лишь послѣ того норвежскимъ сеймомъ былъ провозглашенъ, по предложенію принца Христіана, норвежскимъ королемъ. Ничего подобнаго не существовало при завоеваніи Финляндіи Россіей. Финляндія была покорная шведскому правительству про-

винція, не только не отложившаяся отъ Швеціи, но ведшая изъ-за нея ожесточенную войну противъ Россіи. По Фридрихсгамскому мирному трактату она была уступлена шведскимъ королемъ Россіи и сама отъ себя, какъ несамостоятельная и завоеванная русскимъ оружіемъ область, не могла заключить съ Россіей никакого договора. Она была не соединена съ Россіей какою-то уніей, а присоединена къ ней, включена въ ея составъ, какъ вполнѣ подчиненная и неотдѣлимая ея часть. Въ статьѣ 4-й фридрихсгамскаго мирнаго трактата прямо сказано: «губерніи сіи со всѣми жителями, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять *въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и навсегда къ ней присоединяются*». Самостоятельное государство, находящееся въ уніи съ другимъ, не можетъ составлять его собственности; первое изъ нихъ подчиняется только общему со вторымъ монарху, но не присоединяется ко второму, какъ часть къ цѣлому, какъ неотъемлемая его собственность. Между тѣмъ Фридрихсгамскій трактатъ указывалъ именно на то, что Финляндія будетъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи не русскаго государя только, а Россійской Имперіи.

Профессоръ Коркуновъ въ своей превосходной статьѣ «Финляндское В. Княжество», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ Юридической Лѣтописи за 1890 г., указавъ на то, что реальная унія двухъ го-

сударствъ можетъ происходить только изъ добровольнаго ихъ между собою соглашенія, присоединяетъ къ сему слѣдующія прекрасныя строки. «Совершенно иначе ставится вопросъ, когда мы имѣемъ дѣло съ завоеваніемъ. Государство-завоеватель является единственнымъ создателемъ разросшагося могущества государства. Завоеваніе покупается всегда очень дорогой цѣной, требуетъ отъ народа тяжелыхъ жертвъ, огромныхъ тратъ. Завоеваніе не есть личное дѣло монарха, не составляетъ только династическій интересъ. Каждое завоеваніе есть народное дѣло и потому приводитъ не только къ установленію единства монарха или династіи, а къ объединенію завоеванныхъ областей въ одно государство. По всему этому завоевавшее государство можетъ предоставить завоеванной области широкую мѣстную автономію, но не можетъ допускать полнаго ея отчужденія отъ себя, доходящаго до обособленія ея въ отдѣльное государство съ особымъ подданствомъ и съ особой территоріей. И въ единомъ государствѣ могутъ существовать значительныя мѣстныя особенности, но по крайней мѣрѣ подданство и территорія должны быть едины. Иначе государство фактически распалось бы на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, чуждыхъ другъ другу и по управленію, и по культурѣ, и связанныхъ только общностью монарха. Поэтому въ финляндскомъ вопросѣ главная суть заключается вовсе не въ существованіи мѣстной автономіи, не въ томъ, что въ Финляндіи

есть сеймъ, ограничивающій власть Великаго Князя. Эти ограниченія не Богъ знаетъ какъ велики, да къ тому же всѣ они свободно установлены самими нашими государями. Не далѣе, какъ еще въ 1886 году, предоставлено было Государемъ финляндскому сейму непринадлежавшее ему прежде право законодательнаго почина. Если такимъ образомъ само правительство находитъ возможнымъ расширять и до сихъ поръ постепенно расширяло права финляндскаго сейма, то русскому обществу не приходится возставать противъ этихъ актовъ верховной власти. Но отчужденность Финляндіи отъ Россіи — это совсѣмъ другое дѣло. Русскіе, завоевавшіе и удерживающіе подъ скипетромъ своего монарха Финляндію, должны по крайней мѣрѣ имѣть право не считаться въ Финляндіи иностранцами, не натыкаться среди единой русской территоріи на таможенную границу (и, прибавимъ отъ себя, не натыкаться на злостныя преслѣдованія и оскорбленія, падающія или, по крайней мѣрѣ, падавшія въ прежніе годы всего болѣе на нашу религію, которою всего больше въ мірѣ дорожитъ русскій народъ, и на нашихъ военнослужащихъ, то есть именно на тѣхъ русскихъ, которые удерживаютъ эту страну подъ скипетромъ русскаго монарха). Отчужденность и мѣстная автономія вовсе не связаны другъ съ другомъ необходимымъ образомъ. Въ царствованіе Императора Николая сеймъ финляндскій ни разу не созывался, а однако отчужденность Финляндіи отъ этого не умали-

лась. И проповѣданіе финляндскими публицистами теоріи объ реальной уніи между Россіей и Финляндіей вовсе не ограничивается однимъ оберегапіемъ мѣстной автономіи. Эта теорія приводитъ именно къ отчужденію отъ Россіи завоеванной нами области. Сенаторъ Мехелинъ не даромъ такъ усиленно подчеркиваетъ, что Финляндія управляется только В. Княземъ и никѣмъ другимъ. Онъ очевидно хочетъ этимъ выразить, что до самой Россіи Финляндіи нѣтъ никакого дѣла, что она знаетъ только русскую династію (замѣтимъ отъ себя, что этотъ парадоксъ сталъ теперь догматомъ, исповѣдуемымъ всѣми финляндцами и признаваемымъ даже многими русскими, мало знакомыми съ отечественной исторіей и съ наукой государственнаго права). Но русскій царь не отдѣляетъ себя отъ русской земли. Какъ ни сильны были иностранныя вѣянія при Александрѣ I, однако и онъ считалъ Финляндію не только подчиненной своему скипетру, но и присоединенной къ Россіи» (стр. 328—329). Вотъ непререкаемый отвѣтъ на догматъ финляндцевъ, что они знаютъ только своего Великаго Князя, но не хотятъ знать Россіи съ ея законами и съ ея мнимыми, по ихъ словамъ, правами на Финляндію. Въ этихъ же строкахъ профессора Коркунова заключается и краснорѣчивое оправданіе того скорбнаго чувства, которымъ бываетъ объятъ каждый русскій, видящій, какъ преслѣдуется и оскорбляется въ Финляндіи тотъ народъ, кровію и жертвами котораго эта провинція была присоединена

къ русской державѣ. Извѣстный профессоръ Вѣнскаго университета Еллинекъ говоритъ о томъ же предметѣ слѣдующее. «Финляндія, по своему устройству и управленію, самостоятельна такъ, какъ никакая другая провинція Россіи. Но тѣмъ не менѣе она только провинція Русской имперіи, а не государство, состоящее съ нею въ реальной или личной уніи, ибо завоеваніемъ государства или части государства господствовавшая въ немъ дотолѣ государственная власть совершенно уничтожается и на ея мѣсто вступаетъ новая: слѣдовательно власть Швеціи замѣнилась властью Россіи. Какимъ образомъ будетъ управляема вновь пріобрѣтенная область, будутъ ли сохранены вполнѣ или отчасти ея старыя учрежденія, это вопросъ государственной мудрости» (Die Lehre von den Staatenverbindungen, 1882, стр. 71).

Что Императоръ Александръ I никогда не думалъ образовывать изъ Финляндіи отдѣльной и обособленной отъ Россіи политической части, это прямо видно, кромѣ приведенныхъ уже документовъ, изъ его манифеста отъ 5 іюня 1808 г., возвѣщавшаго финляндцамъ о присоединеніи ихъ страны къ Россіи, гдѣ между прочимъ сказано: «Въ чредѣ народовъ, скипетру россійскому подвластныхъ и единую имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени восприяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленія Всевышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. Обыватели Финляндіи!

подъ сѣнію престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны. Вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбія открывается. Мы познаемъ вскорѣ всѣ ваши нужды и не умедлимъ простереть вамъ руку помощи и облегченія. Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно. Вѣрные обыватели Финляндіи! будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно» (Пок. Ф. II, 136—137). Вотъ въ какомъ тѣсномъ единеніи съ Россіей предначертывалъ покоритель Финляндіи ея будущее положеніе и подъ какими условіями обѣщалъ ей сохраненіе ея древнихъ узаконеній. Онъ требовалъ вѣрности и преданности не себѣ только лично, но Россіи, и единство съ нею считалъ непреложнымъ условіемъ для Финляндіи: слѣдовательно онъ безусловно подчинялъ ея права верховнымъ правамъ и интересамъ кореннаго государства. Дарованіе финляндскимъ сословіямъ правъ представительства по законодательнымъ вопросамъ могло входить въ виды Императора, какъ прямое послѣдствіе его конституціонныхъ плановъ относительно всего государства; но идея о двучленной Россійско-Фин-

ской монархіи представляетъ такой политическій абсурдъ, котораго никакой серьезный историкъ не можетъ приписывать завоевателю этой ничтожной въ политическомъ и экономическомъ отношеніи области, имѣющей для Россіи одно лишь стратегическое значеніе.

Приступая къ разбору втораго утвержденія финляндскихъ писателей, именно, что основными законами Финляндіи служатъ шведскіе законы, извѣстные подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г., мы прежде всего должны познакомить читателей съ содержаніемъ этихъ двухъ законодательствъ. Оба они напечатаны текстуально, въ официальномъ переводѣ съ шведскаго, въ приложеніяхъ къ тому II книги г. Ордина (стр. 27—47), который разыскалъ эти переводы (изъ нихъ переводъ Формы правленія — рукописный) въ нашихъ государственныхъ архивахъ. Стоитъ только взглянуть на эти два архаическія шведскія законодательства, чтобы убѣдиться въ ихъ полной непримѣнимости къ Финляндіи со времени ея присоединенія къ Россіи и вообще въ отсутствіи въ нихъ всѣхъ тѣхъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять всякій органическій законъ. Уже 1-й параграфъ Формы правленія, обязывающій «короля и всѣхъ особъ, при мѣстахъ находящихся, слѣдовать Аугсбургскому исповѣданію», показываетъ степень примѣнимости этихъ законовъ къ нынѣшнему порядку вещей. Параграфъ

2-й Формы правленія говоритъ, что «король долженъ управлять государствомъ сходственно съ постановленными въ Швеціи законами». Въ § 3 относительно престолонаслѣдія предписывается слѣдовать «условію, сдѣланному и одобренному въ Стокгольмѣ въ 1743 г., соглашенію, подписанному въ Вестеросѣ въ 1544 г., и Нодкепипскому договору 1604 г.». Въ § 4 говорится, что при королѣ должны состоять государственные совѣтники, имъ самимъ избираемые изъ благородныхъ шведовъ, числомъ не свыше семнадцати, включая тутъ первые государственные чины и генералъ-губернатора Помераніи. «Долгъ ихъ подавать королю совѣты, когда онъ того потребуетъ, государственные чины (то есть сеймовыхъ депутатовъ) и націи склонять къ вѣрности и послушанію и, соглашаясь съ опредѣленіемъ сейма 1602 г., совѣтовать, какъ то по мѣсту ихъ предписывается, а не управлять». Въ § 5 сказано: «Король обязанъ управлять, наблюдать, спасать и защищать города и землю, права ихъ и королевскія, какъ гласитъ законъ и сія Форма правленія». Въ § 6-мъ говорится, что при заключеніи мирныхъ договоровъ, перемирій и союзовъ, какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ, король долженъ совѣщаться съ государственными совѣтниками «и если-бъ они всѣ были единогласно противнаго королевскому мнѣнія, то его величество долженъ уступить и согласиться». § 7-й: «Если король чужестранный, то онъ, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ, выѣхать изъ коро-

левства не можетъ; будучи же природный, долженъ сообщить намѣреніе свое государственнымъ совѣтникамъ, коихъ отзывы и совѣты по предыдущей 6-й статьѣ отбирать». Въ § 8 между прочимъ сказано, что «король присутствуетъ въ высшей судебной инстанціи, или въ ревизіонномъ судѣ, составленномъ изъ семи государственныхъ совѣтниковъ; но здѣсь онъ только два голоса имѣетъ и рѣшительный голосъ при равномъ числѣ». Въ § 10-мъ опредѣляется особая процедура, которую король долженъ наблюдать при назначеніи на высшія должности гражданскія, духовныя и военныя (начиная съ полковника). При этомъ возбраняется «назначать чужестранцевъ, будь они князья или другаго состоянія, на какія бы то ни было должности, исключая дворъ королевскій и кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сіи особы блистательными качествами могутъ принести большую честь или особенную пользу государству». Въ § 17 говорится о военной коллегіи, имѣющей въ своемъ завѣдываніи военныя силы и крѣпости государства. § 18 обязываетъ «всѣ военныя силы, какъ сухопутныя, такъ и морскія, съ высшимъ и нижнимъ начальствомъ, присягать на вѣрность и подданство его королевскому величеству, государству и *чинамъ онаго* (то есть депутатамъ сейма), по составленному формуляру». Въ § 33 говорится, что «губерніи и управленіе оными останутся на такомъ точно положеніи, какъ нынѣ (въ 1772 г.), ибо впредь генералъ-губернатора внутри государства быть не должно».

Въ § 34: «Наслѣдный принцъ шведскаго государства и принцы шведской крови не могутъ имѣть удѣла или генералъ-губернаторства, но должны довольствоваться денежнымъ содержаніемъ по штату назначеннымъ, наслѣдные принцы не менѣе 100,000 далеровъ». Въ § 37 говорится, что, въ случаѣ скоропостижной болѣзни короля, когда онъ распоряженіе о государственныхъ дѣлахъ учинить не успѣетъ, а равно и въ случаѣ смерти короля и малолѣтства наслѣдника престола, королевскую власть должны отправлять четыре старшихъ государственныхъ совѣтника и президентъ государственной канцеляріи. Въ § 40 сказано: «Король не можетъ издавать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ». § 42 гласитъ: «При изданіи новаго закона нижеслѣдующій порядокъ наблюдается. Когда государственные чины оный желаютъ, то надлежитъ одумать между собою и по общемъ согласіи проектъ четырмя ораторами королю подносится для истребованія на сіе мнѣнія его величества. Король отбираетъ голоса государственныхъ совѣтниковъ, которые разсмотря, кладетъ рѣшеніе, потомъ собираетъ государственныхъ чиновъ въ залѣ своего дворца и ясною и короткою рѣчью изъявляетъ согласіе свое или же причины, почему согласиться не можетъ. Если же король пожелаетъ предложить новый законъ, то его величество имѣетъ сперва сообщить оный государственнымъ совѣтни-

камъ и, по внесеніи ихъ мнѣній въ протоколъ, все это передастъ государственнымъ чинамъ, кои, по разсмотрѣніи и соглашеніи между собою, просятъ назначить день для сообщенія согласія ихъ королю въ государственной залѣ. Если же мнѣніе будетъ отрицательное, то оное подадутъ чрезъ ораторовъ его величеству письменно, съ изъясненіемъ причинъ». Въ § 44 сказано, что «право бить монету остается собственностью государя; если же онъ возымѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобъ безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось». Въ § 45: «Король не можетъ противу присяги своей при помазаніи и своего Акта увѣренія наложить на подданныхъ какіе-либо новые налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія». Въ § 47 сказано, что «государственные чины имѣютъ право назначать особъ для засѣданія въ комитетахъ, съ коими его королевское величество хочетъ разсуждать о дѣлахъ, по мнѣнію его сокрытыми оставаться долженствующими. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ тайну хранить нѣтъ нужды, дѣла сообщаются полному собранію каждаго состоянія государственныхъ чиновъ на разсмотрѣніе». Наконецъ въ королевскомъ увѣреніи, сопровождающемъ конституцію 1772 г., король заявляетъ, что онъ утвердилъ оную «личною своею присягою», и далѣе объявляетъ дословно слѣдующее: «Мы наисильнѣйшимъ образомъ

симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ коренному закону и, отвергая навсегда, какъ то нами уже учинено, ненавистное королевское самовластіе (förhateliga Konungsliga Enwäldet) или такъ называемое самодержавіе (Souverainitéten), мы почитаемъ всегда за величайшую для себя честь быть первымъ согражданиномъ среди вѣрнаго и вольнаго народа». А въ самомъ текстѣ Формы правленія государственные чины, ее утвердившіе, объявляютъ: «имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію, или такъ называемому неограниченному правленію, мы почитаемъ за превосходнѣйшее счастіе наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, по законоповинующимися чинами» и т. д. Столь же неприменимыми къ Финляндіи, какъ къ одной изъ областей Русской Монархіи, оказываются и постановленія Акта соединенія и охраненія, состоящаго всего изъ восьми краткихъ пунктовъ. Здѣсь, въ пунктѣ 1-мъ, при перечисленіи прерогативъ короля, сказано, что онъ «можетъ замѣщать государственныя должности только природными шведами», изъ чего финляндскіе политики выводятъ, что природные русскіе не могутъ быть назначаемы на правительственныя должности въ Финляндіи, хотя изъ приведенныхъ словъ слѣдовало бы вывести прямо обратное заключеніе. Въ пунктѣ 4-мъ сказано, что «верховные чины и первыя достоинства

государства и придворныя мѣста имѣють только заняты быть дворянствомъ».

Оба эти законодательства изданы по почину шведскаго короля Густава III, отца и предшественника Густава IV Адольфа, при которомъ совершилось завоеваніе западной Финляндіи Россіей. Цѣлію этихъ законодательствъ было обузданіе шведской олигархіи, дошедшей до крайнихъ предѣловъ въ такъ называемый періодъ свободы, начавшійся съ 1720 года, когда власть короля была почти совершенно уничтожена и перешла къ сейму, въ которомъ главнымъ распорядителемъ оказалось дворянство, такъ какъ каждое дворянское семейство имѣло на сеймѣ своего представителя. Униженіе короля дошло до того, что онъ лишенъ былъ права нанимать нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ служителей, если на то не послѣдуетъ согласія сеймоваго комитета изъ дворянъ. Въ самомъ текстѣ обоихъ этихъ законовъ, утвержденныхъ какъ королемъ, такъ и государственными чинами, изображены въ самыхъ темныхъ краскахъ своеволіе, деспотизмъ, корыстолюбіе и предательство высшаго шведскаго класса, грозившіе государству раздробленіемъ и гибелью (намекъ на Аньяльскій заговоръ шведско-финляндскаго дворянства, который и былъ поводомъ къ изданію Акта 1789 г.). Густавъ III поплатился смертью за сдѣланный имъ шагъ къ обузданію шведской олигархіи: избѣжавъ злой судьбы, которую готовили ему четыре года назадъ аньяльскіе заговор-

щики, злоумышлявшіе на его свободу, онъ былъ измѣннически умерщвленъ въ 1792 году шведскимъ дворяниномъ Анкарстрёмомъ, выстрѣлившимъ ему въ спину при выходѣ изъ op. маскарада. Однако имѣвшійся при этомъ въ виду государственный переворотъ не осуществился и изданные при Густавѣ III законы удержались и при его преемникѣ.

Какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ, упоминаемыя два шведскія законодательства не могутъ служить въ настоящее время основными государственными законами ни для какой страны: до такой степени они нестройны, отрывочны, казуистичны, однимъ словомъ лишены всѣхъ качествъ, требуемыхъ отъ всякаго органическаго законодательства. Мы уже не говоримъ о полной неприменимости ихъ къ нынѣшнему положенію Финляндіи, какъ части русскаго государства. Возможно ли даже предположить, чтобы законодательство, случайно созданное нѣкогда для Швеціи вслѣдствіе политическаго переворота, было примѣнимо къ области, вошедшей жребіемъ войны, какъ составная часть, въ другое государство, рѣзко отличающееся отъ Швеціи по своимъ основнымъ государственнымъ законамъ? Между тѣмъ утвержденіе, будто Императоръ Александръ I и всѣ его преемники признали сказанныя два шведскія законодательства основными законами Финляндіи, сдѣлалось общимъ, безпрерывно повторяемымъ мѣстомъ у всѣхъ финляндскихъ писателей. Такъ бывшій сенаторъ Мехелинъ, въ своей поле-

мической брошюрѣ на русскомъ языкѣ «Противорѣчать ли права Финляндіи интересамъ Россіи?», говоритъ: «Основные законы, которые до 1808 г. дѣйствовали въ Финляндіи, какъ въ части шведскаго государства, и которые, при соединеніи Финляндіи съ Россіею, согласно удостовѣренію Императора Александра I, сохранили силу въ видѣ основныхъ законовъ В. Княжества, суть слѣдующіе: Форма правленія 1772 г., Актъ соединенія и безопасности 1789 г. и нѣкоторыя постановленія о составѣ и дѣлопроизводствѣ риксдаговъ (называемыхъ нынѣ сеймами)». «Основные законы Финляндіи, о сохраненіи которыхъ всѣми августѣйшими преемниками Александра I-го, при восшествіи на престолъ, изданы удостовѣренія, однородныя съ вышеупомянутымъ удостовѣреніемъ отъ 15 марта 1809 г., впослѣдствіи были развиты сеймовымъ уставомъ 3 апрѣля 1869 г. и кромѣ того подверглись также нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ» (стр. 31—33). «Все, что постановлено относительно короля въ шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 г. утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 г., разумѣется, примѣняется къ Императору и Великому Князю», (стр. 5). Въ приведенныхъ здѣсь выпискахъ изъ этого авторитетнѣйшаго въ глазахъ финляндцевъ политическаго писателя и мѣстнаго дѣятеля заключается смыслъ всѣхъ остальныхъ разсужденій финляндской печати объ основныхъ законахъ ихъ края. Казалось бы, что, утверждая фактъ такой первостепенной

важности, какъ признаніе Императоромъ Александромъ I-мъ шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. основными законами Финляндіи, слѣдовало бы подтвердить его ссылками на документы. Однако ничего подобнаго мы не находимъ ни у Мехелина, ни у другихъ финляндскихъ писателей. Они повидимому думають, что имъ, какъ присяжнымъ знатокамъ финской исторіи, всѣ обязаны вѣрить на-слово въ томъ, что̀ доказать имъ желательно. Между тѣмъ въ каждомъ словѣ вышеприведенныхъ утвержденій г. Мехелина заключается противорѣчіе общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ. Ни въ грамотѣ 15 марта 1809 г., на которую ссылается г. Мехелинъ, ни въ другомъ какомъ-либо манифестѣ, рѣчи или повелѣнія Императора Александра I не находится ни малѣйшаго упоминанія о сказанныхъ двухъ шведскихъ законахъ. Напротивъ того, даже по свидѣтельству самаго популярнаго въ Финляндіи и враждебнаго Россіи историка Кастрена, когда до Александра была доведена попытка Маннергейма склонить его, на основаніи Формы правленія и Акта соединенія, къ принесенію присяги, то «Императоръ пригрозилъ немедленно закрыть ландтагъ и распустить чиновъ и сказалъ, что Форма правленія не можетъ быть принята» (Пок. Ф. II, 353). Если бъ Александръ I подъ именемъ коренныхъ законовъ, сохраненіе которыхъ онъ обѣщалъ Финляндіи, разумѣлъ сказанные шведскіе законы 1772 и 1789 гг., то какимъ же образомъ могло случиться, что о нихъ

нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія даже въ регламентѣ правительственнаго совѣта, этомъ основномъ правительственномъ актѣ того времени? Во введеніи къ регламенту, имѣющемъ форму Высочайшаго манифеста, Александръ именуетъ правительственный совѣтъ «верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ, облеченнымъ довлѣющею властью къ охраненію законовъ, въ которомъ сосредоточиваются правительственныя мѣста губерній и которое могло бы ими управлять, сохранять единство въ началахъ, ограждать силу и дѣйствіе законовъ». Какимъ же образомъ, повторяемъ, могло случиться, что въ регламентѣ того учрежденія, которое было призвано управлять страною и ограждать силу и дѣйствіе законовъ, ни слова не упомянуто о тѣхъ законахъ, которые, по утвержденію финляндскихъ писателей, признаны были основными законами этой провинціи? Равнымъ образомъ эти законы пройдены были безусловнымъ молчаніемъ и на Боргоскомъ сеймѣ, тогда какъ онъ для того и былъ созванъ, чтобы между прочимъ разсмотрѣть проектъ регламента правительственнаго Совѣта. Утвержденіе г. Мехелина и другихъ современныхъ финляндскихъ публицистовъ, будто бы и всѣ преемники Александра, при восшествіи на престолъ, удостовѣряли Финляндіи сохраненіе шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг., есть также плодъ ихъ собственнаго измышленія. Стоитъ только взглянуть на манифесты Императоровъ Николая, Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Импе-

ратора Александра III, данные при восшествіи ихъ на престолъ жителямъ Финляндіи, чтобы видѣть, что они буквально повторяютъ выраженія грамоты 15 марта 1809 г., гдѣ о шведскихъ законахъ 1772 и 1789 гг. не упоминалось ни слова. Неужели же и Императоръ Николай, подтверждая финляндцамъ сохраненіе ихъ коренныхъ законовъ, разумѣлъ подъ этимъ словомъ два сказанныя шведскія законодательства? Едва ли бы нашелся такой сенатъ и такой министръ статсъ-секретарь, которые осмѣлились бы предложить ему утвержденіе этихъ законовъ. Наконецъ изъ приведенныхъ нами выписокъ изъ этихъ законовъ каждый можетъ судить, какъ далеко заходятъ г. Мехелинъ и подобные ему финляндскіе политики, утверждая, что все, постановленное въ этихъ законахъ относительно шведскаго короля, примѣняется и къ русскимъ Императорамъ въ ихъ качествѣ Великихъ Князей Финляндіи. Мы понимаемъ, что господа финляндскіе сенаторы и статсъ-секретари могли поддерживать въ Петербургѣ это утвержденіе до появленія книги г. Ордина; но теперь, когда въ ней напечатанъ подлинный текстъ этихъ шведскихъ законовъ, мы желали бы спросить финляндскихъ политиковъ, какимъ путемъ надѣются они примѣнить къ русскимъ Императорамъ предписанія этихъ законовъ о томъ, что король долженъ быть лютеранскаго Аугсбургскаго исповѣданія (§ 1 Формы пр.), что онъ долженъ управлять сходственно съ постановленными въ Швеціи законами (§ 2), что въ

престолонаслѣдіи не допускается ни малѣйшей перемѣны противу постановленій, учиненныхъ въ Стокгольмѣ, Вестеросѣ и Нодкепингѣ въ такіе-то года (§ 3), что король избираетъ изъ благородныхъ шведовъ себѣ совѣтниковъ, которымъ принадлежитъ ближайшее по королѣ достоинство (§ 4), что онъ обязанъ совѣтоваться съ ними при заключеніи мира и союзовъ, какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ (§ 5), что король не изъ прирожденныхъ шведовъ не можетъ выѣхать изъ королевства безъ согласія сейма (§ 7), что въ верховномъ ревизіонномъ судѣ ему принадлежитъ только два голоса (Актъ соед., п. 2-й), что король, при вступленіи на престолъ, долженъ собственноручно подписать Актъ соединенія и охраненія (п. 8) и принести присягу въ томъ, что онъ будетъ «управлятъ королевствомъ и царствовать по Формѣ правленія 1772 г., навсегда отвергая ненавистное королевское самовластіе или такъ называемое самодержавіе, почитая для себя за величайшую честь быть первымъ согражданиномъ честнаго и свободнаго народа». Г. Мехелинъ, цитируя въ своей брошюрѣ «Противорѣчатъ ли права Финляндіи» тѣ параграфы Формы правленія и Акта соединенія, въ которыхъ говорится о порядкѣ назначенія налоговъ, пишетъ слѣдующее. «Слѣдовательно, въ силу этихъ положеній основнаго закона, которыя съ 1809 г. примѣняются отдѣльно въ Финляндіи, разрѣшеніе налоговъ, по общему правилу, безъ сомнѣнія зависитъ отъ земскихъ чиновъ. Однако

существуетъ одно *важное* изъятіе, заключающееся въ томъ, что таможенный тарифъ *) утверждается непосредственно Государемъ. Кромѣ того Государь, помимо земскихъ чиновъ, утверждаетъ таксы для разнаго рода сборовъ, до нѣкоторой степени аналогичныхъ съ налогами, которые однако, по понятіямъ прежняго шведскаго и нынѣшняго *финляндскаго государственнаго права*, не считаются таковыми; сюда относятся почтовый сборъ, канцелярскія пошлины, сборы за пользованіе общественными учрежденіями и т. п.» (стр. 11). Вотъ какія прерогативы удѣляютъ господа финляндскіе сенаторы Русскому Монарху! И это, по словамъ г. Мехелина, составляетъ *важное* изъятіе изъ общаго правила о назначеніи налоговъ земскими чинами, въ силу шведскихъ законовъ 1772 и 1789 г. Конечно авторъ не желалъ придавать этимъ словамъ саркастическаго смысла; но, помимо его воли, въ нихъ заключается горькій для насъ, русскихъ, сарказмъ.

Профессоръ государственнаго права въ Гельсингфорскомъ университетѣ г. Германсонъ, въ своей статьѣ «По вопросу о законахъ Финляндіи», въ № 6 Вѣстника Европы за 1890 г., говоритъ: «Нѣкоторыми органами русской печати высказывается мнѣніе, будто утвер-

*) Замѣтимъ, что финляндскій таможенный тарифъ тѣсно связанъ съ интересами нашей казны и русской промышленности, вслѣдствіе чрезвычайныхъ пошлинныхъ льготъ, предоставленныхъ финляндскимъ произведеніямъ при ввозѣ ихъ въ Россію. Даже по шведской конституціи 1772 г., таможенный тарифъ утверждался королемъ, безъ всякаго участія сейма.

жденіе Императора Александра I (т. е. грамота 15-го марта 1809 г.) не относится до Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г., а лишь до нѣкоторыхъ законовъ, касающихся *частной жизни* *). Въ Финляндіи *никто* никогда *не подозрѣвалъ* возможности такого тѣснаго толкованія приведеннаго утвержденія, а напротивъ того *всегда предполагалось*, что Форма правленія и Актъ соединенія и безопасности относятся къ числу утвержденныхъ законовъ» (стр. 788). Мы, русскіе писатели, вполнѣ готовы раздѣлять убѣжденіе почтеннаго ученаго; что въ Финляндіи, просвѣщаемой профессорами Гельсингфорсскаго университета, «никто не подозрѣвалъ и всегда предполагалось»; но какое же значеніе въ государственномъ правѣ Россіи можетъ имѣть то, что подозрѣвается или предполагается финляндскими чиновниками и литераторами? Для рѣшенія такого капитальнаго вопроса, какъ опредѣленіе отношеній Финляндіи къ своему монарху и къ своей метрополіи, необходимы какія-нибудь болѣе вѣскія доказательства. Поискамъ за этими доказательствами г. Германсонъ посвящаетъ 7 страницъ своей статьи; но не найдя ни

*) Странно отъ профессора государственнаго права слышать, что противуполагаемые русскими писателями государственнымъ или политическимъ законамъ Швеціи законы административные, судебные, церковные и опредѣляющіе обще-гражданскія права жителей, однимъ словомъ законы, на которыхъ основывается юридическій и административный бытъ Финляндіи, относятся къ законамъ, касающимся *частной жизни*.

одного факта, ни малѣйшаго намека, свидѣтельствующихъ о томъ, что Александръ I желалъ утвердить для Финляндіи упоминаемые шведскіе законы, онъ ограничивается опять только повтореніемъ собственныхъ piorum desideriorum въ видѣ такихъ восклицаній: «едва ли возможны какія-либо сомнѣнія относительно того, какіе законы монархъ могъ имѣть въ виду, говоря объ общемъ сеймѣ», «какъ возможно предполагать, чтобы высочайшее утвержденіе Государя не относилось до Формы правленія и Акта соединенія» и т. п. Не желая скрывать отъ читателей ни одного аргумента, которому финляндскіе писатели стараются придать особенное значеніе для доказательства двухъ главныхъ ихъ положеній, приведемъ здѣсь содержаніе манифеста Императора Александра I отъ 9 февраля 1816 г. о переименованіи правительственнаго совѣта въ императорскій финляндскій сенатъ, такъ какъ г. Германсонъ, а также и нынѣшній прокуроръ сената г. фонъ-Вейсенбергъ (послѣдній — въ своемъ офиціальномъ возраженіи Московскимъ Вѣдомостямъ) видятъ, или, вѣрнѣе сказать — желаютъ, чтобы мы, русскіе, видѣли въ этомъ документѣ неопровержимое доказательство того, что подъ коренными законами Финляндіи Императоръ Александръ I разумѣлъ именно два упомянутыя шведскія законодательства. Вотъ этотъ манифестъ. «Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ *давнихъ временъ* положившіе

основаніе *гражданской* его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное правительство, подъ названіемъ правительствующаго совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частью края сего и рѣшалъ судебныя дѣла въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашего и наслѣдниковъ Нашихъ. Нынѣ же, по благополучномъ окончаніи, вкупѣ съ союзными Намъ державами, помощью Всевышняго, дѣлъ до безопасности Имперіи Нашей и спокойствія всей Европы относящихся и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренни-

ми дѣлами государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы, для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему, удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ вышняго правительства въ государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и финляндскому вышнему правительству названіе финляндскаго сената Нашего, безъ отмѣны однако жъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ. При торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ избирать впредь въ члены сего финляндскаго сената Нашего, какъ и до сего времени было, одпихъ токмо коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ, повелѣваемъ» и т. д. (Акты В. К. Ф. Изданіе Борениуса, Гельсингфорсъ. 1890 г. стр. 31) Дѣйствительно, это самый яркій въ конституціонномъ смыслѣ изъ манифестовъ Императора Александра I къ финляндцамъ. Составленъ онъ Армфельтомъ и Ребиндеромъ, тогдашними руководителями Александра въ финляндскихъ дѣлахъ. Манифестъ этотъ во первыхъ повторяетъ прежнія обѣщанія Александра о сохраненіи Финляндіи ея конституціи и законовъ; но и теперь, какъ прежде, эти обѣ-

щанія высказаны въ общихъ фразахъ, безъ прямаго указанія, что именно разумѣется здѣсь подъ конституціею Финляндіи и тѣми законами, которые ей сосохраняются. Для квалификаціи того и другаго употреблено однако выраженіе, что они положили основаніе *гражданской* свободѣ финляндцевъ, но не сказано —политической свободѣ, которая вездѣ принята терминомъ, означающимъ совокупность тѣхъ народныхъ правъ, которыя слѣдуютъ изъ конституцій, понимаемыхъ въ смыслѣ западно-европейскомъ. Изъ этого выраженія видно, что подъ громкимъ словомъ конституціи Александръ I разумѣлъ отнюдь не конституцію въ смыслѣ существовавшихъ тогда конституцій англійской, голландской и шведской, а лишь совокупность тѣхъ особыхъ привилегій, которыми Финляндія отличалась отъ другихъ областей Россіи, именно: обезпеченіе ей свободы отъ крѣпостнаго права, которое болѣе всего должно было пугать массу финскаго сельскаго населенія, потомъ сохраненіе Финляндіи ея старинныхъ судебныхъ, административныхъ и церковныхъ законовъ, съ которыми населеніе ея свыклось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, наконецъ призваніе представителей сословій къ совѣщанію по законодательнымъ вопросамъ, когда сіе будетъ признано нужнымъ со стороны Государя. Фактъ такого именно пониманія Александромъ I финляндской конституціи, по крайней мѣрѣ до осуществленія предполагавшейся имъ общей въ государствѣ конституціи, подтверждается и всѣми другими его дѣй-

ствіями и словами, касавшимися Финляндіи. Разъ обѣщавши финляндцамъ конституцію, онъ конечно не могъ уже отступиться отъ своего слова; но не могъ допустить и распространенія тѣхъ начальныхъ формъ конституціи, которыя были осуществлены имъ при самомъ завоеваніи Финляндіи, такъ какъ это распространеніе не отвѣчало бы уже происшедшей въ немъ самомъ рѣшительной перемѣнѣ мыслей относительно общей конституціи въ Россіи. Поспѣшность данныхъ обѣщаній привела къ тому, что теперь ему пришлось играть словами, не отвѣчавшими уже положенію дѣлъ. Поэтому редакторы приводимаго манифеста, при всемъ своемъ желаніи выдвинуть впередъ финляндскую конституцію во всеоружіи принадлежащихъ западно-европейскимъ конституціямъ правъ, по необходимости должны были ограничиться хотя громкими и «торжественнѣйшими», но тѣмъ не менѣе ничего не уясиявшими и ничего не опредѣлявшими увѣреніями о сохраненіи этой неуловимой конституціи. Затѣмъ въ этомъ манифестѣ говорится о непосредственномъ отношеніи мѣстнаго финляндскаго управленія къ лицу Императора, то есть о неподчиненіи его русскимъ правительственнымъ инстанціямъ, и о назначеніи въ финляндскій сенатъ только коренныхъ финляндцевъ, о чемъ было уже подробно говорено нами. Все это есть не болѣе, какъ мѣстныя особенности финляндскаго управленія, вовсе не создающія изъ Финляндіи особой политической единицы, связанной съ Россіей только

реальной уніей, точно такъ, какъ таковыя же особенности не создали отдѣльной политической единицы изъ Царства Польскаго, къ которому приравнивается Финляндія въ этомъ манифестѣ. Если Финляндскій и Варшавскій сенаты не зависѣли ни отъ какой другой власти, кромѣ самого Императора, то въ этомъ случаѣ они были только уподоблены Русскому сенату, который также не только не подчиненъ министрамъ, но даетъ имъ указы, а отъ нихъ получаетъ рапорты. Поляки хотя никогда не примирялись съ русскою властію, вслѣдствіе многовѣковаго кроваваго соперничества двухъ сильныхъ и историческихъ народовъ—русскаго и польскаго, но никогда не доходили до такого абсурда, чтобы провозглашать прежнее конституціонное Царство Польское отдѣльнымъ государствомъ, состоящимъ съ Россіей лишь въ реальной уніи. Наконецъ гдѣ же въ приведенномъ манифестѣ находится хотя бы малѣйшій намекъ на то, что Александръ I гарантировалъ Финляндіи шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг.? Напротивъ того, первыя же строки этого манифеста:» Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, *съ давнихъ временъ* положившіе основаніе *гражданской его свободѣ и устройству*», прямо показываютъ, что здѣсь разумѣются не недавніе политическіе законы Швеціи, установленные всего за 20 лѣтъ предъ присоединеніемъ Финляндіи, а ея старинные судебные, административные и церковные законы.

Другой профессоръ Гельсингфорскаго универси-

тета Даніельсонъ, изучившій до мелочей всѣ документы, относящіеся къ эпохѣ 1808—1809 гг., и не нашедшій въ своихъ поискахъ ни одного указанія на то, чтобы Императоръ Александръ или кто-либо изъ его министровъ обмолвились хотя однимъ словомъ о томъ, что подъ коренными законами Финляндіи они разумѣли шведскіе законы 1772 и 1789 гг., приводитъ въ подтвержденіе этой никогда несуществовавшей фикціи финляндскихъ политиковъ такія два, по его мнѣнію, неопровержимыхъ доказательства. Во первыхъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ манифестѣ Императора Александра I, повелѣвавшемъ финляндскимъ сословіямъ собраться на сеймъ въ Борго, этотъ Государь впервые присоединилъ къ своему титулу наименованіе «Великій Князь Финляндскій», г. Даніельсонъ видитъ прямое доказательство того, что «Александръ I, обѣщая сохранить Финляндіи ея законы, имѣлъ въ виду не одни провинціальныя различія, но и законы, опредѣляющіе политическія права финскаго народа», т. е., по дальнѣйшему толкованію, шведскіе законы 1772 и 1789 гг. (Соединеніе Финл., 91). Однако г. Даніельсону должно быть извѣстно, что въ титулѣ русскаго Государя онъ именуется также: Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и затѣмъ уже Финляндскій (ст. 37 основн. гос. законовъ). Въ сокращенномъ титулѣ наименованіе «Великій Князь Финляндскій» поставлено въ самомъ концѣ, послѣ титуловъ: Царь Сибирскій, Царь Херсонеса Таврическаго, Царь Грузинскій (ст. 38),

и только въ самомъ краткомъ титулѣ наименованія Царь Польскій и Великій Князь Финляндскій выдѣлены, при Александрѣ I, изъ общаго титула, для указанія областей новѣйшаго пріобрѣтенія, невходившихъ дотолѣ въ составъ Русскаго государства. Слѣдовательно выводить изъ императорскаго титула обособленность Финляндіи въ смыслѣ реальной уніи или признаніе за ней шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. столь же основательно, какъ если бы кто, на основаніи того же титула, сталъ доказывать, что Крымъ и Грузія составляютъ самостоятельныя области, состоящія въ реальной уніи съ Россіей, и что за ними сохранены прежніе законы татарскихъ хановъ и грузинскихъ царей. Такою же доказательною силой отличается и другой аргументъ, приводимый профессоромъ Даніельсономъ въ подтвержденіе сказанной фикціи, именно, что «до приступа къ обсужденію на Боргоскомъ сеймѣ высочайшихъ предложеній, въ крестьянскомъ сословіи 1 апрѣля 1809 г. были прочтены Форма правленія 1772 г., Актъ соединенія и безопасности 1789 г., королевское удостовѣреніе правъ и привилегій крестьянства отъ 4 апрѣля того же года, сеймовый уставъ 24 января 1617 г. и прочія постановленія, которыя должны служить руководствомъ при преніяхъ» (стр. 128). Вотъ какое нашелъ г. Даніельсонъ вѣское подтвержденіе краеугольному положенію финляндскихъ политиковъ! Изъ того обстоятельства, что нѣсколько финскихъ мужичковъ, присланныхъ на сеймъ, сочли нужнымъ, для

собственнаго назиданія, прочесть въ своемъ собраніи шведскіе законы 1772 и 1789 г., онъ заключаетъ, что, значитъ, эти законы были утверждены для Финляндіи Императоромъ Александромъ. Кромѣ этихъ двухъ аргументовъ ученый гельсингфорскій профессоръ, при всемъ своемъ рвеніи, не могъ подыскать ничего другаго для доказательства основнаго положенія финляндскихъ политиковъ. Кажется, одной этой аргументаціи достаточно для того, чтобы избавить насъ отъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что у Императора Александра I и его министровъ не было и въ помыслахъ утверждать для Финляндіи упоминаемые шведскіе законы. Между тѣмъ финляндцы считаютъ признаніе этихъ законовъ основными законами для ихъ страны дѣломъ на столько рѣшеннымъ и безспорнымъ, что это положеніе вошло у нихъ во всѣ учебники, а г. Мехелинъ, въ своей книгѣ «Précis du droit public du Grand Duché de F.», цитируетъ ихъ, какъ подтвержденіе своихъ умозаключеній о *государственныхъ правахъ* Финляндіи. Финляндскіе просвѣтители не обинуясь присвоили себѣ право хозяйничать съ государственными вопросами Россіи, не спрашиваясь у настоящаго хозяина! Можно бы замѣтить господамъ финляндскимъ законодателямъ, что если бъ Финляндіи были сохранены Александромъ I сказанные законы, то оставались бы въ силѣ и постановленія этихъ законовъ, касающіяся правъ сейма, а въ такомъ случаѣ Боргоскій сеймъ не могъ бы быть поставленъ въ тѣс-

ныя рамки чисто-совѣщательнаго установленія, имѣвшаго право разсуждать только по четыремъ поставленнымъ ему вопросамъ, окончательное рѣшеніе которыхъ Императоръ предоставлялъ собственному своему усмотрѣнію. Политическія отношенія народа къ государю мѣнялись въ Швеціи въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ каждыя пятьдесятъ лѣтъ: съ 1680 по 1719 г. періодъ самодержавія; съ 1720 по 1772 г. періодъ олигархіи, съ совершеннымъ почти уничтоженіемъ власти короля, существовавшей только номинально; съ 1772 по 1789 г. дѣйствіе Формы правленія, возстановившей нѣкоторыя изъ правъ короны; съ 1789 г. дѣйствіе Акта соединенія и охраненія, доставившаго королевской власти новыя уполномочения. Русское правительство того времени было близко знакомо съ политическимъ устройствомъ Швеціи по дипломатическимъ документамъ Екатерининской эпохи, когда наша дипломатія зорко слѣдила за внутренними распрями этого государства и не рѣдко въ нихъ вмѣшивалась. Поэтому правительство Александра I хорошо знало, что Форма правленія и Актъ соединенія, возникшіе изъ борьбы королевской власти съ олигархіей, находились въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ строемъ русскаго государства и заключали въ себѣ постановленія непримѣнимыя къ русскому Государю и даже въ высшей степени оскорбительныя для его достоинства; потому-то Александръ I такъ настойчиво не допускалъ самаго

упоминанія этихъ законовъ въ правительственныхъ актахъ того времени.

Однако, такъ какъ существованіе страны безъ законовъ невозможно, то спрашивается, какими же законами была управляема Финляндія со времени ея присоединенія къ Россіи? Эти законы существуютъ и доселѣ, и существуютъ не въ воображеніи финляндскихъ политиковъ, а въ видѣ кодекса, утвержденнаго Высочайшею властью, и извѣстны подъ именемъ «Уложенія Швеціи, принятаго на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденнаго для Финляндіи». Русскій переводъ этого кодекса изданъ, по повелѣнію Императора Александра I, въ С.-Петербургѣ въ 1824 году. Въ предувѣдомленіи къ нему сказано, что «Уложеніе сіе, по присоединеніи В. Княжества Финляндіи къ Россійской Имперіи, высочайше утверждено Государемъ Императоромъ для сего края и на будущее время», русскій же переводъ онаго «изданъ собственно для руководства живущихъ въ Финляндіи, особенно же въ Выборгской губерніи, многочисленныхъ русскихъ». Уложеніе сіе состоитъ изъ слѣдующихъ восьми главъ или отдѣловъ: о бракахъ, о наслѣдствѣ, о недвижимомъ имѣніи, о строеніи, о торговлѣ, о преступленіяхъ, объ экзекуціи, т. е. исполненіи судебныхъ и административныхъ постановленій чрезъ полицію, и наконецъ о судопроизводствѣ. Слѣдовательно въ этомъ кодексѣ соединены законы гражданскіе, уголовные, полицейскіе и о судопроиз-

водствѣ, дѣйствовавшіе въ Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россіи. Затѣмъ законы, вновь изданные для Финляндіи при Императорѣ Александрѣ I, а также и нѣкоторые изъ прежнихъ шведскихъ законовъ составили второй кодексъ, названный «Прибавленіемъ къ уложенію Швеціи, принятому на сеймѣ 1734 г.», которое также было, съ Высоч. соизволенія, издано и на русскомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ въ 1827 г. *). Вотъ полный перечень постановленій, вошедшихъ въ это Прибавленіе: 1) постановленія, послѣдовавшія (еще при шведскомъ господствѣ) въ отмѣну общаго Уложенія; 2) разныя общія постановленія, куда вошли: Высоч. манифестъ 5 іюня 1808 г. о присоединеніи В. К. Финляндіи, Высоч. манифесъ 15 марта 1809 г. объ утвержденіи правъ В. К. Финляндіи (такъ называемая грамота Александра I, объявленная наканунѣ Боргоскаго сейма), учрежденіе правительствующаго совѣта въ В. К. Финляндіи 6 августа 1809 г. (состоялось на француз-

---

*) Оба эти русскихъ перевода составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Авторъ пользовался экземплярами, находящимися въ императорской публичной библіотекѣ. Конечно они находятся и въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ; но доступъ туда закрытъ для русскихъ. Впрочемъ, какъ мы уже упоминали, и самый архивъ статсъ-секретаріата, для болѣе вѣрнаго сохраненія тайны финляндскихъ дѣлъ, недавно вывезенъ изъ Петербурга въ Финляндію, какъ будто статсъ-секретаріатъ и на самомъ дѣлѣ есть посольство при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ, имѣющее право распоряжаться своимъ архивомъ по собственному своему усмотрѣнію.

скомъ языкѣ), Высоч. манифестъ о монетѣ 17 декабря 1809 г., постановленіе о цѣнности серебрянаго рубля, Высоч. манифестъ о присоединеніи Выборгской губерніи къ В. К. Финляндіи 11 декабря 1811 г., постановленіе о преобразованіи Выборгской губерніи 31 декабря 1811 г., инструкція финляндскому генералъ-губернатору 31 января 1812 г., инструкція прокурору финляндскаго правительствующаго совѣта 31 января 1812 г., постановленіе о бракахъ между финляндскими жителями и прочими подданными другаго вѣроисповѣданія 20 марта 1812 г., постановленіе о судопроизводствѣ между военными чинами расположенныхъ въ Финляндіи россійскихъ войскъ 6 февраля 1816 г., Высочайшій манифестъ о именованіи Императорскаго правительствующаго совѣта Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ 9 февраля 1816 г., постановленіе о церковномъ покаяніи непринадлежащихъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію, поясненіе 2-й статьи постановленія 6 февраля 1816 г. Мы нарочно выписали во всей подробности содержаніе этихъ двухъ кодексовъ, чтобы показать, какое они занимаютъ обширное поле въ юридической и административной жизни Финляндіи. Между тѣмъ финляндскіе писатели обходятъ ихъ безусловнымъ молчаніемъ, а профессоръ Германсонъ только вскользь намекаетъ на нихъ, называя ихъ законами, касающимися *частной жизни* финляндцевъ. Причина такого умолчанія ясна: первый изъ названныхъ двухъ кодексовъ, утвержденный, какъ ска-

зано въ его заглавіи, Императоромъ Александромъ I, прямо отвѣчаетъ на вопросъ, какіе именно шведскіе законы были сохранены этимъ Государемъ для Финляндіи, и слѣдовательно уничтожаетъ всѣ натянутыя умствованія финляндскихъ политиковъ объ этомъ вопросѣ. Этимъ законамъ, по ихъ давнему существованію и по тому, что на нихъ утверждался весь тогдашній юридическій и административный бытъ Финляндіи, вполнѣ приличествовало названіе «коренныхъ законовъ», тогда какъ оно вовсе не шло къ недавнему политическому законодательству Швеціи, бывшему плодомъ не прежнихъ, издавна установившихся формъ народной жизни, а государственнаго переворота, только что передъ тѣмъ совершившагося въ Швеціи. Г. Мехелинъ, въ своемъ Очеркѣ публичнаго права Финляндіи, при перечисленіи законодательныхъ источниковъ этого права, также тщательно умалчиваетъ о сказанныхъ двухъ кодексахъ, а ставитъ во главѣ законодательства не только нигдѣ неупоминавшіеся при Александрѣ I законы 1772 и 1789 гг., но даже какой-то выдуманный авторомъ «актъ соглашенія между Императоромъ и государственными чинами Финляндіи» (стр. 31 въ переводѣ г. Ордина). Кромѣ приведеннаго здѣсь шведскаго уложенія 1734 г., Финляндіи были сохранены ея прежніе церковные законы, составившіе также особый кодексъ, непереведенный однако по-русски, такъ какъ въ такомъ переводѣ не существовало надобности для русскаго населенія Финляндіи.

Существенную важность имѣетъ то обстоятельство, что въ число шведскихъ законовъ, утвержденныхъ Императоромъ, не вошелъ шведскій сеймовый уставъ 1617 года, хотя конечно тогдашнимъ финляндскимъ совѣтникамъ Александра утвержденіе этого устава было желательнѣе утвержденія какихъ бы то ни было другихъ шведскихъ законовъ, ибо онъ гораздо полнѣе и опредѣлительнѣе Формы правленія и Акта соединенія устанавливалъ право шведскихъ сословій на участіе въ законодательствѣ. Исключеніе сеймоваго устава изъ числа прежнихъ шведскихъ законовъ, утвержденныхъ Александромъ I, очевиднѣйшимъ образомъ доказываетъ, что онъ, если и не устранилъ вовсе мысли о новомъ созывѣ сейма, то во всякомъ случаѣ не желалъ придавать ему значенія и правъ шведскаго риксдага, а смотрѣлъ на него только какъ на совѣщательное собраніе, созываемое лишь въ исключительныхъ случаяхъ и мнѣнія котораго не обязательны для монарха. Такимъ исключительнымъ случаемъ и было созваніе Боргоскаго сейма, когда правительству необходимо было ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и потребностями страны, разоренной бѣдствіями войны и только что поступившей въ подданство Россіи. Когда исключительныя обстоятельства миновали, то Александръ I не признавалъ уже нужнымъ вновь собирать сеймъ и издавалъ текущія постановленія непосредственною своею властью, какъ мы видѣли это изъ перечня постановленій, помѣщенныхъ въ Прибавленіи

къ шведскому уложенію 1734 года. Такого же взгляда держался и его преемникъ Императоръ Николай, при которомъ также былъ изданъ рядъ постановленій въ административномъ порядкѣ, безъ созыва сеймовъ. Несомнѣнно, что въ болѣе существенныхъ вопросахъ законодательства мнѣнія представителей сословій были не только желательны, но и необходимы для пользы дѣла, ибо сенатъ, состоящій только изъ лицъ дворянскаго сословія, не могъ служить безпристрастнымъ и вполнѣ свѣдущимъ выразителемъ потребностей всего народа. Но вѣроятно Александръ I покинулъ мысль о созывѣ сеймовъ потому, что на примѣрѣ Боргоскаго сейма убѣдился, что на нихъ всѣми дѣлами будутъ заправлять дворянскіе депутаты и, по старой привычкѣ шведскаго дворянства, не преминутъ принять оппозиціонное правительству направленіе. Руководители финляндской политики, видя рѣшимость обоихъ Императоровъ не созывать болѣе сеймовъ, не желали и затрогивать существенныхъ вопросовъ законодательства для представленія ихъ на рѣшеніе верховной власти, чтобы не упрочить этимъ примѣромъ дальнѣйшаго безсеймоваго управленія страною и доказать, что никакое улучшеніе законодательства невозможно безъ участія сеймовъ; на самомъ же дѣлѣ для нихъ сеймъ былъ нуженъ только какъ средство для достиженія политическихъ цѣлей, для ограниченія власти русскаго Монарха и окончательнаго сосредоточенія верховной власти въ рукахъ господствующей партіи. Каковы бы

ни были однако послѣдствія отъ упраздненія сеймовъ при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ, изъ приведенныхъ фактовъ видно, что оба эти государя ни мало не нарушили этимъ обѣщаній, данныхъ финляндскому народу Александромъ I при самомъ завоеваніи Финляндіи, ибо онъ нигдѣ не выразилъ намѣренія о періодическомъ созывѣ сейма, а тѣмъ менѣе о предоставленіи его рѣшеніямъ обязательной силы.

Если нужно приводить еще какія-нибудь доказательства тому, что Александръ I, созывая сеймъ въ Борго, никогда не думалъ придавать ему того самостоятельнаго значенія, которое имѣлъ сеймъ на основаніи шведской конституціи, а желалъ лишь, съ помощью его, вѣрнѣе узнать потребности вновь покоренной страны, вполнѣ предоставляя себѣ принятіе того или другаго окончательнаго рѣшенія, то такія доказательства мы найдемъ на каждомъ шагу въ документахъ, приводимыхъ въ книгѣ г. Ордина. Такъ, въ рѣчи, произнесенной Александромъ I (на французскомъ языкѣ) при открытіи Боргоскаго сейма, онъ между прочимъ говорилъ: «Я *желалъ* видѣть представителей народа, чтобъ дать вамъ новое доказательство Моихъ намѣреній для блага вашей родины. Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши коренные законы (votre constitution, vos lois fondamentales). *Я дамъ вамъ знать о Моихъ распоряженіяхъ* по дѣламъ вашего собранія; вы легко изъ нихъ увидите намѣренія, мнѣ ихъ внушившія» (Пок.

Ф. II, 343). Сперанскій, препровождая на обсужденіе сеймовыхъ депутатовъ четыре поставленные сейму вопроса, такъ выражался въ сопроводительномъ офиціальномъ отношеніи къ сейму, написанномъ (на французскомъ языкѣ) по Высочайшему повелѣнію: «Полный довѣрія къ чувствамъ своихъ подданныхъ и убѣжденный въ усердной готовности народа идти на встрѣчу Его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, Его Императорское Величество рѣшилъ внести нижеслѣдующіе вопросы на обсужденіе сословій, *приглашая ихъ представить Ему ихъ мнѣнія* о способахъ привести эти вопросы въ устройство въ порядкѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ благосостоянію жителей». По поводу вопроса о поселенномъ войскѣ Сперанскій выражался такъ: «Возможно, что крупныя неудобства вкрались въ способъ распредѣленія этой повинности; посему Государь Императоръ *охотно дозволяетъ* (veut bien permettre) сословіямъ представить Ему *ихъ мнѣнія* (avis) объ этихъ неудобствахъ и указать вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дѣйствительные способы къ ихъ устраненію. Его Величество *приметъ въ соображеніе* эти мнѣнія (prendra en considération ces avis)» (ibid, 349). Затѣмъ въ рѣчи Императора къ сеймовымъ депутатамъ при закрытіи сейма Государь выражался въ такихъ словахъ: «Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, *я хотѣлъ узнать желанія и мысли народа насчетъ истинныхъ его потребностей*. Я призвалъ ваше вниманіе на предметы, наиболѣе важные для вашего пре-

успѣянія. Вполнѣ полагаясь на честность вашего характера, въ сознаніи притомъ чистоты моихъ намѣреній, я предоставилъ вашимъ разсужденіямъ полную свободу. Мнѣнія, вами теперь высказанныя, *я приму въ соображеніе* въ важномъ дѣлѣ, Мною теперь обдумываемомъ для вашего благоденствія» [ibid. 407—409]. Какъ въ приведенныхъ документахъ, такъ и во всѣхъ другихъ рѣчахъ Императора и актахъ того времени, не было ни слова о какихъ-либо обязательствахъ и соглашеніяхъ двухъ сторонъ, какъ равной съ равною, а вездѣ говорилось лишь о милости, добровольно даруемой самодержавнымъ монархомъ завоеванному народу, о желаніи его знать, при посредствѣ сейма, нужды страны и принять ихъ въ соображеніе при начертаніи для нея законовъ. Отъ сейма требовались, какъ писалъ Сперанскій, не декреты, не законоположенія, а простыя мнѣнія. Государь предоставлялъ себѣ дать знать депутатамъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя угодно будетъ ему учинить по дѣламъ, внесеннымъ на ихъ предварительное обсужденіе. Сеймъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, то есть какъ собраніе свѣдущихъ людей, созываемыхъ правительствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно пожелаетъ узнать ихъ мнѣнія по какимъ-либо законодательнымъ вопросамъ, нисколько не могъ бы нарушать верховныхъ правъ Россіи надъ этою провинціей и препятствовать согласованію отдѣльнаго управленія и законодательства Финляндіи съ общими интересами монархіи.

Несомнѣнно, что законы и учрежденія, дарованные Финляндіи Александромъ I, усвоивали ей немаловажныя права и образовали изъ нея провинцію, по управленію и порядку законодательства отличную отъ всѣхъ другихъ областей Россіи. Эти права и отличія, при добросовѣстномъ пользованіи ими, способны обезпечить финляндцамъ сохраненіе драгоцѣнныхъ для каждаго народа національныхъ особенностей и правильное развитіе ихъ матеріальнаго и духовнаго быта. Никогда никто въ Россіи не оспаривалъ этихъ привилегій Финляндіи и не желалъ ихъ уничтоженія. Затѣмъ называть ли совокупность этихъ правъ и отличій конституціей, какъ называлъ ихъ Александръ I, или особымъ положеніемъ для управленія Финляндіей, въ томъ не состоитъ никакой особой важности, ибо сила не въ словахъ, а въ самой сущности дарованныхъ Финляндіи отличій. Несомнѣнно одно, что конституція Финляндіи, по своему происхожденію и значенію, не можетъ быть приравниваема ни къ шведской конституціи 1772 и 1789 г., ни къ современнымъ намъ западно-европейскимъ конституціямъ. Существенными отличіями этихъ конституцій служитъ во первыхъ то, что всѣ онѣ произошли изъ борьбы народа съ монархическою властью. были послѣдствіемъ революцій, а во вторыхъ то, что всѣ онѣ основаны на договорѣ народныхъ представителей съ государями, какъ двухъ самостоятельныхъ органовъ власти. Въ силу этого договора, рѣшенія представительныхъ собраній имѣютъ

обязательную силу для монарха, а не составляютъ ходатайствъ или желаній, принять или не принять которыя зависитъ отъ его воли. Финляндія же всѣ свои права и мѣстныя особенности въ управленіи получила, какъ даръ, изъ рукъ побѣдителя, который однако, какъ мы видѣли изъ предыдущаго изложенія, въ законодательныхъ вопросахъ и административныхъ распоряженіяхъ предоставлялъ себѣ одному окончательное и непререкаемое рѣшеніе. Изъ одного уже того факта, что Александръ I, созвавъ сеймъ въ 1809 г., во всѣ остальныя 16 лѣтъ своего царствованія ни разу не призналъ нужнымъ снова созвать его, ясно видно, что онъ вовсе не придавалъ сейму значенія одинаковаго съ представительными собраніями западной Европы, а смотрѣлъ на него, какъ на простое совѣщательное собраніе, созываемое по мѣрѣ надобности и по приказанію Государя. Въ современныхъ же западныхъ государствахъ періодичность сеймовъ или парламентовъ есть непремѣнное условіе государственнаго правленія, ни мало независящее отъ доброй воли государей. Весьма возможно, что Александръ I смотрѣлъ на финляндскую конституцію только какъ на первичную форму той конституціи, которую онъ мечталъ даровать всему государству, но планъ которой, какъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ факты, не былъ еще ясенъ для его собственнаго ума. Но такъ какъ предположеніе Александра I объ общей конституціи не состоялось, то и уцѣлѣвшая часть ея, само собою раз-

умѣется, не могла уже подлежать дальнѣйшему развитію, безъ нанесенія вреда единству основныхъ государственныхъ началъ и стройности государственнаго механизма. Финляндія, въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая, оставалась провинціей Россіи, имѣющею отдѣльное административное и судебное устройство и особый порядокъ законодательства, допускавшій, въ извѣстныхъ случаяхъ и если послѣдуетъ на то соизволеніе Государя, участіе въ законодательствѣ выбранныхъ сословіями депутатовъ, въ качествѣ свѣдущихъ людей. Но, помимо этихъ провинціальныхъ особенностей, государственные законы Россіи, опредѣляющіе права Монарха и способы ихъ осуществленія, примѣнялись во всей ихъ силѣ и къ Финляндіи, какъ мы видимъ это изъ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ, постановленныхъ Александромъ I и Николаемъ ихъ непосредственною властію, въ теченіе почти цѣлаго полустолѣтія.

Финляндскіе администраторы и писатели, сознавая, что они стояли бы на очень зыбкой почвѣ, если бъ, доказывая придуманную ими теорію реальной уніи Финляндіи съ Россіей, они оставались только въ предѣлахъ государственнаго права, дѣлаютъ отчаянный историческій и логическій эскамотажъ: они переносятъ финляндскій вопросъ на почву международнаго права и утверждаютъ, что финляндскіе депутаты, собранные Александромъ I на сеймъ, были, ни болѣе ни менѣе, какъ посольство, посланное, неизвѣстно только

отъ какого государства, для заключенія съ русскимъ Императоромъ условій о добровольномъ соединеніи Финляндіи съ Россіей. Въ такомъ смыслѣ разсуждаютъ историки Кастренъ и Коскиненъ (нынѣ сенаторъ), бывшій сенаторъ Мехелинъ, неизвѣстный авторъ статьи «Россія и Финляндія» въ № 1 Русской Старины 1888 г., профессоръ Даніельсонъ и другіе. Такъ г. Мехелинъ, въ своей книжкѣ Précis du droit public du Grand Duché de Finlande (переведенной съ объяснительными дополненіями г. Ординымъ), выдумалъ какой-то «Актъ соединенія,» будто бы заключенный Императоромъ съ финляндскими депутатами въ Борго. Въ статьѣ «Россія и Финляндія» (къ сожалѣнію недоконченной) между прочимъ говорится: «На Боргоскомъ сеймѣ какъ бы былъ заключенъ окончательный миръ, закрѣпленный *договоромъ*, между Императоромъ Александромъ I, подтвердившимъ и примѣнившимъ себя къ вѣками сложившемуся въ странѣ порядку, и законно выбранными представителями финскаго народа, свободно и непринужденно присягнувшими на вѣрноподданство Императору. Этотъ *договоръ* конечно не представляетъ собою юридически формулированнаго трактата между двумя самостоятельными государствами; но съ другой стороны нельзя также отрицать юридическаго значенія этого документальнаго подтвержденія конституціи, равно какъ и нравственно обязательной силы самаго *акта соединенія*. Такимъ образомъ заключенный на Боргоскомъ сеймѣ *договоръ*

долженъ быть разсматриваемъ какъ *добровольное соглашеніе между Императоромъ и народомъ*, выразившееся именно со стороны Императора въ подтвержденіи конституціи края и признаніи основаннаго на ней обособленнаго государственнаго положенія Финляндіи, а со стороны финскаго народа — *въ добровольномъ вступленіи въ подданство Россійскаго Императора.*» (стр. 131) Едва ли можетъ идти далѣе этихъ финляндскихъ баснописаній историческая ложь, очевидно расчитанная на невѣжество читателей, для которыхъ она предназначается. Но если подобнаго рода разсужденія могутъ быть убѣдительны для финляндской публики, то въ Россіи, и до появленія книги г. Ордина, хорошо было извѣстно, въ какой степени было добровольно вступленіе финляндцевъ въ подданство Россіи и что никогда никакого договора между Александромъ и финскимъ народомъ не существовало. Финскій народъ не только не шелъ добровольно на подданство Россіи, но когда русскія войска, въ апрѣлѣ 1808 года, дошли уже до сѣверной оконечности Ботническаго залива, финское населеніе оказывало имъ столь упорное сопротивленіе, что русскимъ пришлось отступить назадъ чрезъ бо́льшую половину Финляндіи. При этомъ финны, предводимые пасторами, чиновниками и шведскими офицерами, обнаруживали крайнее звѣрство противу русскихъ, доходившее до того, что русскіе солдаты были живыми закапываемы въ землю. Когда же наконецъ сопротивленіе было сломлено и

вся Финляндія была подъ русскою пятою, а Императоръ Александръ, вмѣсто обычнаго въ этихъ случаяхъ «горе побѣжденнымъ'», приказалъ вызвать въ Петербургъ депутатовъ для изложенія ему нуждъ страны, а потомъ велѣлъ собрать сеймъ въ Борго, то какъ же было не идти финляндцамъ для полученія изъ рукъ побѣдителя великихъ щедротъ политическихъ и денежныхъ, вмѣсто ожидавшагося ими возмездія и уничтоженія всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и вольностей? Едва ли какой-нибудь другой историкъ, кромѣ финляндскаго, можетъ назвать тогдашнія событія добровольнымъ вступленіемъ финляндцевъ въ подданство русскому Императору, а финляндскихъ депутатовъ — посланниками финскаго народа, заключившими отъ его имени договоръ съ Александромъ. Замѣтимъ кстати, что въ числѣ этихъ посланниковъ были и такіе (депутаты, высланные въ Петербургъ отъ крестьянскаго сословія), которымъ, для представленія ихъ Государю въ приличномъ видѣ, были сшиты кафтаны на русскія деньги и которые, по безграмотству, подписывались на протоколахъ какими-то условнымъ крюками и монограммами.

Судя по тому, что финляндскія правительственныя лица и ученые стали теперь печатать произведенія своего пера даже въ русскихъ журналахъ и издавать отдѣльныя брошюры на русскомъ языкѣ, надобно думать, что они надѣются пріобрѣсть вѣру своимъ писаніямъ и среди русской публики, въ расчетѣ на ея

легковѣріе и незнакомство съ исторіей и законодательствомъ Финляндіи. Можно себѣ представить, что̀ пишется по этому предмету обыкновенными журналистами въ мѣстной шведско-финской печати для своей финляндской публики, которой такъ желательно вѣрить въ справедливость всѣхъ этихъ измышленій о важной роли финляндцевъ, заключившихъ договоръ съ русскими монархами, какъ равные съ равными. Эти писанія, не смотря на всю ихъ историческую и логическую несообразность, достигаютъ своей цѣли — поселяютъ въ умахъ финляндцевъ смутныя и превратныя понятія о положеніи ихъ страны и значеніи верховной власти. Посѣянныя этимъ путемъ въ народѣ ложныя идеи, при каждой попыткѣ правительства къ возстановленію своихъ правъ и должнаго порядка, неизбѣжно будутъ вызывать народное раздраженіе, что̀ именно и желательно для сказанныхъ политиковъ, главная цѣль которыхъ сосредоточить въ своихъ рукахъ верховное главенство въ управленіи страною.

Напрасно однако финляндскіе администраторы и писатели копаются въ старыхъ шведскихъ законахъ для того, чтобы выловить тамъ доказательства для ограниченія державныхъ правъ Русскаго Монарха. Предоставимъ имъ считать доказаннымъ, что Императоръ Александръ I оставилъ въ силѣ и Форму правленія 1772 г., и Актъ соединенія и охраненія 1789 года, и пожалуй даже тѣ законы, которые дѣйствовали въ Швеціи въ такъ называемый періодъ свободы,

тоесть безграничнаго самовластія шведскаго дворянства, когда власть короля была почти совершенно уничтожена. Если бъ все это и было именно такъ, то слѣдуетъ ли однако изъ сего, что все это такъ и должно оставаться на вѣчныя времена? Если бъ ошибки и злоупотребленія властью правителей одной эпохи или просто мѣры, принимавшіяся ими въ силу особыхъ обстоятельствъ того времени, было обязательно сохранять и для всѣхъ послѣдующихъ правительствъ, то никакія улучшенія государственнаго строя, никакія мѣры къ упроченію его крѣпости и безопасности были бы невозможны. Но, къ счастію человѣчества, такихъ доктринъ объ увѣковѣченіи рѣшеній, однажды принятыхъ правительствомъ, не существуетъ ни въ политикѣ, ни въ наукѣ. У насъ со временъ Петра I государственная служба была обязательна для дворянъ; потомъ Петръ III далъ дворянству право служить или не служить: это однако не помѣшало Александру II сдѣлать опять военную службу обязательною для дворянства, на ряду съ прочими сословіями. Со времени указовъ Петра Великаго 1719 и 1722 гг. о народной переписи и подушномъ окладѣ, отвѣтственность за который возлагалась на помѣщиковъ и вотчинниковъ, крѣпостное право ихъ надъ живущими на ихъ земляхъ крестьянами было признано и закрѣплено закономъ: тѣмъ не менѣе Александръ II, для блага государства, совершаетъ великій актъ освобожденія крестьянъ. Никому изъ русскихъ дворянъ не пришло и въ голову ссы-

латься на прежніе законы, хотя эта реформа коренным образомъ измѣнила положеніе дворянства. Со времени Екатерины II въ нашихъ судахъ средней и низшей инстанціи было введено сословное начало, дабы каждый былъ судимъ при участіи лицъ его сословія: однако это отжившее и не приносившее никакой пользы начало было уничтожено законодательствомъ Александра II и для всѣхъ сословій былъ учрежденъ общій и равный судъ. Созданное Наполеономъ Варшавское герцогство, по присоединеніи его къ Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ подъ именемъ Царства Польскаго, получило отъ Александра I нѣкоторое подобіе конституціонныхъ учрежденій: но, вслѣдствіе мятежа 1830 г., учредительная хартія, дарованная Польшѣ Александромъ I, была отмѣнена Николаемъ I, хотя и сохранены были центральныя учрежденія Царства Польскаго. Послѣ вторичнаго мятежа 1863 г., были упразднены и эти особенности тамошняго управленія, и теперь отъ Царства Польскаго остались только Привислинскія губерніи, управляемыя съ нѣкоторыми отмѣнами отъ общаго губернскаго управленія Россіи. Въ Швеціи, на законы которой любятъ ссылаться финляндскіе политики, измѣненія въ государственномъ устройствѣ происходили, въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ, чаще, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ, хотя и подъ Формою правленія, и подъ Актомъ 1789 г., и подъ всѣми предыдущими основными законами шведскіе короли, при

подписаніи оныхъ, присоединяли слова: «актъ сей принимаемъ мы для себя и наслѣдниковъ нашихъ шведскаго престола, яко неотмѣнный и неопровергаемый законъ» (подъ Актомъ 1789 г.). Поэтому, если бъ даже и было справедливо утвержденіе финляндскихъ писателей, что Александръ I обѣщалъ Финляндіи внѣгосударственную особность отъ Россіи и сохраненіе шведскихъ конституцій 1772 и 1789 г., то изъ этого нисколько не слѣдовало бы, что предъ такимъ ошибочнымъ и вреднымъ для государства поступкомъ должна останавливаться всякая государственная мудрость, какъ предъ какимъ-то священнымъ и неприкосновеннымъ палладіумомъ. Но, какъ мы видѣли, сказанной ошибки со стороны Александра I никогда на дѣлѣ не существовало, а она придумана финляндскими политиками, какъ одно изъ средствъ для достиженія ихъ цѣли. Какое же правительство будетъ почерпать свою мудрость изъ сшитыхъ бѣлыми нитками выдумокъ и казуистическихъ сплетеній такихъ адвокатовъ финляндскаго сепаратизма, какъ цитированные нами писатели?

Итакъ мы видимъ, что корень ненормальнаго и смутнаго положенія Финляндіи заключается главнымъ образомъ въ отсутствіи органическаго законодательства для ея управленія и для опредѣленія отношеній ея къ верховной власти. Нѣсколько летучихъ фразъ въ грамотахъ и рѣчахъ Императора Александра I о сохраненіи финляндцамъ ихъ коренныхъ законовъ и

прежнихъ правъ, служатъ и доселѣ основою ихъ политическаго существованія, давая возможность тамошнимъ мѣстнымъ властямъ расширять по произволу значеніе этихъ выраженій, въ прямой ущербъ державнымъ правамъ и достоинству Россіи и ея монарховъ. Такое хаотическое положеніе финляндскаго законодательства было бы невозможно, если бъ, по завоеваніи Финляндіи, дарованныя ей мѣстныя особенности въ управленіи и порядкѣ законодательства были приведены въ согласіе съ основными законами Имперіи и если бъ затѣмъ, по указаніямъ опыта, русское правительство принимало соотвѣтственныя мѣры для постепеннаго административнаго сближенія этой провинціи съ коренным государствомъ. Тогда не могла бы имѣть мѣста та поразительная несообразность, что въ странѣ, 82 года принадлежащей Россіи, тамошніе законовѣды отыскиваютъ основаніе ея политическихъ правъ въ шведскихъ законахъ, изданныхъ назадъ тому болѣе ста лѣтъ, вполнѣ непримѣнимыхъ къ политическому строю Россіи и въ самой Швеціи давно уже утратившихъ свою силу. Мало того, что законы Финляндіи и образъ ея управленія не были согласованы съ основными законами Имперіи, страна эта была поставлена даже внѣ дѣйствительнаго правительственнаго надзора. Генералъ-губернаторы финляндскіе, единственные представители русской власти въ этой странѣ, по незнанію ими шведскаго языка, не могли быть посвящены въ достаточной степени

въ ея законодательство и даже въ событія ея внутренней жизни. Министры, статсъ-секретари Великаго Княжества, избираемые всегда изъ мѣстныхъ финляндскихъ уроженцевъ, доводили до свѣдѣнія верховной власти только то, что считали нужнымъ сообщать ей, и въ такой окраскѣ, какая была желательна для мѣстныхъ финляндскихъ властей. Русская литература, въ теченіе 80 лѣтъ, почти совершенно молчала объ этой таинственной странѣ, потому что русскіе люди не допускались тамъ ни къ какимъ должностямъ и слѣдовательно не могли пріобрѣсть ни знанія мѣстныхъ нарѣчій, ни знакомства съ тамошними дѣлами. Финляндія 80 лѣтъ оставалась для насъ страною какъ бы забытою и неизвѣстною.

Если бъ Финляндіи дано было органическое законодательство, согласованное съ основными законами Имперіи, и ея учрежденія были бы поставлены въ связь съ центральными государственными установленіями, то нѣкоторыя мѣстныя особенности ея законовъ и управленія не могли бы вредить ея политической связи съ Россіей. Всякому просвѣщенному русскому понятно, что мѣстныя особенности присоединенныхъ къ Россіи иноплеменныхъ областей, созданныя исторіей и нравами обитателей, должны быть уважаемы законодателемъ, ибо цѣль законовъ есть благо всѣхъ подданныхъ государства. Законы и учрежденія, примѣнимые къ Грузіи или Туркестану, нельзя примѣнять всецѣло къ Финляндіи или Балтійскимъ губерніямъ.

Равнымъ образомъ каждый образованный русскій не можетъ не сочувствовать мысли Императора Александра I, чтобы, при постановленіи новыхъ законовъ для Финляндіи или измѣненіи существующихъ, были выслушиваемы предварительно нужды и желанія самого населенія, при сохраненіи однако за верховною властью полной свободы въ принятіи окончательнаго рѣшенія. Такой порядокъ законодательства не только не расшатываетъ государственнаго строя, но еще болѣе укрѣпляетъ его, ибо въ основаніи этого порядка лежитъ благо подданныхъ. Такое совѣщательное по законодательнымъ вопросамъ учрежденіе не можетъ унизить никакого правительства, но должно еще болѣе возвысить его значеніе и силу въ глазахъ подданныхъ и всего образованнаго міра. Если же мы видимъ въ Финляндіи, что самыя великодушныя и рѣдко встрѣчаемыя въ исторіи намѣренія Александра I повели не къ скрѣпленію этой области съ Россіей, а къ ея рѣзкому и недружелюбному разъединенію, то причиною этого явленія было отнюдь не сохраненіе ей извѣстной доли самостоятельности въ управленіи и законодательствѣ, а то, что Императоръ Александръ I остановился на однихъ великодушныхъ намѣреніяхъ и широковѣщательныхъ рѣчахъ, предоставивъ дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ этой странѣ собственному произволенію тамошней бюрократіи, пропитанной тайною враждою къ Россіи, и не принявъ никакихъ мѣръ къ скрѣпленію этой провинціи съ русскимъ государствомъ. Мало то-

го, подъ вліяніемъ окружавшихъ его финляндскихъ совѣтниковъ, онъ сдѣлалъ не мало такого, что впослѣдствіи придало силу враждебной Россіи шведо-финской партіи и дало ей въ руки оружіе для возможнаго умаленія значенія верховной власти и почти совершеннаго уничтоженія связи этой провинціи съ остальнымъ государствомъ. Напомнимъ напримѣръ объ отторженіи отъ Имперіи Выборгской губерніи и о включеніи ея въ составъ Финляндіи, объ учрежденіи должности особаго статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества, съ отстраненіемъ высшихъ правительственныхъ органовъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ Финляндіи, объ изгнаніи русскаго языка даже изъ подлинныхъ актовъ, издававшихся для Финляндіи верховною властью, и пр. Произошла одна изъ удивительнѣйшихъ въ политическомъ мірѣ мистификацій: побѣжденные, съ помощью хитро придуманной и дружно выполняемой системы, достигли наконецъ того, что почти увѣрили побѣдителей, что они заключили другъ съ другомъ договоръ на равныхъ правахъ и что, въ силу этого договора, Финляндія есть особое отъ Россіи самоуправляющееся государство, само для себя пишущее законы и въ дѣла котораго русскимъ государственнымъ установленіямъ возбраняется всякое вмѣшательство.

IV.

Цѣльнаго и органическаго законодательства для управленія Финляндіей не было дано и при преем-

никахъ Александра I, прежде всего потому, что сами финляндскія власти этого не желали и объ этомъ не просили. При изданіи органическихъ законовъ пришлось бы категорически опредѣлить отношенія мѣстныхъ финляндскихъ властей къ центральному русскому правительству; но для финляндцевъ было опасно ставить этотъ вопросъ въ такой рѣшительной формѣ. Для нихъ было гораздо выгоднѣе оставлять основные пункты ихъ политическаго положенія въ туманѣ и понемногу, какъ бы мимоходомъ, посредствомъ разныхъ уловокъ и незамѣтно для глазъ русскаго правительства, отвоевывать себѣ то тѣ, то другія политическія права и матеріальныя льготы. Этими частными пріобрѣтеніями они, имѣя готовый планъ, созидали мало по малу цѣлое зданіе своей внѣгосударственной обособленности. Финляндскій вопросъ оставался забытымъ и во все продолжительное царствованіе Императора Николая, не взирая на его умъ и несомнѣнное патріотическое чувство, столь выгодно отличавшее этого государя отъ его предшественника. Удивляться этому нечего: откуда же могъ этотъ монархъ получить вѣрныя свѣдѣнія о ненормальномъ положеніи Финляндіи, существовавшей безъ органическаго и соглашеннаго съ правами Россіи законодательства? Политической печати вовсе тогда не существовало въ нашемъ отечествѣ и ничей частный голосъ не смѣлъ касаться государственныхъ вопросовъ, которые правительство считало принадлежащими

исключительно его собственному вѣдѣнію. По заведенному уже порядку, докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ Финляндіи являлся предъ Императоромъ упомянутый выше Ребиндеръ (переименованный этимъ государемъ въ министры статсъ-секретари Великаго Княжества), а потомъ его преемникъ графъ Армфельтъ, тоесть лица, отъ которыхъ, какъ отъ прирожденныхъ шведофинляндцевъ, менѣе всего можно было ожидать раскрытія истиннаго положенія дѣлъ въ этой странѣ и совѣтовъ въ интересахъ русской власти. Генералъ-губернаторы финляндскіе, незнакомые ни съ исторіей, ни съ нарѣчіями этой области, весьма мало знакомые даже съ дѣйствовавшими тамъ шведскими законами и не вѣдавшіе ни одного изъ тѣхъ документовъ первостепенной важности, которые открыты теперь г. Ординымъ въ нашихъ государственныхъ архивахъ, должны были поневолѣ полагаться во всемъ на толкованія господъ финляндскихъ сенаторовъ и прокурора и, при самомъ лучшемъ желаніи служить пользамъ своего отечества, не могли ничего сдѣлать для измѣненія установившихся тамъ порядковъ. Доказательствомъ сказаннаго служитъ примѣръ генералъ-губернатора Закревскаго: у него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ энергіи, ни въ русскомъ чувствѣ; однако всѣ указанія, дѣлаемыя имъ въ Петербургѣ, приводимы были къ нулю противодѣйствіемъ статсъ-секретаря графа Армфельта.

Однако при Императорѣ Николаѣ не было и по-

нина о какомъ-либо дальнѣйшемъ расширеніи отдѣльныхъ правъ Финляндіи, ибо онъ хорошо понималъ, что какъ скоро планы его предшественника о введеніи представительнаго правленія въ Россіи не состоялись, то дальнѣйшее разъединеніе государственнаго строя въ коренномъ государствѣ и въ одной изъ его провинцій представляло бы политическую уродливость, долженствовавшую неизбѣжно привести къ совершенному отчужденію этой провинціи отъ общихъ цѣлей и интересовъ Русскаго Государства. По извѣстному нерасположенію этого монарха ко всякаго рода конституціямъ, онъ не могъ примириться съ мыслью даже о провинціальномъ финляндскомъ сеймѣ и ни разу не созывалъ его во все свое продолжительное царствованіе. Чрезъ это финляндцамъ была закрыта дорога для какихъ бы то ни было попытокъ къ расширенію ихъ отдѣльныхъ правъ. Николай сказалъ имъ: пользуйтесь тѣмъ, что̀ получили, но ни шагу дальше. Онъ не подозрѣвалъ, что было бы гораздо полезнѣе собирать время отъ времени сеймы, въ качествѣ свѣдущей и совѣщательной инстанціи, по дать странѣ строго опредѣленное законодательство и упразднить статсъ-секретаріатъ. Но финляндцамъ выгоднѣе было оставаться нѣкоторое время безъ сеймовъ, въ надеждѣ, что рано или поздно они опять возобновятся, чѣмъ допустить составленіе для ихъ страны органическаго уложенія, ибо они хорошо знали, что Императоръ Николай не обошелъ бы въ этомъ дѣлѣ

своихъ русскихъ министровъ, среди которыхъ находился и Сперанскій, уже знакомый съ финляндскимъ вопросомъ. Финляндцы такъ и сдѣлали: Императоръ Николай оставленъ былъ въ невѣдѣніи о необходимости дать Финляндіи общее уложеніе. Частныя законодательныя и административныя мѣры онъ вводилъ безъ сейма, посредствомъ высочайшихъ повелѣній, по примѣру Александра I, который также, послѣ единственнаго бывшаго при немъ сейма въ Борго, издавалъ законодательныя распоряженія непосредственно своею властью, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше Прибавленія къ шведскому уложенію 1734 г.

Со времени Императора Николая начинаетъ рости систематическая враждебность финляндцевъ высшаго и средняго класса къ Россіи, за то, что, какъ выражается въ своей брошюрѣ профессоръ Даніельсонъ, «для развитія конституціи Финляндіи въ прогрессивномъ направленіи царствованіе этого государя оказалось далеко неблагопріятнымъ». Это были первые плоды того неестественнаго положенія, которое создано было для Финляндіи Александромъ I. Шведо-финляндскіе аристократы, чиновники и литераты злобствовали на Императора и на русскихъ втайнѣ, хотя и не смѣли проявлять этой злобы открытымъ образомъ, трепеща при одномъ имени Николая. Простой же финскій народъ, видя быстрое возрастаніе своего благосостоянія и еще несмущаемый открытою пропагандою противъ Россіи, былъ доволенъ

своимъ положеніемъ и вспоминалъ о шведскомъ господствѣ, какъ о временахъ тяжкихъ поборовъ, частыхъ военныхъ разореній и почти безграничнаго самовластія мѣстнаго дворянства.

Съ восшествіемъ на престолъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II финляндскіе политики почувствовали возможность двинуть впередъ вопросъ «о развитіи конституціи Финляндіи въ прогрессивномъ направленіи» и достигли въ этомъ отношеніи огромныхъ успѣховъ, притомъ, надобно отдать имъ въ этомъ справедливость, достигли этихъ успѣховъ малыми средствами, втихомолку и почти незамѣтно для посторонняго глаза, съ помощію тактики зрѣло обдуманной и ловко выполненной. При этомъ они воспользовались тѣмъ, что не только старые шведскіе законы, дѣйствовавшіе въ Финляндіи въ эпоху ея завоеванія, никому изъ русскихъ властей не были теперь извѣстны, но едва-ли кто зналъ даже объемъ тѣхъ правъ, которыя были дарованы Финляндіи Александромъ I. Все это открылось для насъ лишь теперь, благодаря изысканіямъ г. Ордина. Самое отсутствіе точнаго опредѣленія политическихъ правъ Финляндіи послужило на пользу финляндскимъ политикамъ. Опасаясь выставлять свои намѣренія открыто, они, подъ покровомъ темноты и неизвѣстности, стали весьма искусно дополнять и расширять политическія права Финляндіи при отдѣльныхъ случаяхъ. Уже въ рѣчи, произнесенной Императоромъ при открытіи перваго Гельсингфорскаго сейма въ

1863 г. и редактированной, какъ извѣстно, министромъ статсъ-секретаремъ В. Княжества графомъ Армфельтомъ, помѣщены были такія слова: «Plusieurs des stipulations *des lois fondamentales* du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depius sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des supplémens à ces stipulations pour être soumis à l'examen des Etats lors de la prochaine Diète, que Je pense convoquer dans trois ans. En maintenant le principe monarchique constitutionel inhérent aux moeurs du peuple finlandois et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les Etats, quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possedé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement *de la loi fondamentale*». Что это за lois fondamentales, о которыхъ здѣсь говорится? Мы видѣли, что при Александрѣ I никакихъ *основныхъ* законовъ не было дано Финляндіи, а были сохранены ей ея прежніе гражданскіе, уголовные, полицейскіе (Уложеніе Швеціи 1734 г.) и церковные законы. Эти законы вовсе не составляютъ того, что во всѣхъ законодательствахъ принято назы-

вать основными законами, которыми опредѣляются составъ и права верховной власти и способы ея осуществленія. Очевидно, что въ приведенныхъ словахъ императорской рѣчи разумѣлись не упомянутые шведскіе законы, а какіе-то другіе, основные законы, въ теченіе 54 лѣтъ гдѣ-то скрывавшіеся въ неизвѣстности и непризнававшіеся ни Александромъ I, ни Николаемъ. Упоминаніе объ этихъ таинственныхъ основныхъ законахъ было только приготовительнымъ маневромъ къ тому, чтобы выдвинуть потомъ на сцену пресловутые шведскіе законы 1772 и 1789 гг., подъ видомъ законовъ, будто бы признанныхъ Александромъ I за основные для Финляндіи, и потомъ сдѣлать ихъ «plus applicables à l'état des choses» и придать имъ «plus de clarté et de précision», отсутствіемъ которыхъ они дѣйствительно страдаютъ въ высокой степени. Мы увидимъ далѣе, въ какомъ именно смыслѣ эти, никогда никѣмъ неутвержденные для Финляндіи законы были сдѣланы болѣе приложимыми къ нынѣшнему положенію вещей и въ чемъ именно получили они большую ясность и опредѣлительность. Затѣмъ въ той же рѣчи обращаютъ вниманіе слова: «Я желаю расширить въ этомъ проектѣ принадлежащее уже сейму право регулировать взиманіе налоговъ, равно какъ и ввести право моцій, которымъ сеймъ пользовался прежде». Весьма вѣроятно, что Императоръ Александръ I съ мыслію о финляндскомъ сеймѣ соединялъ и предоставленіе

ему права проектировать налоги, хотя, за отсутствіемъ въ его царствованіе какого бы то ни было сеймоваго устава, эта привилегія сейма нигдѣ не была выражена. Но редакторъ разсматриваемой рѣчи выражается рѣшительнымъ образомъ, что назначеніе налоговъ принадлежитъ уже сейму какъ несомнѣнное право, очевидно выводя его изъ тѣхъ же шведскихъ законовъ. Что же касается словъ: «Я желаю ввести въ этотъ проектъ право моцій, которымъ сеймъ пользовался прежде», то слѣдуетъ замѣтить, что въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россіи шведскій сеймъ не пользовался правомъ моцій, то есть непосредственнаго предложенія законовъ. Это прямо видно изъ пункта 6-го Акта соединенія, въ которомъ сказано: «государственные чины въ теченіе сейма должны только заниматься тѣми предметами, кои предлагаются королемъ, какъ до 1680 года въ обыкновеніи было». Мы не говоримъ уже о томъ, что всякое уподобленіе нынѣшняго областнаго финляндскаго сейма общекоролевскому шведскому риксдагу есть очевидная натяжка. Впрочемъ выраженное Императоромъ въ этой рѣчи обѣщаніе даровать сейму право моцій не было осуществлено имъ ни въ сеймовомъ уставѣ 1869 года, ни въ послѣдующихъ законодательныхъ актахъ его царствованія. Очевидно, оппозиціонныя выходки, обнаруженныя нѣкоторыми депутатами уже на томъ самомъ сеймѣ, на которомъ была произнесена эта рѣчь, убѣдили Императора въ томъ, что

нельзя полагаться на благоразуміе депутатовъ и ихъ признательность за дарованныя сейму права и что предоставленіе имъ права моцій могло бы повести къ нежелательнымъ и раздражительнымъ словопреніямъ на сеймѣ: потому вѣроятно онъ и отвергъ прежнюю мысль, внушенную ему статсъ-секретаремъ Армфельтомъ. Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что созваніе перваго Гельсингфорскаго сейма и произнесеніе вышеприведенной рѣчи относятся къ эпохѣ польскаго мятежа 1863 года, когда Императоръ былъ озабоченъ польскими дѣлами и враждебными противу Россіи заявленіями западныхъ державъ. Этимъ моментомъ и воспользовался Армфельтъ, чтобъ поднести Государю сказанную рѣчь и заложить операціонный базисъ для послѣдующихъ дѣйствій финляндской тактики.

Тѣ цѣли, для которыхъ подготовлялась почва въ сказанной рѣчи Императора, достигнуты были съ изданіемъ несуществовавшаго дотолѣ сеймоваго устава (Landtdagsordningen), принятаго на сеймѣ 1867 года и утвержденнаго Императоромъ Александромъ II 3 апрѣля 1869 г. Въ этомъ многосложномъ уставѣ, состоящемъ изъ 83 параграфовъ, посвященныхъ подробностямъ организаціи и внѣшней процедуры сейма, подробностямъ довольно мелочнымъ и вообще не имѣющимъ никакой принципіальной важности, втиснуты и такъ сказать затерты въ массѣ другихъ статей слѣдующія строки: «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по

предложенію Государя Императора и Великаго Князя *и съ согласія всѣхъ сословій.* Относительно вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ данныхъ сословіямъ привилегій, льготъ и преимуществъ, или о пожалованіи новыхъ привилегій, дѣйствуютъ узаконенія, установленныя о томъ въ *Формѣ правленія»* (§ 71). Послѣдній 83-й параграфъ говоритъ: «Настоящій сеймовый уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ *закономъ для Монарха* и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ ихъ рѣшеніемъ». Затѣмъ уставъ заканчивается слѣдующими двумя утвержденіями онаго:

«Для вящшаго же удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили мы сіе подписью нашихъ именъ и приложеніемъ нашихъ печатей, что состоялось въ Гельсингфорсѣ въ 14 день мая мѣсяца въ годъ по рождествѣ Христовомъ 1867. Отъ имени рыцарства и дворянства Норденстамъ. м. п. Отъ имени духовнаго сословія Эдуардъ Бергенгеймъ. м. п. Отъ имени сословія горожанъ Френкель. м. п. Отъ имени крестьянскаго сословія Мякипеска». м. п.

«Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено *въ Формѣ правленія 1772 г. и въ Актѣ соединенія и охраненія 1789 г.* и неизмѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый *основной законъ.* Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы

сіе собственноручно». Въ С.-Петербургѣ 3 (15) апрѣля 1869 г. «Александръ». «Министръ статсъ секретарь графъ Армфельтъ».

Приведенными здѣсь строками сеймоваго устава сеймъ, изъ совѣщательнаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ Борго, разомъ превращенъ въ учрежденіе властное, стоящее на ряду съ Монархомъ и ограничивающее его волю по всѣмъ безъ исключенія законодательнымъ вопросамъ *); Россійскому же Императору, считавшемуся дотолѣ единственнымъ источникомъ всѣхъ полученныхъ Финляндіей привилегій, предписывается, какъ ненарушимый основной законъ, составленный финляндцами сеймовый уставъ. Затѣмъ въ выше приведенныхъ строкахъ не только сдѣлана ссылка на шведскіе законы 1772 и 1789 гг., но они прямо примѣнены къ правамъ Русскаго Императора по отношенію къ Финляндіи, такъ что отнынѣ права эти какъ бы должны почитаться лишь «въ томъ видѣ, какъ они установлены въ Формѣ правленія и Актѣ соединенія и не измѣнены точными словами въ вышеизло-

---

*) Приведенный выше § 71 сеймоваго устава спеціально ограждаетъ право сейма принимать или отвергать предложенія Императора, касающіяся основныхъ законовъ; относительно же всѣхъ вообще законодательныхъ постановленій права сейма и государя выражены въ §§ 40 и 41 Формы правленія, признаваемой этимъ уставомъ за основной законъ, именно

§ 40. Король не можетъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 41. Государственные чины не могутъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія короля.

женномъ сеймовомъ уставѣ.» Изъ приведенныхъ нами подробныхъ выписокъ изъ этихъ двухъ старинныхъ шведскихъ актовъ мы уже видѣли, насколько они примѣнимы къ Русскому Монарху, и повторять это было бы въ настоящую минуту слишкомъ печально и неудобно. Итакъ для Финляндіи вдругъ явились теперь недостававшіе ей *основные* законы въ видѣ Формы правленія, Акта соединенія и сеймоваго устава 1869 года. Отнынѣ, какъ гласитъ § 71 устава, никакой отмѣны или измѣненія въ этихъ законахъ нельзя сдѣлать иначе, какъ *съ согласія всѣхъ сословій* *); слѣдов. неприкосновенность «народнаго» самодержавія обезпечена надежно. Надобно при этомъ имѣть въ виду, что не только всякое предложеніе Императора объ измѣненіи или отмѣнѣ какой-нибудь статьи въ сказанныхъ двухъ шведскихъ законодательствахъ или въ сеймовомъ уставѣ можетъ быть отвергнуто сеймомъ (для чего достаточно не согласиться съ предложеніемъ одному сословію, напр. дворянскому), но и самое такое предложеніе должно быть, по толкованію сенатора Мехелина, изготовлено въ общемъ собраніи финляндскаго сената; тогда какъ каждый сеймовый депутатъ имѣетъ право (съ 1886 г.) дѣлать на сеймѣ непо-

*) На сеймѣ всѣ вопросы считаются рѣшенными, когда послѣдовало согласіе трехъ сословій (§ 73); только для дѣлъ, упоминаемыхъ въ §§ 71 и 72, составители устава почли нужнымъ требовать согласія всѣхъ четырехъ сословій. Въ § 72 говорится о назначеніи какой-нибудь чрезвычайной подати на особыя потребности.

средственныя предложенія, не справляясь съ мнѣніемъ сената (Précis du droit, въ переводѣ г. Ордина, стр. 68—69). И вотъ такія-то статьи были поднесены финляндскимъ статсъ-секретаремъ графомъ Армфельтомъ на подписаніе въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, въ прямомъ расчетѣ на то, что государи не имѣютъ матеріальной возможности дѣлать справокъ и входить во всѣ подробности по дѣламъ, представляемымъ на ихъ утвержденіе, и должны по необходимости основываться на довѣріи къ тѣмъ лицамъ, которыми эти дѣла имъ докладываются. Даже министры не могутъ дѣйствовать иначе, какъ также опираясь на довѣріе къ чинамъ, завѣдующимъ отдѣльными частями министерствъ. Въ настоящемъ же случаѣ дѣлалась ссылка на такіе шведскіе законы, которые никому въ Россіи не были извѣстны до появленія книги г. Ордина *). Никакой взглядъ, непредупрежденный объ этомъ подлогѣ и неискусившійся въ дѣлѣ кодификаціонной критики, не могъ бы уловить и взвѣсить приведенныя нами строки этого многостатейнаго устава; для русскаго же Им-

*) Одинъ финляндецъ передавалъ автору настоящаго сочиненія, что его соотечественники болѣе всего недовольны въ книгѣ г. Ордина именно пропечатаніемъ Формы правленія и Акта соединенія. Эти два документа тамошними политиками почитались своего рода ящикомъ Пандоры, изъ котораго они могутъ выпускать на русское правительство разные ужасы, и вдругъ этотъ ящикъ оказался набитымъ соломой и всякимъ старымъ хламомъ, негоднымъ теперь ни для какого разумнаго употребленія.

ператора было совершенно немыслимо подробное его изученіе и распутываніе смысла каждой его статьи. Пріемъ, посредствомъ котораго вышеприведенныя строки ввернуты въ актъ, поднесенный на Высочайшее подписаніе, сталъ ясенъ только теперь, когда открылись карты, бывшія въ рукахъ финляндскихъ политиковъ и тщательно укрывавшіяся ими отъ русскаго глаза. Вотъ почему финляндцы такъ ревниво оберегаютъ свои архивы отъ доступа къ нимъ русскихъ изслѣдователей. Нельзя также не обратить вниманія на форму, въ которой выражена санкція этого «основнаго» закона: сперва его засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили, съ приложеніемъ своихъ печатей, маршалъ дворянства и тальманы остальныхъ сословій, и ниже уже подписи какихъ-то Френкеля и Мякинески, слѣдуетъ Высочайшее утвержденіе и подпись Государя Императора. Все это скопировано съ прежнихъ актовъ шведскаго общекоролевскаго риксдага и должно имѣть въ глазахъ финляндцевъ свое особое значеніе, какъ нельзя лучше соотвѣтствующее проповѣдуемой среди нихъ теоріи государственной особности и народнаго самодержавія Финляндіи. Ничего подобнаго не было и не могло быть при Александрѣ I, при которомъ всѣ законы, въ томъ числѣ и тѣ, которые прошли чрезъ Боргоскій сеймъ, носили на себѣ, при ихъ опубликованіи, только подпись самого Государя, признававшагося единственнымъ источникомъ всѣхъ дарованныхъ Финляндіи привилегій,

какъ это можно видѣть изъ упомянутаго выше Прибавленія къ шведскому уложенію 1734 года. Русское общество было недавно изумлено тою смѣлостью, съ какою проведено было финляндскимъ сенатомъ и статсъ - секретаріатомъ финляндское уголовное уложеніе, многія статьи котораго выражаютъ прямое непризнаніе государственныхъ законовъ Россіи. Но что значатъ эти противорѣчія финляндскаго уголовнаго уложенія законамъ и государственному праву Россіи въ сравненіи съ примѣненіемъ шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. къ Русскому Императору, съ поставленіемъ областнаго финляндскаго сейма на одну ногу съ верховною властью и съ провозглашеніемъ составленнаго финляндцами сеймоваго устава ненарушимымъ закономъ для Русскаго Монарха! Теперь уже не Россія устанавливаетъ свои отношенія къ области, которая, по словамъ Фридрихсгамскаго трактата, состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи, а напротивъ того—эта область предписываетъ Россіи, какъ основу этихъ отношеній, какіе-то архивные шведскіе документы; не Русскій Монархъ является источникомъ излитыхъ на Финляндію привилегій и милостей, а сказанные шведскіе документы и составленный финляндскими руками сеймовый уставъ предписываются Русскому Монарху, какъ ненарушимый для него законъ.

Конечно, редакторы этого устава отлично понимали, что упоминаемые въ немъ архаическіе и не-

связные шведскіе законы не могутъ въ настоящее время служить основными законами не только для Финляндіи, какъ области Русскаго государства, но и ни для какой другой страны; но имъ нужны эти шведскіе законы только какъ точка отправленія для того, чтобъ, заручившись хотя бы косвеннымъ признаніемъ ихъ со стороны русскихъ государей, мало по малу достигать своихъ цѣлей, которыхъ они не рѣшаются пока высказать прямо и категорически, то есть возможнаго умаленія власти русскихъ монарховъ и полнаго разъединенія Финляндіи отъ Россіи. Для финляндскихъ политическихъ дѣятелей эти архивные документы служатъ колодою картъ, которыя можно ловко подтасовывать, сообразно обстоятельствамъ: а для насъ русскихъ они являются однимъ печальнымъ недоразумѣніемъ. Бывшій сенаторъ Мехелинъ необинуясь говоритъ въ своей брошюрѣ, что «все, сказанное въ этихъ законахъ о шведскомъ королѣ, должно примѣняться и къ Русскому Императору.» Но не слишкомъ ли поспѣшно такое заключеніе и не слишкомъ ли велика увѣренность финляндскихъ политиковъ въ недальновидности русскаго правительства? Упущеніе или ошибка въ законодательствѣ и остаются всегда упущеніемъ и ошибкой, отвѣтственность за которыя лежитъ на тѣхъ лицахъ, которыя ихъ подготовили и провели, особенно когда они дѣйствовали съ умысломъ и по зарапѣе обдуманному плану. Требовать увѣко-

вѣченія упущеній и ошибокъ въ законахъ на томъ только основаніи, что законы утверждаются государями, могутъ лишь тѣ, кто были прямыми и умышленными виновниками этихъ ошибокъ и имѣютъ интересъ въ ихъ удержаніи. Финляндское уголовное уложеніе, изготовленное сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ, также было, по докладу финляндскаго статсъ-секретаря, утверждено Государемъ Императоромъ; но когда оно, при разсмотрѣніи его въ русскихъ правительственныхъ установленіяхъ, оказалось находящимся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ русскими законами и когда это обстоятельство было доведено русскими государственными лицами до свѣдѣнія Государя Императора, то объявленіе этого уложенія было пріостановлено и оно было подвергнуто пересмотру и исправленію чрезъ министра юстиціи и главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣленіемъ при государственномъ совѣтѣ. Слѣдовательно и ошибка, допущенная въ прошлое царствованіе, не есть еще ошибка вѣковѣчная и непоправимая. Приведенныя статьи сеймоваго устава и заканчивающая оный формула Высочайшаго утвержденія суть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе Формы правленія и Акта соединенія, на которые и сдѣлана тамъ ссылка. Бывшій сенаторъ Мехелинъ, въ своей брошюрѣ «Противорѣчатъ ли права Финляндіи», прямо говоритъ: «Основные законы Финляндіи (т. е. законы 1772 и 1789 гг.), о сохраненіи которыхъ всѣми Августѣйшими преемниками Импе-

ратора Александра I при восшествіи на престолъ изданы удостовѣренія, впослѣдствіи *были развиты сеймовымъ уставомъ 1869 года»* (стр. 31—33). А какъ скоро выписанныя нами статьи сеймоваго устава представляютъ собою только дальнѣйшее развитіе сказанныхъ шведскихъ законовъ, никогда русскими государями непризнававшихся и не только непримѣнимыхъ къ нимъ, но и въ высшей степени оскорбительныхъ для ихъ достоинства, то чрезъ это самое эти статьи сеймоваго устава теряютъ все свое значеніе. Законъ, основанный на несуществующей фикціи, самъ является фикціей и не можетъ оставаться безъ исправленія, если бы даже онъ былъ плодомъ простой ошибки или недоразумѣнія.

Но помимо существенныхъ правъ Русскаго Монарха, которыя нарушены съ помощью сказаннаго маневра составителей сеймоваго устава, есть масса административныхъ, судебныхъ, финансовыхъ, международныхъ и инаго рода вопросовъ, общихъ Финляндіи съ другими частями Россіи или же затрогивающихъ важнѣйшіе права и интересы цѣлой монархіи. Если ставить ихъ рѣшеніе въ зависимость отъ благоусмотрѣнія финляндскаго сейма, то они едва ли когда-нибудь могутъ быть рѣшены согласно съ общими пользами государства. Самъ опытъ не замедлилъ показать невозможность подчиненія подобныхъ вопросовъ рѣшенію одной финляндской стороны. Поэтому въ нынѣшнее царствованіе правительство

подчинило почтовыя учрежденія Финляндіи общему завѣдыванію министерства внутреннихъ дѣлъ путемъ обыкновеннаго административнаго распоряженія верховной власти. Также было поступлено относительно обязательнаго принятія въ Финляндіи, въ извѣстныхъ случаяхъ, русскихъ кредитныхъ билетовъ по существующему курсу. Помимо сейма пріостановлено было въ 1890 году, Высочайшимъ манифестомъ, введеніе въ Финляндіи уголовнаго уложенія и оно было подвергнуто пересмотру и исправленію. По всей вѣроятности тѣмъ же путемъ будетъ рѣшенъ вопросъ и о таможенной границѣ между Финляндіей и Имперіей. Мы не говоримъ уже о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть вызваны относительно Финляндіи въ случаѣ войны Россіи съ западными державами. § 72 сеймоваго устава повидимому предусматриваетъ именно такой случай, говоря о назначеніи чрезвычайной подати на особыя потребности и требуя для осуществленія такой мѣры согласія всѣхъ четырехъ сословій, какъ и для отмѣны или измѣненія такъ называемыхъ основныхъ законовъ. Такая предусмотрительность финляндскихъ законодателей вполнѣ согласуется съ высказываемымъ въ тамошнихъ газетахъ мнѣніемъ, что финляндцы не обязаны защищать Россію отъ ея враговъ, хотя сами и пользуются ея защитой на сушѣ и моряхъ. Слѣдуетъ также упомянуть, что, Высочайшимъ манифестомъ 6 декабря 1878 года, главнѣйшія статьи утвержденнаго въ тотъ

же день устава о воинской повинности въ Финляндіи признаны относящимися къ основнымъ законамъ края и слѣдов. могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы не иначе, какъ съ согласія всѣхъ четырехъ сословій сейма.

Хотя, послѣ вышеприведенныхъ капитальныхъ статей сеймоваго устава, прочія статьи его не представляютъ особой важности, тѣмъ не менѣе нельзя не упомянуть о параграфахъ 2-мъ и 3-мъ, изъ которыхъ первымъ устанавливается обязательная періодичность сеймовъ «по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ», а вторымъ назначается мѣстомъ его собранія «столица края». Между тѣмъ, въ силу § 38 Формы правленія, «государственные чины Швеціи обязаны собираться по волѣ короля въ то время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ его величество засѣданіе назначить пожелаетъ, для совѣтованія съ его королевскимъ величествомъ о тѣхъ дѣлахъ, по коимъ его величество ихъ созываетъ». Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи (кромѣ обѣщаннаго права моцій) финляндцы выговорили своему областному сейму права бо̀льшія даже тѣхъ, которыми пользовался шведскій общегосударственный риксдагъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что Гельсингфорсу вовсе не приличествуетъ наименованіе столицы, ибо повсюду столицей называютъ городъ. въ которомъ имѣетъ пребываніе верховное правительство. Если, съ точки зрѣнія финляндцевъ, ихъ верховное правительство сосредоточено только въ се-

натѣ и сеймѣ, то мы, русскіе, все же не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что надъ Финляндіей, ея сенатомъ и ея сеймомъ есть еще болѣе верховная власть въ лицѣ Русскаго Императора.

Въ сеймовомъ уставѣ 1869 года нѣтъ ни слова о правѣ моцій, которое было обѣщано сейму въ рѣчи Императора при открытіи сейма 1863 г. Вмѣсто моцій, то есть непосредственнаго предложенія законовъ, параграфомъ 51 устава предоставлено депутатамъ представлять петиціи, то есть ходатайства предъ Государемъ о внесеніи на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма предлагаемыхъ ими законопроектовъ. Обѣщанное Императоромъ Александромъ II право моцій было осуществлено лишь нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ въ 1882 г. Высочайшій манифестъ, которымъ предоставлялось сейму сказанное право, изложенъ въ такихъ словахъ. «Божіею милостію Мы, Александръ III, Самодержецъ Всероссійскій и проч. Объявляемъ чрезъ сіе, что, соотвѣтственно выраженнымъ по § 71 Сеймоваго Устава отъ 15 (3) апрѣля 1869 г. одобренію и согласію земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо, съ отмѣною 6 пункта Акта соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года, Высочайше постановить и повелѣть, чтобы §§ 51 и 52 сказаннаго Сеймоваго Устава*), въ виду дополненія къ оному за-

*) Для ясности выписываемъ статьи, на которыя сдѣлана здѣсь ссылка, безъ чего трудно уловить смыслъ этихъ строкъ.

кона о предоставленіи земскимъ чинамъ права предложенія, получили слѣдующее измѣненное содержаніе».

§ 51. «Земскіе чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредь имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами. Не могутъ быть однако возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати. Если земскіе чины, по поводу возбужденнаго предложенія, рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ Государю Императору и Великому Князю. Въ случаѣ одобренія проекта земскихъ чиновъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, имѣетъ быть издано постановленіе, *дословно согласное съ этимъ*

Пунктъ 6-й Акта соединенія: «Государственные чины въ теченіе сейма должны только заниматься тѣми предметами, кои предлагаются королемъ, какъ до 1680 г. въ обыкновеніи было».

§ 51. сеймов. устава 1869 г.: «Петиціи по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію общей комиссіи, имѣютъ быть представляемы сеймовымъ депутатомъ въ томъ сословіи, къ которому онъ принадлежитъ, до истеченія 14 дней съ открытія сейма».

§ 52. «Предложенія Государя Императора и В. Князя не должны быть принимаемы къ окончательному обсужденію до представленія по онымъ заключенія комиссіи».

§ 71 былъ уже приведенъ прежде.

проектомъ. Если же проектъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ не можетъ быть одобренъ *въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій*, о чемъ, по повелѣнію Государя Императора и Великаго Князя, земскимъ чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма».

Изъ послѣдующаго изложенія будетъ видно, въ какой степени финляндскими руководителями, то есть тамошними высшими чиновниками, профессорами и журналистами, были оцѣнены и оправданы эти акты высокаго довѣрія двухъ Монарховъ къ тому, что, какъ выразился въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II при открытіи сейма 1863 года, «въ рукахъ народа мудраго, рѣшившагося, въ единеніи съ своимъ Монархомъ, трудиться надъ развитіемъ своего благосостоянія въ практическомъ духѣ, дарованныя Финляндіи учрежденія не только не представляютъ опасности, но служатъ ручательствомъ порядка и благоденствія».

V.

Всѣ неправильности и затрудненія, обнаруживающіяся теперь въ финляндскихъ дѣлахъ, имѣютъ, какъ мы видѣли, свой корень еще въ дѣйствіяхъ нашего правительства во времена Александра I, когда эта вновь покоренная страна была оставлена въ одномъ

механическомъ соединенiи съ Россiей, безъ всякаго опредѣленiя основныхъ началъ ея государственной принадлежности къ своей метрополiи. Если сравнимъ дѣйствiя Александра I относительно Финляндiи съ тѣмъ, какъ поступало въ подобныхъ случаяхъ наше правительство въ прежнiя времена, при Петрѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ, то увидимъ, насколько тверда была при нихъ идея государственнаго единства Россiи и какъ разомъ пошатнулась она со смертью Екатерины. Хотя и тогда нѣкоторымъ вновь завоеваннымъ областямъ оставлялись ихъ мѣстные законы и учрежденiя, но общее государственное право Россiи царило надъ всѣми мѣстными особенностями и скрѣпляло единство и цѣльность государства. Такъ Петръ Великiй, завоевавъ Эстляндiю и Лифляндiю, оставилъ имъ ихъ прежнiе уголовные и гражданскiе законы, ихъ судоустройство и судопроизводство, нѣмецкiй языкъ въ судахъ и администрацiи, существовавшiя отношенiя между помѣщиками и ихъ крѣпостными крестьянами, широкое самоуправленiе дворянства съ его ландтагами, городское самоуправленiе, устройство полицiи городской и уѣздной, прежнее церковное устройство и особенный порядокъ отдачи казенныхъ земель въ пользованiе дворянству. Такимъ же образомъ поступила и Екатерина II при присоединенiи къ Россiи Курляндской губернiи. Но въ этихъ случаяхъ не возбуждалось и вопроса о правахъ и предѣлахъ власти русскихъ государей надъ этими областями или о выдѣленiи ихъ

изъ общаго состава Имперіи. Онѣ, не смотря на значительныя особенности въ ихъ мѣстныхъ законахъ и учрежденіяхъ, были вполнѣ подчинены центральнымъ правительственнымъ установленіямъ и всей силѣ общаго государственнаго права Россіи. Не было никакого остзейскаго самоуправляющагося государства, а были только три балтійскія губерніи, управляемыя на особомъ положеніи, какъ были таковыя же малороссійскія губерніи и литовско-бѣлорусскія; сіи послѣднія съ ихъ прежнимъ литовскимъ статутомъ. Не возникало и не могло возникнуть вопроса ни о таможенной границѣ, ни объ особой монетѣ, ни объ изъятіи податныхъ сословій балтійскихъ губерній отъ рекрутскаго набора. Точно также было поступлено и относительно Выборгской губерніи, присоединенной къ Россіи при Петрѣ и Елисаветѣ. Петръ оставилъ тамъ въ дѣйствіи многіе шведскіе административные законы, съ тѣмъ, что гдѣ шведскіе регламенты не были пригодны или не соотвѣтствовали новому положенію этой губерніи, тамъ надлежало руководствоваться дѣйствительнымъ опытомъ. Шведскіе законы были переведены на русскій языкъ, издававшіяся же новыя постановленія переводились съ русскаго на нѣмецкій. Мѣстныя админитивныя власти зависѣли отъ губернатора, всегда изъ русскихъ чиновниковъ, и отъ губернской канцеляріи, которая въ свою очередь подчинялась по исполнительной части правительствующему сенату, а по финан-

совой и хозяйственной — государственной камеръ-конторѣ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. Судебное разбирательство производилось въ Выборгской губерніи по шведскимъ законамъ въ гератскихъ, или уѣздныхъ судахъ, изъ которыхъ гражданскія тяжбы переносились по аппелляціямъ въ лагманскій судъ; уголовныя же дѣла изъ гератскихъ судовъ поступали прямо въ Петербургъ, въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. На лагманскій судъ жалобы приносились также въ юстицъ-коллегію, пока при Екатеринѣ не подчинили лагманскій судъ непосредственно правительствующему сенату. Городскіе магистраты также вносили свои дѣла въ ту же юстицъ-коллегію. Въ церковномъ отношеніи православные жители Выборгской губерніи были подчинены Новгородскому архіепископу. При Екатеринѣ приняты были мѣры къ окончательному объединенію Выборгской губерніи съ остальными частями Имперіи. Въ наставленіи, преподанномъ самою Императрицей князю Вяземскому, при назначеніи его на должность генералъ-прокурора, находятся слѣдующія замѣчательныя строки: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было бы; однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать

съ достовѣрностію *глупость*. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ перестали глядѣть какъ волки къ лѣсу». Эти строки доказываютъ, что государственные люди, засѣдавшіе въ совѣтахъ Екатерины, равно какъ и сама Императрица, были носителями государственной мудрости и хранили еще добрыя преданія царей и бояръ Московской Руси, у которыхъ такъ была крѣпка и живуча идея государственнаго единства Россіи, что передъ ней отступали назадъ всѣ другія соображенія, что за нее жертвовалъ русскій народъ своею жизнью и достояніемъ и она не умирала въ сознаніи правительства и народа въ самыя тяжкія и, повидимому, безнадежныя минуты нашей исторической жизни. Иныхъ людей и иныя понятія принесло намъ время, послѣдовавшее за царствованіемъ Екатерины. Согласно приведенному взгляду Екатерины, повелѣно было въ 1763 году, по высочайше конфирмованному докладу сената, уголовныя дѣла въ Выборгской губерніи рѣшать на общемъ основаніи, ибо финляндскіе обитатели, «яко живущіе въ одной странѣ и подданные Императорскаго Величества, должны быть вообще на равныхъ правахъ, безъ всякаго однихъ предъ другими преимущества». По открытіи въ 1784 г. намѣстничества, были упразднены губернская канцелярія, коронные фохты, лагманскій и гератскіе суды: сохранены лишь духовныя консисторіи, а изъ полицейскихъ должностей ленсманы съ низшими долж-

ностями, ягдъ-фохтами, мостовщиками и т. п. Вмѣсто упраздненныхъ мѣстъ и должностей явились: намѣстническое правленіе, палаты уголовная, гражданская и казенная, приказъ общественнаго призрѣнія, суды уѣздные, совѣтные, верхніе и нижніе земскіе, также магистраты и городовыя ратуши. Дворянство получило своихъ предводителей. Во всемъ, что не согласовалось съ новыми положеніями, шведскіе законы были отмѣнены. Не смотря на послѣдовавшія при Императорѣ Павлѣ нѣкоторыя перемѣны, отмѣнившія то, что было сдѣлано при Екатеринѣ, русское управленіе въ старой Финляндіи стало твердою ногой, а русскій языкъ, хотя и параллельно съ нѣмецкимъ (но никакъ не съ шведскимъ, совершенно изгнаннымъ изъ управленія), получилъ настолько право гражданства, что тогдашнія архивныя дѣла сохранили обстоятельные рапорты нѣкоторыхъ финляндскихъ бургомистровъ, писанные ими собственноручно порусски. Даже въ позднѣйшее время съ русскимъ языкомъ можно было свободно пускаться въ путь по всей Выборгской губерніи, до самаго пограничнаго Абборфорса на рѣкѣ Кюмени.

При означенной твердой и съ государственнымъ правомъ Россіи согласованной системѣ управленія, никому не приходило и на мысль, ни въ балтійскихъ губерніяхъ, ни въ старой Финляндіи, ставить вопросъ о томъ, можетъ ли Русскій Императоръ, когда того потребуютъ пользы государства, отмѣнять одни

изъ мѣстныхъ законовъ и вводить на ихъ мѣсто другіе, не спрашивая позволенія мѣстныхъ ландтаговъ, ратушей и магистратовъ. Многое изъ того, что было справедливо и полезно удержать въ балтійскихъ губерніяхъ въ то отдаленное время, оказалось впослѣдствіи несоотвѣтствующимъ общему росту русскаго государства и было измѣнено или вовсе отмѣнено властію правительства. Тогда въ Россіи не было ни обработаннаго свода уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, ни правильнаго судопроизводства, ни благоустроенной полиціи, ни школъ, ни организованнаго завѣдыванія экономическою частію въ городахъ и уѣздахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ балтійскія губерніи стояли тогда на гораздо высшей степени благоустройства, чѣмъ внутренняя Россія. Со стороны правительства было бы мѣрою несправедливою и жестокою разрушать высшую культуру для уравненія ея съ низшею. Но въ настоящее время положеніе вещей во многомъ измѣнилось въ обратномъ отношеніи. Новое русское судоустройство и судопроизводство, не смотря на частные недостатки въ ихъ исполненіи, неизбѣжные во всякомъ новомъ дѣлѣ, стоятъ несравненно выше стараго балтійскаго судопроизводства, предоставленнаго безконтрольному произволу дворянства и городскихъ магистратовъ. Уголовные и гражданскіе законы, дѣйствовавшіе до послѣдняго времени въ этихъ трехъ губерніяхъ, представляли разнохарактерную смѣсь законовъ датскихъ, шведскихъ и гер-

манскихъ, наслоившихся во времена частыхъ переходовъ этихъ провинцій отъ однихъ завоевателей къ другимъ. Введеніе въ нихъ общихъ русскихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и русскаго судопроизводства будетъ несомнѣнно шагомъ благодѣтельнымъ для населенія, хотя и непріятнымъ для тѣхъ, которые доселѣ пользовались тамъ монополіей суда и полицейскаго управленія. Но, какъ сказано уже было выше, эти мѣстныя особенности балтійскихъ губерній, отжившія теперь свой вѣкъ, никогда не имѣли политическаго характера и не стѣсняли полноты власти русскаго правительства надъ *этими губерніями. Если* впослѣдствіи въ *балтійскихъ губерніяхъ и даже въ* возвращенныхъ отъ *Польши древнихъ западно-рус*скихъ губерніяхъ возникли колебанія власти и противодѣйствія общегосударственному началу, то причиною тому были опять-таки, какъ и по отношенію къ Финляндіи, нетвердость государственной идеи въ умахъ нашихъ правительственныхъ лицъ и туманъ невѣдѣнія, скрывавшій отъ нихъ то, что творилось въ этихъ губерніяхъ. Но нигдѣ однако эта шаткость государственной идеи и это невѣдѣніе фактовъ не достигали такой степени, какъ по отношенію къ Финляндіи.

VI.

Самая легкость, съ какою пріобрѣтены были финляндцами, въ прошлое царствованіе, всѣ сказанные

успѣхи въ обособленіи ихъ страны отъ остальнаго государства, была причиною, что они не сумѣли сохранить мѣры въ пользованіи ими и въ своихъ дальнѣйшихъ притязаніяхъ. Тогда какъ правящій классъ дѣйствовалъ въ сферѣ законодательства и администраціи для бо̀льшаго и бо̀льшаго обособленія ихъ страны отъ Россіи и умаленія значенія верховной власти, журналисты сѣяли въ народѣ вражду къ русскимъ путемъ печати. Просвѣщаемая ихъ поученіями уличная публика большихъ городовъ: студенты, разнаго рода литераты, бюргеры и мелкіе служащіе, стала выражать эту вражду наглядныимъ образомъ и съ свойственными ей пріемами. Финляндцы открыли въ полномъ смыслѣ травлю на русскихъ, проживавшихъ въ Финляндіи по обязанностямъ службы, проявляя въ этомъ постыдномъ занятіи такую дикость понятій и грубость нравовъ, какихъ нельзя встрѣтить ни въ одномъ культурномъ народѣ міра. Въ Гельсингфорсѣ и Або, этихъ двухъ главныхъ центрахъ шведскаго духа, русскіе сдѣлались предметомъ систематическихъ преслѣдованій и оскорбленій и чувствовали себя тамъ внѣ закона и защиты, хуже, чѣмъ въ странѣ, находящейся въ открытой войнѣ съ Россіей. Названіе русскаго стало ругательнымъ въ устахъ финляндцевъ. Въ шестидесятыхъ годахъ противъ русскихъ солдатъ и матросовъ, когда они проходили поодиночкѣ или въ небольшихъ кучкахъ, дѣлались засады и они жестоко избивались финской толпой; бывали случаи даже смертоубійствъ. Рус-

скіе офицеры и военные медики, какъ лица, которыхъ національность легко было узнать по ихъ формѣ, подвергались жестокимъ оскорбленіямъ, и шведскій судъ съ усмѣшкой назначалъ оскорбленному $72^{1}/_{2}$ копейки вознагражденія, и то, когда онъ могъ представить трехъ свидѣтелей, каковыхъ изъ числа финляндцевъ никогда не отыскивалось. Русскому священнику нельзя было пройти по улицѣ, не подвергаясь насмѣшкамъ и преслѣдованію встрѣчающейся толпы. Въ Гельсингфорсѣ тамошніе студенты, литераты и бюргеры врывались въ русскую церковь во время богослуженія и производили въ ней скандалы, такъ что генералъ-губернаторъ приказалъ каждый разъ ставить у дверей церкви двухъ жандармовъ для недопущенія туда финляндцевъ, а по большимъ православнымъ праздникамъ постоянно находился тамъ для той же цѣли мѣстный полицеймейстеръ. Въ странѣ, завоеванной русскою кровью, русскіе люди могли собираться на молитву не иначе, какъ подъ охраной военныхъ стражей! Даже такая умилительная для русскаго сердца священная процессія, какъ обнесеніе вокругъ церкви плащаницы въ свѣтлую заутреню Христова Воскресенія, не обходилась безъ оскорбленій со стороны финскихъ студентовъ и бюргеровъ: они, стоя въ шапкахъ, провожали процессію насмѣшками, непристойными выходками и подходили закуривать папиросы къ нашимъ донскимъ казакамъ, шедшимъ въ числѣ другихъ русскихъ со свѣчами въ рукахъ. По безсилію, а вѣрнѣе сказать —

по нежеланію тамошней полиціи обуздать эти дикія проявленія финской ненависти къ русскимъ, духовною властью были потомъ отмѣнены въ Финляндіи всѣ наружныя церковныя процессіи православной религіи. Впрочемъ теперь, вмѣсто прежней убогой православной церкви, находившейся въ сосѣдствѣ съ университетомъ, имѣется тамъ новый храмъ, находящійся вблизи расположенія русскихъ военныхъ частей, и потому прежнихъ безчинствъ тамъ, надобно думать, уже не повторяется. Даже внѣшнія эмблемы русской государственной власти были въ Финляндіи уничтожаемы или искажаемы. На прежнихъ кредитныхъ финляндскихъ билетахъ едва можно было замѣтить присутствіе русскаго государственнаго герба, который изображался тамъ въ видѣ пустыхъ мѣстъ, оставленныхъ въ промежуткахъ между печатными узорами билетовъ. Но каждый истый финляндецъ, получивъ новый кредитный билетъ, считалъ своимъ долгомъ, послюнивъ большой палецъ, вытереть имъ и это жалкое подобіе государственнаго герба, такъ что большая часть обращавшихся тогда билетовъ низшаго достоинства, на мѣстѣ русскаго герба, имѣла только одну засаленную пустоту. Въ 1865 г. финляндцы воздвигли монументъ въ одномъ урочищѣ вблизи города Вазы, гдѣ въ войну 1808 года русскій отрядъ, застигнутый врасплохъ шведскимъ войскомъ въ превосходномъ числѣ, потерпѣлъ пораженіе. При открытіи монумента присутствовалъ въ полной парадной формѣ мѣстный губернаторъ, носившій чинъ ге-

нералъ-маіора русской службы. Финляндцы сдѣлали народную марсельезу изъ Біернеборгскаго марша, сложеннаго въ память разбитія подъ этимъ городомъ другаго русскаго отряда, и играютъ его при всѣхъ своихъ торжествахъ, даже въ присутствіи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ. Зато финляндцы не затрудняются уничтожать даже географическія названія мѣстностей, какъ скоро они напоминаютъ о русскихъ побѣдахъ надъ шведами или о принадлежности ихъ страны Россіи. Такъ они стерли съ своихъ географическихъ картъ старинное названіе острова Роченсальма, при которомъ въ 1789 году шведскій флотъ былъ разбитъ русскимъ, и назвали этотъ островъ Коткой. Точно также они упразднили на картахъ названіе города Николайстада и называютъ его попрежнему Вазой, хотя первое изъ этихъ названій было присвоено этому городу по ходатайству самихъ же финляндцевъ, въ царствованіе Императора Николая. Финляндское «правительство» добивалось даже, чтобы Финляндія имѣла свой національный морской флагъ, и едва не достигло своей цѣли; защищать же этотъ флагъ, въ случаѣ надобности, пришлось бы все той же русской силѣ, которой финляндцы обязаны всѣми своими благами и противъ которой такъ бравируютъ ихъ политики.

Все это впрочемъ дѣла минувшихъ лѣтъ, преимущественно шестидесятыхъ годовъ, когда внѣшнія проявленія финляндской ненависти къ Россіи выражались съ особою несдержанностью и грубостью. А вотъ нѣ-

которые изъ фактовъ послѣдняго времени, случайно огласившіеся въ нашей печати, благодаря самоувѣренной откровенности самихъ же финляндцевъ. Въ минувшемъ 1890 году, такая необходимая и нисколько не касавшаяся существа финляндскихъ привилегій мѣра, какъ Высочайшее повелѣніе объ объединеніи почтовой части въ Имперіи и В. Княжествѣ, вызвала дерзкіе протесты со стороны тамошнихъ чиновниковъ и яростныя статьи въ газетахъ противъ Россіи и ея правительства. Финляндскій сенатъ и его прокуроръ всячески задерживали приведеніе въ исполненіе этого повелѣнія и даже не опубликовали его въ церквахъ, какъ установлено въ Финляндіи закономъ поступать со всѣми правительственными распоряженіями, подлежащими всеобщему свѣдѣнію. Одна финляндская газета прямо призывала къ неповиновенію этому распоряженію Высочайшей власти, въ такихъ выраженіяхъ: «Мы повторяемъ и констатируемъ, что согласно съ духомъ и буквою *подтвержденнаго клятвою* закона: никакая отрасль управленія въ странѣ не можетъ быть подчинена правительственному учрежденію, находящемуся внѣ границъ страны, или сосредоточена въ немъ; никакія другія постановленія, регламенты и таксы для разныхъ отраслей управленія страны или инструкціи и указанія для подлежащихъ должностныхъ лицъ *не могутъ имѣть дѣйствующей силы*, кромѣ существующихъ нынѣ, съ тѣми измѣненіями въ нихъ, какія произведены въ формально-правильномъ

порядкѣ; въ тѣхъ законахъ и постановленіяхъ, которые регулируютъ разныя отрасли управленія страны, нельзя предоставлять никакого участія въ управленіи властямъ, находящимся внѣ границъ страны, *безъ согласія другой государственной власти»* (С.-Петерб. Вѣд. № 200 1890 г.). Въ этомъ открытомъ призывѣ къ неповиновенію распоряженію верховной власти финляндская газета только выражаетъ въ откровенной и категорической формѣ тѣ мысли, которыя много уже лѣтъ проводятся въ писаніяхъ финляндскихъ правительственныхъ лицъ, ученыхъ и журналистовъ, твердо усвоившихъ себѣ догматъ перваго министра статсъ-секретаря Финляндіи Ребиндера, что Русскій Императоръ лишь царствуетъ въ Финляндіи, но не управляетъ ею. Отсюда не далеко уже и до требованія, чтобы, на основаніи Формы правленія и Акта соединенія, русскій Государь присягалъ на вѣрность финляндской конституціи и не иначе могъ бы заключать союзы и мирные договоры, какъ съ согласія финляндскихъ «государственныхъ чиновъ», какъ обыкновенно называютъ тамъ сеймовыхъ депутатовъ. Впрочемъ финляндскіе писатели и газеты и такъ постоянно утверждаютъ, что Александръ I присягалъ финляндской конституціи въ Боргоской лютеранской церкви, при открытіи сейма 1809 г. Эта нелѣпая выдумка повторена и въ сейчасъ приведенной газетной статьѣ. Нѣкоторыя изъ доходившихъ въ прошедшемъ 1890 г. въ Петербургъ и Москву газетныхъ статей финляндской печати были

до такой степени дерзки, что не могли быть у насъ напечатаны даже въ извлеченіи. Но мы, русскіе, не знаемъ и сотой доли того, что пишется и творится противъ Россіи въ этой области русскаго государства.

Однимъ изъ послѣднихъ и самыхъ выдающихся свидѣтельствъ того, что финляндскіе политики считаютъ свою страну самостоятельнымъ государствомъ, не признающимъ русскихъ законовъ, и даже позволяютъ себѣ весьма своеобразно относиться къ авторитету русскаго Монарха, служитъ уголовное уложеніе В. Княжества 1890 года. Оно было составлено особою комиссіею подъ руководствомъ одного изъ сенаторовъ, пересмотрѣно и отчасти измѣнено финляндскимъ статсъ-секретаріатомъ, принято на сеймѣ 1888 года и представлено въ ноябрѣ 1889 г. министромъ статсъ-секретаремъ В. Княжества на утвержденіе Государя Императора; затѣмъ немедленно, по распоряженію сената, было опубликовано въ церквахъ, а введеніе его назначено на 20 декабря 1890 г. (1 января 1891 г.). Но когда это уложеніе было напечатано въ русскомъ переводѣ въ издающемся въ Гельсингфорсѣ Сборникѣ постановленій В. К. Финляндіи, то министръ юстиціи и главноуправляющій кодификаціоннымъ отдѣломъ при государственномъ совѣтѣ почли своею обязанностью доложить Государю Императору о тѣхъ затрудненіяхъ первостепенной важности, какія могутъ послѣдовать отъ введенія въ дѣйствіе финляндскаго уложенія въ томъ видѣ, какъ оно было опубликовано. Вслѣдствіе сего по-

слѣдовалъ Высочайшій манифестъ 1 декабря 1890 г. о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе сказаннаго уложенія и о внесеніи на предстоявшій сеймъ 1891 г. измѣненій, сдѣланныхъ въ немъ особымъ совѣщаніемъ, образованнымъ въ Петербургѣ по Высочайшему повелѣнію. Въ посвященной этому предмету статьѣ профессора Таганцева, предсѣдательствовавшаго въ подготовительной комиссіи по разсмотрѣнію финляндскаго уголовнаго уложенія, сдѣланъ подробный анализъ тѣхъ его статей, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ законами Имперіи и выражаютъ прямое непризнаніе принадлежности В. Княжества къ составу Русскаго государства. (Юрид. Лѣтопись, № 2 1891 г.). Финлядскіе сенаторы и юристы придумали свои собственные карательные законы на случай измѣны и посягательства на внѣшнюю безопасность Финляндіи, какъ будто эти преступленія могутъ существовать отдѣльно отъ измѣны Русскому Государю и посягательства на безопасность Россіи и какъ будто уроженцы Финляндіи должны въ этихъ случаяхъ имѣть привилегію подлежать инымъ, болѣе льготнымъ наказаніямъ, чѣмъ уроженцы остальныхъ частей Россіи. Зато въ уложеніи обойдены совершеннымъ молчаніемъ заговоръ на совершеніе измѣнническихъ дѣйствій противъ государства вообще и его правительства, равно какъ и шпіонство въ мирное время. Во многихъ статьяхъ, напр. о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, Россія прямо отнесена къ категоріи иностранныхъ государствъ. Въ

уголовныхъ дѣлахъ международнаго свойства уложеніе не признаетъ относящихся сюда законовъ Русскаго государства и договоровъ, заключенныхъ имъ на сей предметъ съ другими державами, а сама Россія приравнивается къ иностраннымъ государствамъ. Финляндецъ, учинившій государственное преступленіе или совершившій за границей (подъ этимъ словомъ преимущественно разумѣется Россія) убійство, поджогъ или другое тяжкое преступленіе противъ заграничнаго жителя (читай—противъ русскаго) и затѣмъ укрывшійся въ Финляндію, остается тамъ, по силѣ этого уложенія, безъ всякаго преслѣдованія, развѣ послѣдуетъ особое Высочайшее повелѣніе о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности. Процедура испрошенія такихъ Высочайшихъ повелѣній столь сложна, что сдѣланная относительно ихъ оговорка можетъ имѣть осуществленіе только въ рѣдкихъ и чрезвычайныхъ случаяхъ, что конечно и имѣлось въ виду составителями уложенія. Впрочемъ, при извѣстномъ, весьма очевидномъ настроеніи финляндскихъ юристовъ, можно ли и ожидать отъ тамошнихъ судовъ безпристрастнаго отношенія къ своимъ соотечественникамъ, совершившимъ преступленіе противу русскихъ, если бы даже эти преступленія и дошли до разсмотрѣнія суда? Финляндецъ, учинившій преступленіе хотя бы и въ Имперіи, но напримѣръ на финляндскомъ пароходѣ или на лайбѣ съ дровами, когда они прибыли въ Петербургъ, или нанесшій оскорбленіе русскому на Шу-

валовской или Петербургской станціи финляндской желѣзной дороги, долженъ быть, по уложенію, судимъ не въ Россіи и не по русскимъ законамъ, а въ Финляндіи по финляндскимъ законамъ. Такой экстерриторіальности относительно уголовной подсудности мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ законодательствѣ цивилизованныхъ странъ: всякій судится въ мѣстѣ совершенія преступленія. Исключеніе изъ этого правила дѣлается только для лицъ дипломатическаго корпуса, по весьма понятной причинѣ. Мало того, по финляндскому уложенію, даже русскій, имѣвшій столкновеніе съ финляндцемъ и нанесшій ему обиду дѣйствіемъ, положимъ, въ Петербургѣ на финляндскомъ пароходѣ или въ вокзалѣ финляндской желѣзной дороги, долженъ быть судимъ и наказанъ въ Финляндіи по финляндскимъ законамъ. Такимъ образомъ финляндскіе законодатели вовсе не признаютъ для себя обязательными русскихъ законовъ, въ которыхъ прямо сказано, что «дѣйствію постановленій уложенія о наказаніяхъ подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ россійскіе подданные, въ предѣлахъ государства» (ст. 168 улож. о нак.) и что «дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, совершенныхъ въ Имперіи жителями губерній Царства Польскаго и В. К. Финляндскаго, или въ сихъ краяхъ жителями Имперіи, производятся тамъ, гдѣ совершено преступное дѣяніе, и приговоръ постановляется по законамъ того края, гдѣ рѣшено дѣло, но при этомъ судебныя установленія принимаютъ въ соображеніе

права и преимущества, коими подсудимые пользуются въ своемъ краю» (ст. 216 устава угол. судопр.). Слѣдовательно финляндскіе законодатели не отвѣчаютъ даже обычною взаимностью той державѣ, отъ которой Финляндія получила всѣ свои привилегіи. Русскій уроженецъ можетъ быть вытребованъ въ Финляндію и подвергнутъ тамъ, по финляндскимъ законамъ, тѣлесному наказанію, хотя онъ, по русскимъ законамъ, не можетъ быть присуждаемъ къ такой карѣ. Финляндцы могли бы, на основаніи своего уголовнаго уложенія, примѣнить этотъ родъ наказаній даже къ русскому дворянину, такъ какъ на своей территоріи они не признаютъ за русскими никакихъ правъ, предоставленныхъ имъ нашими законами. За насиліе надъ членами Императорской фамиліи финляндское уложеніе опредѣляетъ только тюремное заключеніе (гл. XIII § 3), а за тягчайшія государственныя преступленія, какъ-то за покушеніе на жизнь Монарха—*условное лишеніе довѣрія* согражданъ, именно – финляндскій судъ можетъ признать, по своему усмотрѣнію, что «въ свойствахъ этого преступленія не заключается повода» лишить преступника довѣрія финляндцевъ (гл. XI § 6). Между тѣмъ, по § 1 главы XXI, убійца частнаго лица *безусловно* лишается довѣрія согражданъ. Надобно замѣтить, что ничего подобнаго приведеннымъ здѣсь постановленіямъ не заключалось въ прежнемъ уголовномъ законодательствѣ Финляндіи, изложенномъ въ Высочайше утвержденномъ уложеніи Швеціи 1734 г.

Тогда финляндцы не смѣли еще провозглашать свою страну отдѣльною державою, а Россію иностраннымъ государствомъ, законы котораго необязательны для Финляндіи. Кто-нибудь можетъ подумать, что эти удивительныя противорѣчія финляндскаго уголовнаго уложенія законамъ Имперіи объясняются просто незнаніемъ этихъ законовъ тамошними юристами, такъ какъ, почитая Россію иностранной державой и относясь къ ней свысока, они быть можетъ упразднили въ своемъ Гельсингфорскомъ университетѣ преподаваніе и государственнаго, и уголовнаго, и всякихъ другихъ правъ Русской Имперіи. Но и это объясненіе не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ случаѣ, ибо уложеніе составлялось, разсматривалось статсъ-секретаріатомъ и даже было уже однажды вносимо на сеймъ (въ 1885 г.) въ то время, когда министромъ статсъ-секретаремъ В. Княжества состоялъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Брунъ, занимавшій дотолѣ высокій постъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи и слѣдовательно близко знакомый съ русскими законами. Даже въ Германіи, хотя она составлена изъ совершенно независимыхъ и самостоятельныхъ государствъ, имѣющихъ свои царствующія династіи, первымъ законодательнымъ актомъ послѣ ея объединенія было изданіе единаго, общаго для всей Германской имперіи уголовнаго кодекса.

Финляндскія поползновенія, столь наглядно выразившіяся въ сказанномъ уголовномъ уложеніи, не представ-

ляють однако ничего новаго для тѣхъ, кто слѣдилъ за постепенными успѣхами финляндской системы. Это не есть даже увѣнчаніе этой системы: увѣнчаніе ожидается еще впереди. Изданіемъ уголовнаго уложенія финляндскіе руководители желали только сдѣлать новый, болѣе рѣшительный шагъ къ совершенному обособленію ихъ страны отъ Россіи, подготовить новую запасную мѣру на случай имѣющагося въ виду финляндскихъ руководителей окончательнаго отложенія Финляндіи отъ Россіи. Обращаетъ также на себя вниманіе замѣчательная небрежность офиціальнаго русскаго перевода уголовнаго уложенія и искаженіе смысла многихъ его статей. Между тѣмъ на Высочайшее утвержденіе подносится статсъ-секретаремъ именно русскій текстъ законовъ. Приводя примѣры этихъ искаженій, доходящихъ мѣстами до нелѣпостей и комизма, профессоръ Таганцевъ справедливо замѣчаетъ, что «на усмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора поднесенъ былъ текстъ закона, пригодный не для примѣненія въ судѣ, не для руководства гражданъ, а развѣ для сопоставленія съ разными курьезными по ихъ русскому языку надписями и объявленіями, встрѣчающимися за послѣднее время въ городахъ остзейскаго края».

Изъ примѣра уголовнаго уложенія видно, что, при нынѣшнемъ способѣ изданія законовъ для Финляндіи, интересы Россіи и достоинство верховной власти не имѣютъ достаточной охраны. Приведемъ по этому по-

воду изъ статьи профессора Таганцева слѣдующія строки. «Причину такого явленія нужно прежде всего искать въ какомъ-либо крупномъ недостаткѣ порядка составленія законопроектовъ В. Княжества. По существующимъ нынѣ правиламъ, проекты законовъ, предлагаемыхъ сейму по иниціативѣ Его Величества, вырабатываются въ особой постоянной комиссіи, состоящей при финляндскомъ сенатѣ. Окончательно таковые проекты изготовляются въ общемъ сената собраніи; затѣмъ проектъ обращается въ статсъ-секретаріатъ и представляется на разсмотрѣніе Государя Императора, отъ имени коего и предлагается сейму. Далѣе законопроектъ, предложенный сейму отъ имени Императора и В. Князя, а равно и проекты, выработанные по иниціативѣ сейма (послѣ закона 1886 г., предоставившаго сейму право непосредственнаго предложенія законовъ), если оные будутъ приняты сеймомъ, снова поступаютъ на разсмотрѣніе сената, а изъ него въ статсъ-секретаріатъ, и статсъ-секретаремъ подносятся на Высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ факторами, участвующими въ подготовленіи и обсужденіи законовъ, а потому и вліяющими на его содержаніе, являются: сенатъ, сеймъ и статсъ-секретаріатъ, а иногда комитетъ для финляндскихъ дѣлъ при статсъ-секретаріатѣ, образованный по закону 1857 г. для разсмотрѣнія дѣлъ, вносимыхъ на его обсужденіе по особому Высочайшему повелѣнію. При этомъ порядкѣ представительство интересовъ Финляндіи при изготов-

леніи законопроектовъ является вполнѣ обезпеченнымъ; но кто же изъ этихъ факторовъ можетъ охранять интересы Имперіи, если таковые затрогиваются такъ или иначе вновь вводимыми мѣстными узаконеніями? Сенатъ и сеймъ едва ли могутъ быть органами такой охраны, состоя исключительно изъ уроженцевъ края (очевидно и г. Таганцевъ признаетъ, что финляндскій генералъ-губернаторъ, хотя и считается предсѣдателемъ сената, но по незнанію шведскаго языка, на которомъ ведутся пренія и составляются протоколы сената, лишенъ матеріальной возможности оказывать въ сенатѣ поддержку государственнымъ интересамъ Россіи). Остается слѣдовательно статсъ-секретаріатъ. Онъ является какъ бы органомъ, связующимъ В. Княжество съ Имперіею; но однако и на него, по акту его учрежденія, не возложена, да при условіяхъ его устройства и не могла быть возложена обязанность охраны общегосударственныхъ интересовъ, въ случаѣ какого-либо столкновенія ихъ въ вопросахъ законодательства съ интересами края *). Правда, что законъ

*) Замѣтимъ однако, что если министръ статсъ-секретарь В. К. никогда не могъ считаться охранителемъ общегосударственныхъ законовъ Россіи и прерогативъ Монарха, то это происходитъ не потому, чтобы онъ былъ освобожденъ отъ этой обязанности самымъ актомъ, учредившимъ эту должность. На статсъ-секретарѣ, какъ на лицѣ, призванномъ довѣріемъ Государя докладывать ему о постановленіяхъ сената и сейма, этимъ самымъ лежитъ уже обязанность доводить до свѣдѣнія Его Величества о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ докладываемыхъ дѣлахъ будутъ нарушены общегосударственные законы и права Монарха. Если финляндцы смотрятъ

17 марта 1826 г., упразднившій комиссію финляндскихъ дѣлъ, не повторяетъ § 8-го закона 1811 г., по коему статсъ-секретарь долженъ былъ быть опредѣляемъ изъ урожденцевъ Финляндіи; но обыкновенно, со времени назначенія статсъ-секретаремъ графа Ребиндера, это условіе соблюдалось и послѣ 1826 года. Такимъ образомъ представляется настоятельно необходимою соотвѣтственная реформа въ этомъ отношеніи; необходимо созданіе такого порядка предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, при которомъ бы, въ силу закона, могли принимать участіе соотвѣтственныя учрежденія Имперіи. Но такое преобразованіе, чтобы быть прочнымъ и имѣть подъ собою твердую почву, требуетъ, казалось бы, прежде всего выясненія и опредѣленія въ законѣ основъ государственнаго отношенія Россійской Имперіи и В. Княжества. Думается, что нынѣ окончательно настало время сдѣлать провѣренный сводъ государственныхъ постановленій В. Княжества, какъ унаслѣдованныхъ еще изъ шведскихъ законодательныхъ актовъ, такъ и установленныхъ позднѣйшими узаконеніями безсеймовой эпохи (1809 — 1863 гг.) и настоящаго времени; что необходимо опредѣлительно выяснить, какія изъ этихъ постановленій сохраняютъ свою силу,

---

на министра статсъ-секретаря какъ на посланника „Финляндскаго государства“ при дворѣ союзной державы, то такая роль сего лица, если даже она и оправдывается на дѣлѣ, не установлена никакимъ закономъ.

какія утратили таковую въ силу акта присоединенія Финляндіи къ Россіи и включенія ея въ составъ государства Россійскаго. Настоятельность этой кодификаціи вызывается необходимостью разсѣять тотъ туманъ, который все гуще и гуще окутываетъ событія эпохи присоединенія Финляндіи, угрожая изгладить ихъ характеристическіе признаки» (стр. 132—135).

Но именно разсѣянія этого тумана и не желаютъ финляндцы, ибо ему-то преимущественно и обязаны они достигнутыми ими успѣхами въ обособленіи себя отъ Россіи и на него-то возлагаютъ дальнѣйшія свои надежды на этомъ пути. Нынѣшнимъ финляндскимъ руководителямъ, именно тамошнимъ чиновникамъ высшаго ранга, профессорамъ и журналистамъ, слишкомъ мало дарованныхъ Финляндіи привилегій: имъ хотѣлось бы, оставивъ до поры до времени только номинальное признаніе надъ Финляндіей власти Русскаго Императора, обратить на дѣлѣ эту власть въ призракъ, въ одинъ звукъ, а истинною верховною властію въ странѣ сдѣлать самихъ себя, и затѣмъ, въ благопріятную минуту, вовсе отложиться отъ Россіи и возсоединиться съ Швеціей, или же образовать независимое государство, само собою разумѣется—дружественное со Швеціей и враждебное Россіи. Въ концѣ прошлаго царствованія они мнили уже себя не далеко отъ достиженія этой цѣли, расчитывая, что быть можетъ на помощь къ нимъ придетъ внезапная и неудачная для Россіи война на ея балтійскомъ при-

брежьи. Не даромъ же, еще въ 1865 году, не только въ частныхъ домахъ, но и въ публичныхъ мѣстахъ въ Гельсингфорсѣ выставлялись портреты шведскаго короля Оскара, предполагаемаго финляндцами мстителя Россіи за погромъ 1809 года. Всѣмъ русскимъ, жившимъ въ Финляндіи во время войны Россіи съ европейской коалиціей 1854—1856 г., было извѣстно, что уже въ то время тамошнія газеты, заодно со шведскими, злорадствовали каждой неудачѣ русскаго оружія и распускали тревожные и преувеличенные слухи о побѣдахъ нашихъ враговъ.

Финляндскіе руководители, собравъ какъ то, что дѣйствительно дано Финляндіи Александромъ I, такъ еще болѣе то, чего онъ и не думалъ ей давать и что составляетъ плодъ собственныхъ измышленій финляндскихъ политиковъ, и раздувъ все это произвольными толкованіями и распространеніями, создаютъ изъ этой фикціи собственнаго воображенія неприступный палладіумъ финляндской внѣгосударственности, къ которому, по ихъ утвержденію, не смѣетъ прикасаться никто изъ преемниковъ Александра I. Они зорко смотрятъ за тѣмъ, чтобы туманъ, окутывающій финляндскую систему, нигдѣ не былъ прорванъ какою-нибудь дерзновенною русскою рукой. Когда, съ конца 50-хъ годовъ, въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ стали появляться корреспонденціи изъ Финляндіи, приподнимавшія немного завѣсу, скрывавшую отъ насъ эту таинствен-

ную страну, то финляндскими властями тотчасъ же были приняты соотвѣтственныя мѣры для прекращенія этихъ, столь нежелательныхъ для нихъ разоблаченій. По цензурному вѣдомству, въ ноябрѣ 1861 года, было издано распоряженіе бывшаго главнаго управленія цензуры такого содержанія: «Дѣйствующими въ Финляндіи постановленіями цензурѣ вмѣнено въ обязанность предупреждать, чтобъ въ газетахъ и другихъ сочиненіяхъ не публиковались ложныя и ведущія въ заблужденіе статьи о дѣйствіяхъ правительства, каковую обязанность *мѣстные цензоры исполняютъ вообще удовлетворительно*. Встрѣчая въ Финляндіи затрудненіе въ обнародованіи неосновательныхъ сужденій о *правительственныхъ мѣрахъ*, сочинители подобнаго рода статей стали въ послѣднее время печатать ихъ внѣ В. Княжества. Такимъ образомъ посылаются изъ Финляндіи къ редакціямъ выходящихъ въ Петербургѣ газетъ статьи, въ томъ предположеніи, что здѣшняя цензура, которой неизвѣстна вѣрность приведенныхъ фактовъ, ихъ пропуститъ, а затѣмъ сіи статьи перепечатываются въ финляндскихъ газетахъ. Для введенія необходимой правильности въ этомъ дѣлѣ, главное управленіе цензуры, вслѣдствіе отношенія по сему предмету, съ Высочайшаго разрѣшенія, генералъ-губернатора В. Княжества Финляндскаго, покорнѣйше проситъ предсѣдателя такого-то цензурнаго комитета сдѣлать распоряженіе, чтобы статьи о Финляндіи не иначе допускались къ печати, какъ *по*

предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ» (Сборникъ Постан. и распор. по ценз., Спб. 1862 г., стр. 464). Это одно изъ тѣхъ административныхъ распоряженій, которыя надобно читать въ обратномъ смыслѣ, чтобы понять ихъ цѣль и значеніе. Въ какой мѣрѣ удовлетворительно исполняютъ финляндскіе цензора свои обязанности даже въ настоящее время (не говоря уже про пятидесятые года), о томъ можно судить по тѣмъ дерзкимъ выходкамъ тамошнихъ газетъ противъ верховной власти, которыя случайно доходили въ Петербургъ и иногда, въ смягченномъ видѣ, были приводимы нашими газетами.

Къ тѣмъ русскимъ, въ которыхъ финляндцы видятъ помѣху своимъ планамъ, они проявляютъ всю мстительность, къ какой только способна финская натура, и преслѣдуютъ ихъ явными, а еще болѣе тайными путями. Въ шестидесятыхъ годахъ финляндскіе администраторы и литераты не могли равнодушно произносить имени графа Берга, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, за то, что онъ, насколько отъ него зависѣло, поддерживалъ достоинство русской власти и обуздывалъ иногда крайнія проявленія финляндской ненависти къ русскимъ. Еще съ большею ненавистью вспоминали они про графа Закревскаго, бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ въ царствованіе Императора Николая. Теперь предметомъ преслѣдованій со сто-

ропы финляндцевъ служатъ тѣ русскіе писатели, которые стараются разъяснить столь ловко запутанный финляндцами вопросъ объ отношеніяхъ Финляндіи къ русской власти. Такъ г. Мехелинъ, въ своей брошюрѣ «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи?», приведя изъ Московскихъ Вѣдомостей то мѣсто, гдѣ говорится, что сеймъ 1888 года своимъ постановленіемъ о налогѣ на табакъ нарушилъ интересы русской промышленности, восклицаетъ: «всѣ разсужденія этой газеты заключаютъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ оскорбленіе верховной власти, отъ которой зависитъ утверждать или не утверждать рѣшенія сейма» (стр. 17). Гельсингфорскій профессоръ Даніельсонъ, въ своей брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою», посвященной полемикѣ противъ книги г. Ордина, которая всполошила всю финляндскую бюрократію и журналистику, выражается, что онъ «съ чувствомъ глубокаго отвращенія приступаетъ къ опроверженію софизмовъ, при помощи которыхъ г. Ординъ желаетъ лишить обѣщанія Государя Александра I всякаго значенія» (тоесть выдуманныя финляндцами обѣщанія сохранить въ дѣйствіи шведскіе законы 1772 и 1789 гг.). Затѣмъ, осыпая г. Ордина на каждомъ шагу бранью и клеветами, г. Даніельсонъ доходитъ до того, что говоритъ:» Г. Ординъ разсуждаетъ: если Александръ I утвердилъ конституцію Финляндіи, то онъ нарушилъ присягу, принесенную имъ при коронованіи, другими словами, если онъ сдѣлалъ

то, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, то онъ клятвопреступникъ. Но мало того, всѣ преемники Александра I, Императоры Николай, Александръ II и Александръ III утверждали конституцію Финляндіи; слѣдовательно обвиненіе г. Ордина относится и къ нимъ. Но, къ счастію автора, спасеніемъ его является условное «если». Разумѣется, иначе г. гофмейстеръ могъ бы попасть подъ судъ за оскорбленіе Величества. И подобное сочиненіе Императорская академія наукъ удостоила преміи!» (стр. 131 — 132). Эти ужаснѣйшія обвиненія взводятся на г. Ордина и даже на нашу академію наукъ за то, что этотъ въ высокой степени добросовѣстный и скромный изслѣдователь финляндской исторіи, доказавъ, что Александръ I никогда не помышлялъ утверждать для Финляндіи шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг., говоритъ совершенно справедливо: «Утвержденіе шведской конституціи для этой страны поставило бы Императора Александра не только въ противорѣчіе съ его священнымъ долгомъ относительно Россіи, долгомъ, торжественно признаннымъ передъ лицемъ Божіимъ при короновапіи на царство, но и прямо во враждебное къ ней положеніе. Мало того, утвержденія шведской конституціи (1772 и 1789 г.) не только не было, но о ней даже и не позволялось разсуждать, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго» (Пок. Ф. II, 337—338). Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры профессоръ Даніельсонъ объясняетъ сочувствіе, съ какимъ встрѣчена бы-

ла въ Россіи книга г. Ордина, «расовою ненавистью русскихъ къ самому отдаленнѣйшему намеку на народную свободу и конституціонныя формы» (стр. 14). Вотъ какихъ оппонентовъ съ финляндской стороны долженъ ожидать каждый русскій изслѣдователь, поставившій себѣ цѣлью фактическое и документальное разъясненіе финляндскаго вопроса. Если не находится у этихъ оппонентовъ равносильныхъ аргументовъ для опроверженія непріятныхъ для нихъ фактовъ, то они думаютъ затемнить истину бранью, клеветой, доносами на русскихъ авторовъ и оскорбленіемъ русскаго народнаго чувства. Они то приписываютъ русскому народу анархическія свойства, то, чрезъ нѣсколько строкъ, бросаютъ ему въ лицо обвиненіе въ расовой ненависти ко всякой свободѣ. Эту клевету они взводятъ на тотъ народъ, гдѣ освобожденіе 20-ти милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ совершилось какъ бы чудодѣйственною силой, при содѣйствіи самого же дворянства, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ подобныя реформы происходили съ большимъ трудомъ и въ теченіе долгихъ періодовъ, а въ Финляндіи положеніе 584,000 душъ безземельныхъ батраковъ (29% сельскаго населенія) было, до 1866 года, во много разъ хуже положенія всякихъ крѣпостныхъ крестьянъ, да и теперь немного лишь улучшено. Они свободны только въ томъ смыслѣ, что не прикрѣплены къ землѣ, которой у нихъ нѣтъ и арендовать которую они не имѣютъ средствъ. Брошю-

ра г. Мехелина разсылалась подъ бандеролью ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ, а книжка г. Даніельсона усиленно навязывалась на станціяхъ русскимъ, проѣзжающимъ по финляндской желѣзной дорогѣ. Если въ русскомъ сочиненіи или статьѣ о Финляндіи попадется нѣсколько мелкихъ ошибокъ, неизбѣжныхъ при той таинственности, которою прикрыто для насъ все, совершающееся въ этой провинціи, то онѣ съ шумомъ выставляются финляндскими возражателями, какъ доказательство невѣжества русскихъ авторовъ и лживости всего ими сообщаемаго. Для недопущенія русскихъ, живущихъ въ Финляндіи, сообщать оттуда свѣдѣнія въ столичныя повременныя изданія, тамъ, въ шестидесятыхъ годахъ, существовалъ обычай тщательно вскрывать русскія письма, возбуждающія подозрѣніе, и уничтожать ихъ, если подозрѣніе подтверждалось, а авторовъ такихъ писемъ стараться тѣмъ или другимъ способомъ выживать изъ Финляндіи.

Зато финляндцы не знаютъ предѣла въ лести и угодничествѣ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ они надѣются найти поддержку или, по крайней мѣрѣ, послабленіе своей системѣ. Документы, приводимые въ книгѣ г. Ордина, не сохранили конечно слѣдовъ того, цѣловали ли руки у Сперанскаго и Аракчеева всѣ эти Маннергеймы, Де-Гееры, Ребиндеры и пр., величавшіе Сперанскаго титуломъ «Mon Seigneur»; но русскіе, служившіе въ Гельсингфорсѣ, съ удивленіемъ разска-

зываютъ, что дѣвицы и дамы тамошняго высшаго круга подобострастно цѣлуютъ руки у женъ русскихъ высокопоставленныхъ лицъ. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что нынѣшніе финляндцы твердо идутъ по пути, указанному имъ первыми основателями финляндской системы, которые, дѣйствуя съ большимъ тактомъ, съ отличнымъ знаніемъ той почвы, на которой приходилось имъ трудиться, дѣлали изъ русскихъ государственныхъ людей преданнѣйшихъ себѣ помощниковъ и усердныхъ проводителей финляндской системы.

Однимъ изъ средствъ для совершеннаго изолированія Финляндіи отъ Россіи и для сокрытія отъ русскаго правительства и общества финляндской системы служило для финляндцевъ недопущеніе русскихъ селиться въ этой странѣ. До нынѣшняго 1891 года русскіе, если они не принадлежали къ дворянскому сословію или не были записаны въ число финляндскихъ гражданъ, были вовсе лишены права пріобрѣтать въ Финляндіи какую бы то ни было недвижимую собственность. Это распоряженіе было уничтожено по Высочайшему повелѣнію только въ нынѣшнемъ 1891 г.; но финляндская администрація имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ способы затруднить для русскихъ недворянскаго званія пользованіе дарованнымъ имъ теперь правомъ пріобрѣтать въ Финляндіи недвижимую собственность, какъ она дѣлала это доселѣ по отношенію къ русскимъ дворянамъ. Для пріобрѣтенія имѣній отъ рус-

скихъ помѣщиковъ, наслѣдовавшихъ ихъ отъ своихъ предковъ, которые владѣли тамъ поземельною собственностью еще со временъ Петра, Елисаветы и Екатерины, въ Финляндіи былъ образованъ даже особый денежный фондъ, изъ котораго выплачивалось за эти имѣнія дороже существовавшихъ тамъ цѣнъ на землю.

Въ Пруссіи мы видимъ нѣчто совершенно противоположное этому факту. Тамъ не только никогда не было мыслимо запрещеніе нѣмцамъ пріобрѣтать недвижимую собственность въ Познани, но само королевское правительство составило денежный фондъ для воспособленія пруссакамъ, пріобрѣтающимъ имѣнія отъ польскихъ помѣщиковъ. Теперь большая часть познанскихъ имѣній перешла уже въ нѣмецкія руки. У насъ же, въ то самое время, когда русскимъ людямъ не дозволялось пріобрѣтать недвижимую собственность въ Финляндіи, тоесть въ чертѣ Русскаго государства, все пограничное съ Пруссіей пространство невозбранно заселялось массами прусскихъ подданныхъ, образовавшихъ изъ себя какъ бы авангардъ на случай будущаго прусскаго вторженія въ наши предѣлы. Этотъ фактъ, совершавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ мѣстныхъ властей, обнаруженъ только благодаря указаніямъ нашей печати. Не смотря однако на всѣ, иногда весьма суровыя мѣры, принимавшіяся прусскимъ правительствомъ для полнѣйшей германизаціи Познани, доходившія даже до запрещенія польскимъ учителямъ и учительницамъ вести до-

машнее обученіе на родномъ польскомъ языкѣ, каждому, кто посѣщалъ эту страну или имѣлъ случай бесѣдовать съ тамошними поляками, извѣстно, что тамъ не существуетъ теперь никакихъ враждебныхъ проявленій противъ прусской власти и пруссаковъ, и нѣтъ и помина о воскрешеніи Рѣчи Посполитой «отъ моря и до моря»... Объясняется это тѣмъ, что познанскіе поляки убѣдились долговременнымъ опытомъ въ послѣдовательности и непреклонности прусской правительственной системы. Они знаютъ, что кто бы ни стоялъ во главѣ министерства, Бисмаркъ ли, Каприви ли, или кто иной, кому бы ни былъ ввѣренъ постъ оберъ-президента Познани, система правительства останется одна и та же. Это постоянство правительственной системы заставляетъ познанскихъ поляковъ волей-неволей примиряться съ своимъ положеніемъ и смотрѣть на всякія противугосударственныя попытки, какъ на химерическія затѣи, долженствующія только ухудшить ихъ положеніе.

VII.

Изъ всѣхъ изложенныхъ здѣсь фактовъ довольно ясно опредѣляется система, принятая финляндскими политиками относительно Россіи, система, основанная еще первыми финляндскими дѣятелями 1808 и 1809 гг. и съ тѣхъ поръ неуклонно поддерживаемая до настоящей минуты. Цѣль этой системы возможное ограниче-

ніе власти русскихъ монарховъ надъ Финляндіей и полное разъединеніе ея съ Россіей. Для достиженія этой цѣли служили и служатъ слѣдующія средства. 1) Безусловно отстранять всѣ русскіе правительственные органы отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Финляндіи, дабы лишить верховную власть возможности имѣть объ этой провинціи вѣрныя свѣдѣнія и принимать относительно ея мѣры, указываемыя общими пользами русскаго государства. 2) Высшее учрежденіе, завѣдующее дѣлами Финляндіи, имѣть непремѣнно въ самой Финляндіи, а не въ столицѣ Имперіи, дабы предотвратить возможность нежелательнаго вмѣшательства въ дѣла или близкаго надзора со стороны государственной власти. 3) Единственнымъ докладчикомъ и совѣтодателемъ при русскихъ Государяхъ имѣть своего шведо-финляндца, на котораго и воздѣйствовать, въ случаѣ надобности, всею силою сословнаго мнѣнія мѣстной шведо-финляндской бюрократіи, дабы онъ ни на шагъ не уклонялся отъ предначертанной системы. 4) Пользуясь тѣмъ, что назначаемые въ Финляндію генералъ-губернаторы, по незнакомству ихъ съ мѣстными нарѣчіями, лишены матеріальной возможности имѣть точныя свѣдѣнія о ходѣ тамошнихъ дѣлъ, укрывать отъ нихъ истинный смыслъ дѣйствій тамошней бюрократіи и содержаніе враждебныхъ Россіи книгъ и статей шведо-финской печати, располагая въ то же время этихъ сановниковъ въ свою пользу личными вліяніями мѣстной аристократіи; въ

*

случаѣ же какого-либо противодѣйствія финляндской системѣ со стороны генералъ-губернатора, компрометировать его въ Петербургѣ и добиваться его удаленія (такъ именно и было поступлено въ прошедшее царствованіе съ генераломъ Рокасовскимъ, когда тотъ, долго подчиняясь давленію финляндской системы, рѣшился наконецъ представить Императору Александру II докладъ, противорѣчившій тому, чего добивались сенатъ и финляндскій статсъ-секретарь графъ Армфельтъ). 5) Настаивать на утвержденіи, будто бы Императоръ Александръ I гарантировалъ Финляндіи сохраненіе шведскихъ законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г., такъ какъ эти законы, по ихъ духу, равно какъ и по своей неясности и отрывочности*), представляютъ самый удобный матеріалъ для какихъ угодно выводовъ въ смыслѣ ограниченія верховной власти въ пользу шведо-финляндской бюрократіи. 6) Въ виду однако того, что ни въ одномъ изъ документовъ эпохи Александра I нѣтъ доказательствъ, чтобы этотъ Государь утвердилъ для Финляндіи шведскіе законы 1772 и 1789 гг., стараться въ законодательныхъ и административныхъ актахъ, подносимыхъ на подписаніе Государей, дѣлать ссылки на эти законы, дабы, на основаніи этихъ частныхъ ссылокъ, имѣть потомъ

*) Даже шведо-финляндскіе юристы затрудняются во многихъ случаяхъ въ истолкованіи и приведеніи въ согласіе этихъ двухъ законодательствъ (см. статью гельсингфорскаго профессора Германсона въ № 6 Вѣстн. Евр. 1890 г., стр. 781—786).

поводъ утверждать, что законы эти въ цѣломъ ихъ составѣ признаны русскими Государями. 7) При всякой попыткѣ русскаго правительства принять относительно Финляндіи какую-либо мѣру, вызываемую общими пользами государства, но несогласную съ системою финляндскаго сепаратизма, отвѣчать: «нельзя, противно шведской конституціи 1772 и 1789 г.», повторяя извѣстный завѣтъ Ребиндера-отца: «principiis obstat». 8) Для лучшаго сокрытія отъ глазъ русскаго правительства финляндскихъ порядковъ, не допускать русскаго языка въ законодательствѣ и дѣлопроизводствѣ Финляндіи и крѣпко держаться за шведскій языкъ, никому въ Россіи неизвѣстный. 9) Употреблять всѣ средства для преграждевія русской литературѣ возможности раскрывать истинное положеніе дѣлъ въ Финляндіи. Для этой цѣли вызывать противъ статей этого рода репрессивныя или ограничительныя мѣры со стороны русскаго правительства, а на ихъ авторовъ набрасывать, явными и тайными путями, тѣнь политической неблагонадежности. Если же не помогаютъ извѣты въ политической неблагонадежности, то клеймить авторовъ и даже всю читающую русскую публику обвиненіемъ въ ненависти ко всякой народной свободѣ. Для той же цѣли сокрытія отъ глазъ русскаго правительства и общества истиннаго положенія дѣлъ въ Финляндіи, каждое русское сочиненіе или статью, которыя могутъ повредить этой цѣли, провозглашать ложью и клеветой, сочиняя противу нихъ

брошюры на русскомъ языкѣ или посылая возраженія въ дружественныя финляндцамъ русскіе журналы и газеты и имѣя для той же цѣли наемныхъ адвокатовъ въ русской періодической печати. 10) Чтобы упрочить совершенное разъединеніе Финляндіи отъ Россіи и вѣрнѣе обезпечить непроницаемость финляндской системы для русскаго правительства и общества, не допускать русскихъ пріобрѣтать недвижимую собственность въ Финляндіи, а тѣхъ, которые издавна уже владѣютъ тамъ имѣніями или имѣли неосторожность пріобрѣсть участки для лѣтнихъ дачъ, выживать оттуда всякаго рода притѣсненіями.

Мы видимъ, что главная сила финляндской системы заключалась въ неизвѣстности для русскаго правительства или въ невѣрномъ съ его стороны представленіи истиннаго положенія дѣлъ въ этой странѣ и сокровенныхъ цѣлей тамошней бюрократіи. Для финляндскихъ политиковъ все было ясно и впередъ разсчитано; для насъ все оставалось темно или представлялось въ ложномъ свѣтѣ. Но какъ скоро финляндская система узнана и раскрыта, то чрезъ это самое найдены и средства ей противодѣйствовать и достигнуть со временемъ политическаго и административнаго скрѣпленія этой провинціи съ остальнымъ государствомъ. При врожденномъ упрямствѣ финляндцевъ и при ихъ самоувѣренной дерзости, воспитанной долгими годами безпрепятственнаго проведенія ихъ системы и безнаказаннаго преслѣдованія русскихъ, отъ

господствующей тамъ шведской партіи надобно на первыхъ порахъ ожидать сопротивленія объединительнымъ мѣрамъ правительства, клеветы, угрозъ и тому подобнаго. Пасторы, имѣющіе тамъ огромное вліяніе на народъ и дѣйствовавшіе всегда заодно съ дворянствомъ, будутъ вѣроятно и теперь на одной сторонѣ съ мѣстной бюрократіей. Бывшій сенаторъ Мехелинъ, въ своей, упомянутой выше брошюрѣ, завѣдомо извращая факты, говоритъ, будто бы у насъ требуютъ такого объединенія Финляндіи съ Россіей, при которомъ финляндская національность была бы стерта и замѣнена русскою («береза превратилась бы въ сосну»), и грозитъ, что если финляндскія *государственныя* учрежденія будутъ съ этою цѣлію искажены или уничтожены, то финляндскій народъ будетъ доведенъ до отчаянія этимъ дѣломъ разрушенія, которое не доставитъ Россіи ни выгодъ, ни могущества, ни уваженія (стр. 55—56). Между тѣмъ автору отлично извѣстно, что въ Россіи никто и никогда не высказывалъ мысли не только объ уничтоженіи финской національности, но и о безусловномъ уравненіи тамошнихъ мѣстныхъ законовъ и учрежденій съ русскими. Выражалось лишь мнѣніе, что русская государственная власть обезсилена и унижена въ Финляндіи, а русскіе люди систематически тамъ преслѣдуются и оскорбляются. Если финляндскіе администраторы и писатели, даже въ книжкахъ, сочиняемыхъ ими для русской публики, рѣшаются до такой степени извращать истину, то можно

себѣ представить, что пишется и внушается ими своимъ финляндскимъ соотечественникамъ противу русскихъ и нашего правительства и къ какимъ клеветамъ и обвиненіямъ готовы они будутъ прибѣгнуть при малѣйшей попыткѣ правительства обуздать крайнія излишества финляндской политической системы и дерзость тамошнихъ газетчиковъ, студентовъ и бюргеровъ. Хотя примѣръ Польши и Прибалтійскихъ губерній доказалъ намъ, что искоренять противогосударственныя стремленія несравненно труднѣе, чѣмъ мирволить ихъ зарожденію и разростанію, но тотъ же примѣръ доказываетъ, что если правительство дѣйствуетъ съ нѣкоторою твердостію, сознаніемъ своего права и постоянствомъ, то побѣда всегда остается на его сторонѣ.

Русское образованное общество отъ души желаетъ финляндцамъ сохраненія національныхъ особенностей въ ихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и законахъ, процвѣтанія ихъ родной финской литературы и достиженія всевозможныхъ благъ цивилизаціи; но русскіе никогда не примирятся съ мыслію, что, въ полуторачасовомъ разстояніи отъ русской столицы, они попадаютъ въ страну, почитаемую въ Европѣ провинціей Россіи, но гдѣ они на каждомъ шагу видятъ умышленныя и вызывательныя выраженія ненависти къ русской государственной власти и подвергаются такимъ преслѣдованіямъ и отказу въ правосудіи, какихъ имъ не приходится испытывать ни въ какой другой странѣ циви-

лизованнаго міра. Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II, открывая лично въ 1863 году финляндскій сеймъ, послѣ пятидесяти-четырехлѣтняго его упраздненія, заключилъ свою рѣчь такими словами: «C'est à vous, représentants du grand Duché, à prouver, par la dignité, la modération et le calme de vos discussions, qu'entre les mains d'un peuple sage, décidé à travailler, d'accord avec le Souverain, dans un esprit pratique au développement de son bien-être, les institutions liberales, loin d'être un danger, deviennent une garantie d'ordre et de prospérité». Спрашиваемъ у каждаго безпристрастнаго читателя, русскаго или иноземца, оправдали ли финляндцы, или, вѣрнѣе сказать —господствующая тамъ шведская партія эти великодушныя слова незабвеннаго для насъ, русскихъ, Монарха? Не на томъ ли же самомъ сеймѣ пыталась эта партія изгнать изъ своей среды прирожденныхъ финляндскихъ дворянъ только за то, что они состояли на русской государственной службѣ? Не обратила ли она дарованныхъ Финляндіи либеральныхъ учрежденій въ орудіе противу той самой власти, которая ихъ даровала, какъ это доказываетъ вся финляндская политическая печать и какъ это же доказало съ такою очевидностью составленное финляндскимъ сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ уголовное уложеніе 1890 года?

VIII.

Одного уже политическаго отчужденія Финляндіи отъ Россіи, созданнаго всѣми изложенными здѣсь причинами, достаточно было бы для того, чтобъ поселить въ умахъ финляндцевъ преувеличенное мнѣніе о ихъ значеніи и дать поводъ къ попыткамъ сбросить съ себя въ дѣлахъ внутренняго управленія и послѣдніе слѣды зависимости отъ русской власти. Но, помимо политическаго отчужденія, судьбѣ угодно было, чтобъ русскіе Монархи надѣлили финляндцевъ такими матеріальными благами на счетъ Россіи, какія не выпадали на долю ни одного завоеваннаго народа въ мірѣ. Финляндія оказалась въ положеніи какого-то избалованнаго барскаго пріемыша неизвѣстнаго происхожденія, котораго должны были лелѣять и ублаготворять на свой счетъ прирожденные домочадцы, работники и защитники русской земли. Началось съ того, что въ то самое время, когда геройскія русскія войска, перешедшія Ботническій заливъ, голодали на шведскомъ берегу, а финское населеніе упорно противодѣйствовало снабженію ихъ продовольствіемъ, вытребованная въ Петербургъ финляндская депутація стала осаждать Александра мольбами о помощи Финляндіи, разоренной бѣдствіями войны. При этомъ просители осмѣливались даже придавать просимой ими помощи значеніе вознагражденія жителямъ за причиненныя

имъ русскими войсками разоренія, то есть за тѣ военныя репрессаліи, которыя, по неизбѣжному праву войны, были принимаемы противъ финновъ въ возмездіе за вредъ, наносившійся ими русскому войску, и за неистовства, совершавшіяся ими надъ захваченными въ плѣнъ русскими воинами. По повелѣнію Александра, финляндцамъ были выданы огромныя по тому времени денежныя пособія и сверхъ того, для обезпеченія ихъ отъ голода, были доставлены изнутри Россіи запасы хлѣба и соли, которые было велѣно продавать по указной, весьма низкой цѣнѣ (Нок. Ф. I, 260—265). Въ то же самое время повелѣно было отпустить 100.000 рублей на угощеніе въ Борго сеймовыхъ депутатовъ, вчерашнихъ заклятыхъ враговъ Россіи, тогда какъ, по ихъ привычкамъ и образу жизни, имъ и въ 5.000 руб. угощеніе показалось бы неслыханной роскошью. Императоръ повелѣлъ объявить сейму, что онъ не желаетъ никакого отчисленія изъ финляндскихъ суммъ въ бюджетъ Императорскаго Двора. Затѣмъ полились на Финляндію обильныя щедроты изъ русской казны. Указомъ 10 января 1810 г. повелѣно всѣ выдачи и расходы по новой Финляндіи заимствовать изъ государственнаго казначейства до окончательнаго разсчета; но когда въ 1811 г. министръ финансовъ Гурьевъ потребовалъ высылки въ государственное казначейство остатковъ изъ доходовъ Финляндіи для покрытія сказанныхъ позаимствованій, то таковыхъ остатковъ оказалось за три года (1808 — 1810)

только 16.548 руб. Этою суммою и были покрыты миллiонныя *заимообразныя* выдачи изъ русской казны. Гельсингфорскiй университетъ, ставшiй потомъ главнымъ очагомъ ненависти ко всему русскому, весь созданъ на русскiя деньги, и притомъ съ такою роскошью, съ такимъ обилiемъ каѳедръ и учебныхъ пособiй, которыя вовсе не соотвѣтствовали потребностямъ этой бѣдной страны, гдѣ образованный классъ составляетъ ничтожную по численности кучку людей, незамѣтную въ массѣ крестьянства и мѣщанъ. Когда наше правительство своими щедротами искусственно создавало изъ тамошнихъ мѣщанъ и мужиковъ классъ литератовъ и чиновниковъ, въ самой Россiи чувствовался величайшiй недостатокъ въ учебныхъ заведенiяхъ, а тѣ немногiя, которыя существовали, какъ-то: семинарiи, только-что учрежденныя гимназiи и уѣздныя училища, терпѣли во всемъ крайнiй недостатокъ и ихъ учителя получали самые убогiе оклады. Для основанiя финляндскаго банка и для постройки первыхъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ были отпущены изъ русскаго казначейства капиталы по 4 %, тогда какъ сама Россiя платила въ то время своимъ заимодавцамъ значительно дороже. При столь частыхъ въ Финляндiи голодахъ, туда слалась обильная помощь изъ Россiи, какъ изъ казны, такъ и въ видѣ частныхъ пожертвованiй. Пользуясь всѣми выгодами принадлежности къ великому государству, Финляндiя не несла ни одной изъ тягостей, падающихъ на всѣхъ

другихъ русскихъ подданныхъ. Въ то время, какъ ея территорія и ея торговый флотъ находятся подъ защитой авторитета и военной силы Россіи, она не платитъ никакихъ налоговъ въ государственную русскую казну и не участвовала въ войнахъ, веденныхъ Россіей съ непріятелями. Финляндія, со времени присоединенія ея къ Россіи, забыла даже, что такое война. За весь этотъ тяжелый для Россіи восмидесятилѣтній періодъ, только въ послѣднюю турецкую войну былъ вытребованъ на театръ военныхъ дѣйствій одинъ финскій стрѣлковый баталіонъ. Финляндія не несетъ также никакихъ издержекъ по устройству и содержанію крѣпостей и военнаго флота.

Императоръ Александръ I освободилъ Финляндію отъ рекрутскаго набора, которому подлежали тогда всѣ податные классы остальныхъ частей Россіи, и оставилъ въ ней лишь поселенное войско, существовавшее при шведскомъ господствѣ и комплектовавшееся посредствомъ добровольной вербовки. Однако, въ виду испытанныхъ Финляндіей разореній, сборъ этого войска былъ отсроченъ и эта отсрочка продолжалась потомъ вплоть до 1854 года; на счетъ Финляндіи содержался только, съ 1829 года, одинъ стрѣлковый баталіонъ. Съ 1879 года въ Финляндіи введена общая воинская повинность (закономъ 6 декабря 1878 г.) и содержится 9 баталіоновъ постояннаго войска, т. е. около 5.000 человѣкъ, и 19.000 запасныхъ, собираемыхъ ежегодно на

3 мѣсяца для воинскихъ упражненій (Méchél. Précis du droit). Это войско есть чисто національное, составленное изъ однихъ финляндцевъ, командуемое финляндскими офицерами и невыводимое для военныхъ дѣйствій изъ предѣловъ Финляндіи, однимъ словомъ войско, рѣзко обособленное отъ русской арміи, какъ сама Финляндія рѣзко обособлена отъ Россіи. Трудно даже понять, въ виду какого непріятеля дано оно Финляндіи, ибо несомнѣнно, что, въ случаѣ войны Россіи съ западными державами, защищать нашу столицу и балтійскія прибрежья придется не финскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, а русской арміи и русскому флоту. Г. Мехелинъ, въ своей книгѣ «Précis du droit», не безъ основанія назвалъ главу о войскѣ «Организаціей *народной обороны*». Освобождать совершенно финляндцевъ отъ общей воинской повинности, какъ это сдѣлано Императоромъ Александромъ I, было, конечно, въ высшей степени несправедливо относительно остальныхъ подданныхъ русскаго Монарха, ибо всѣ подданные обязаны нести свою долю участія въ защитѣ государства; но еще непонятнѣе было рѣшеніе дать Финляндіи свое національное войско, командуемое исключительно финляндскими офицерами. При шведскомъ господствѣ финскія войска были напротивъ того командуемые только шведскими офицерами; притомъ Финляндія была для Швеціи не вновь завоеванною провинціей, а уже свыклась съ ея господствомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Если финское войско не было тогда выводимо изъ Финляндіи, то на это была разумная причина: для Швеціи все значеніе этого войска состояло въ огражденіи ея границъ отъ опаснѣйшаго изъ ея сосѣдей — Россіи. Назидательный примѣръ того, къ чему можетъ вести національное областное войско, рѣзко обособленное отъ государственной арміи, представилъ намъ созданный тѣмъ же Императоромъ Александромъ I польскій корпусъ. Въ 1830 году польскія войска единодушно возстали противъ русской власти, предательски напали на спящихъ и безоружныхъ русскихъ солдатъ, а Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, расточавшій предъ польскими войсками всевозможныя щедроты и угожденія, долженъ былъ поспѣшно спасаться отъ нихъ подъ защитой горсти русскаго войска, использовавшагося его милостями. Слѣдовательно въ Финляндіи не только гражданское управленіе всецѣло было передано въ руки туземцевъ, но изъ нихъ же образовано и національное войско, бережно ограждаемое отъ русскаго вліянія. Надобно при этомъ имѣть въ виду, что нынѣшнее финляндское войско, вслѣдствіе чрезвычайно короткаго срока службы*), пропускаетъ чрезъ свои ряды весьма значительный процентъ населенія и быстро образуетъ большой запасъ людей, освоенныхъ съ военнымъ ис-

*) Три года въ постоянномъ войскѣ и два года въ запасѣ; но для окончившихъ курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и университетѣ срокъ дѣйствительной службы сокращается на одинъ, полтора и два года (Mécbélin, Préc. du droit).

кусствомъ, такъ что оно имѣетъ милиціонный характеръ. Научившись строю, финляндскіе милиціонеры живутъ затѣмъ одною жизнью съ народомъ, раздѣляя его симпатіи и антипатіи, и образуютъ такимъ образомъ вооруженный народъ. При крайне пересѣченной мѣстности этой страны, удобной для засадъ и прерыва непріятелю сообщеній, и при поддержкѣ всего населенія, здѣсь каждый туземный стрѣлокъ будетъ стоить десяти человѣкъ. Въ прошедшемъ 1890 году финляндское національное войско увеличено еще сформированіемъ драгунскаго полка, для котораго лошади доставлены были по дешевой цѣнѣ изъ нашей кавалеріи.

Финляндцы пользуются въ Россіи всѣми торговыми правами не только наравнѣ съ русскими гражданами, но иногда даже болѣе сихъ послѣднихъ. Такъ например они имѣютъ въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ оффиціальныхъ стряпчихъ, какъ бы своего рода вице-консуловъ, для ходатайства предъ властями за выгоды финляндскихъ торговцевъ. Въ Финляндіи же русское купечество, незаписанное въ число тамошнихъ гражданъ, не пользуется правомъ торговли: даже нашимъ русскимъ афенямъ возбранено появляться на финляндской территоріи и они силой оттуда изгоняются. Финляндскіе дворяне пользуются дворянскими правами на всемъ пространствѣ Россіи, наравнѣ съ русскимъ дворянствомъ; между тѣмъ русскіе дворяне, владѣющіе землей въ Финляндіи, не имѣютъ тамъ никакого участія въ правахъ

мѣстнаго дворянства. Ученыя степени, раздаваемыя Гельсингфорскимъ университетомъ, признаются у насъ наравнѣ со степенями нашихъ русскихъ университетовъ, тогда какъ наши русскіе медики не допускаются тамъ къ практикѣ. Тамошнія аптеки отказывали выдавать лѣкарства даже по рецептамъ знаменитаго доктора Боткина, проживавшаго лѣтомъ на дачѣ въ Выборгской губерніи. Фридрихсгамскій финляндскій кадетскій корпусъ пользуется правомъ выпускать офицеровъ въ Императорскую гвардію, тогда какъ такого права не имѣли русскіе кадетскіе корпуса, когда они выпускали своихъ воспитанниковъ прямо въ офицеры (до учрежденія военныхъ училищъ). Финляндскіе офицеры изъ тамошнихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ переводятся въ русскіе полки, а русскіе офицеры никогда не переводятся въ финляндскіе баталіоны. Немалое число дѣтей финляндскихъ уроженцевъ воспитывается на казенный счетъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, тогда какъ Финляндія вовсе не участвуетъ въ ихъ содержаніи. Множество финляндцевъ прекрасно устраивается на нашей государственной службѣ, военной и гражданской, получая оклады и пенсіи и дѣлая карьеры, о которыхъ они не смѣли бы и мечтать въ своемъ отечествѣ; между тѣмъ Финляндія не платитъ ни копейки на содержаніе нашихъ правительственныхъ учрежденій и русскіе безусловно не допускаются на службу въ Финляндіи, хотя такого

закона никогда не было издано ни при Александрѣ I, ни при его преемникахъ. Мало того, финляндцы, получающіе пенсіи изъ финляндской казны за службу въ своей странѣ, лишаются ихъ, какъ скоро они переѣзжаютъ на жительство въ Россію, потому что эта послѣдняя считается тамъ иностраннымъ государствомъ, а финляндскія пенсіи не выдаются лицамъ, живущимъ въ иностранныхъ земляхъ.

Финляндія, послѣ ея присоединенія къ Россіи, была включена въ общую таможенную границу Имперіи; но въ двадцатыхъ годахъ, будто бы по соображеніямъ финансовымъ и экономическимъ, она была отдѣлена отъ Имперіи таможенной линіей, проходящей въ 32 верстахъ отъ Петербурга. Предлогомъ къ этой мѣрѣ вѣроятно было выставлено то обстоятельство, что правительсгво, предоставивъ все управленіе въ Финляндіи туземнымъ властямъ, оказалось безсильнымъ преградить безпошлинный доступъ въ эту страну иностраннымъ товарамъ, которые такимъ образомъ могли наводнять Россію, въ ущербъ для нашего таможеннаго дохода и въ подрывъ нашей заводской и мануфактурной производительности. Но сказанное безсиліе правительства было только воображаемое и, такъ сказать, добровольно имъ на себя наложенное, тогда какъ учрежденіемъ финляндской таможенной границы оно какъ бы подтверждало очевиднѣйшимъ образомъ въ глазахъ туземнаго населенія, что Финляндія есть особое отъ Россіи государство, и тѣмъ

самымъ удовлетворяло сокровеннымъ видамъ таможней бюрократіи. Но кромѣ этой, такъ сказать, политической неумѣстности таможенной границы, она принесла Финляндіи огромныя матеріальныя выгоды на счетъ русской казны и русской промышленности. Въ видахъ покровительства финляндской промышленности, произведенія этой страны были у насъ до 1886 года вовсе освобождены отъ ввозной пошлины и только съ 1886 года нѣкоторая, незначительная часть ихъ обложена пошлинами ничтожными по сравненію съ общимъ нашимъ таможеннымъ тарифомъ: напримѣръ пошлины съ обоевъ дешевле общаго тарифа въ $7\frac{1}{2}$ разъ, съ стеклянныхъ и фарфоровыхъ издѣлій — въ 3, 8 и 11 разъ, смотря по сортамъ, съ машинъ и садовыхъ орудій въ $2\frac{1}{2}$ и до $17\frac{1}{2}$ разъ, съ хлопчато-бумажной пряжи въ 5 и до 8 разъ, съ хлопчато-бумажныхъ тканей въ $18\frac{2}{3}$ и до 77 разъ, съ выдѣланныхъ кожъ въ 8 и до $14\frac{2}{5}$ разъ. Хотя по нѣкоторымъ финляндскимъ товарамъ и установлена предѣльная норма ввоза, свыше которой они подлежатъ уже общему заграничному тарифу, но эта норма взята именно такая, что свыше ея Финляндія и не въ состояніи отпускать къ намъ этихъ товаровъ. Кромѣ того, многіе иностранные товары ввозились и ввозятся чрезъ Финляндію въ Имперію подъ видомъ финляндскихъ, тоесть по низкой пошлинѣ и даже вовсе безпошлинно, потому что лицу, дающему удостовѣреніе о происхожденіи товаровъ, если даже оно дѣйствуетъ добросовѣстно,

нѣтъ возможности удостовѣриться, что весь отправляемый въ Россію товаръ есть финляндскаго, а не заграничнаго происхожденія. А такъ какъ на иностранные товары установлена въ Финляндіи пошлина гораздо меньшая, чѣмъ при ввозѣ ихъ непосредственно въ Имперію, то финляндцы, продавая въ Россіи эти товары по существующимъ у насъ цѣнамъ, кромѣ коммерческаго барыша, кладутъ себѣ въ карманъ и всю разницу въ пошлинахъ, въ прямой ущербъ и нашей казнѣ, и нашей торговлѣ. Выгоды, получаемыя Финляндіей съ 1886 г. отъ такой чрезмѣрной снисходительности къ ней русскаго тарифа, должны, по самому умѣренному разсчету, превышать ежегодно 3.000.000 рублей золотомъ, а до 1886 г. онѣ были еще значительнѣе; въ той же мѣрѣ оцѣниваются слѣдовательно и убытки русской казны. Эти выгоды Финляндіи далеко не уравновѣшиваются тѣмъ, что большая часть русскихъ произведеній также допускается въ Финляндію безпошлинно. Во первыхъ почти половину всего ввоза изъ Россіи составляетъ хлѣбъ, съ котораго не берется тамъ пошлина не потому, чтобы Финляндія дѣлала этимъ взаимность таможенныхъ уступокъ для Россіи, а потому, что она не можетъ существовать безъ русскаго хлѣба; она не взимаетъ также пошлинъ и съ германскаго хлѣба. Изъ числа же остальныхъ русскихъ произведеній обложены высокою пошлиной именно тѣ, въ сбытѣ которыхъ особенно заинтересована наша производительность, именно такъ

называемые акцизные товары: сахаръ, табакъ и пр.; спиртные же напитки, допускаемые въ Финляндію изъ-за границы, изъ Россіи вовсе туда не пропускаются. Финляндцы обложили русскій сахаръ высокою пошлиной; но такъ какъ своего сахара финляндская почва производить не можетъ, а два существующихъ тамъ рафинадныхъ завода доставляютъ его въ ничтожномъ количествѣ, то вся Финляндія пробавляется иностраннымъ сахаромъ, который у нихъ вдвое дороже и гораздо хуже русскаго. А русскому хорошему и дешевому сахару все-таки закрыта туда дорога. Въ тарифной комиссіи, установившей для Финляндіи сказанныя льготныя пошлины, представители финляндскихъ интересовъ ссылались на то, что Финляндія, какъ часть Русскаго государства, не можетъ быть подводима подъ одни правила съ иностранными землями и имѣетъ право на покровительство ея промышленности со стороны русскаго правительства. Слѣдовательно, когда дѣло касается полученія льготъ и милостей на счетъ Россіи, тогда Финляндія оказывается частью нашего государства и становится подъ покровъ нашего правительства; а въ другихъ случаяхъ это есть отдѣльное государство, не желающее знать русскаго правительства и русскихъ законовъ. Для русской казны и русской промышленности было бы несравненно выгоднѣй, если бъ Финляндія обложила наши произведенія какою ей угодно высокою пошлиной, но чтобъ и всѣ финляндскіе товары подлежали у насъ дѣйствію

общаго тарифа по западной границѣ. Финляндцы понимаютъ это очень хорошо и весьма боятся такого уравненія; нынѣшнія же, почему-то названныя *уравнительныя* пошлины на финляндскія произведенія прямо направлены къ ихъ выгодѣ и къ нашему убытку.

Впрочемъ главнѣйшая выгода, полученная Финляндіей сперва отъ совершенно безпошлиннаго ввоза ея товаровъ въ Россію, въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, а потомъ отъ чрезмѣрной снисходительности къ нимъ нашего тарифа, не столько заключается въ существующемъ таможенномъ балансѣ, сколько въ томъ, что если бъ Россія, съ самаго установленія таможенной границы въ двадцатыхъ годахъ, взимала съ финляндскихъ произведеній пошлины по общему тарифу, то русскіе рынки были бы фактически закрыты для этихъ произведеній. А такъ какъ европейскіе рынки не нуждались тогда въ плохихъ финляндскихъ товарахъ, за исключеніемъ тамошняго превосходнаго лѣса и смолы, то финляндская промышленность, за неимѣніемъ сбыта, не могла бы развиваться, и въ настоящее время Финляндія не только не вывозила бы за границу своихъ произведеній, но сама была бы принуждена выписывать тѣ же ихъ виды изъ-за границы. Безпошлинный, а потомъ пошлинно-льготный ввозъ въ Россію финляндскихъ произведеній открылъ имъ обширный сбытъ и тѣмъ самымъ далъ Финляндіи возможность изъ страны, лишенной почти всякой промышленности и денеж-

ныхъ средствъ, изъ страны, прозябавшей въ бѣдности и не имѣвшей самыхъ необходимыхъ образовательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, сдѣлаться въ настоящее время страною промышленною и культурною. Эти важнѣйшія блага цивилизаціи пріобрѣтены Финляндіей только благодаря великодушію русскаго правительства, дѣйствовавшаго нерѣдко въ ущербъ экономическимъ и финансовымъ, а еще болѣе политическимъ интересамъ самой Россіи.

Говоря о финляндской границѣ, нельзя не упомянуть еще о слѣдующей выдающейся несообразности. Острова, лежащіе въ Финскомъ заливѣ и населенные финнами или шведами, были въ административномъ отношеніи подчинены финляндскому управленію. Это весьма естественно и возражать противъ этой мѣры нѣтъ основанія. Но совершенно необъяснимо, какъ могло правительство допустить раздѣленіе и самыхъ водъ Финляндскаго залива на финляндскія и русскія, при чемъ граница финляндскихъ водъ, начинаясь у самаго Сестрорѣцка, захватываетъ большую половину залива и мѣстами почти приближается къ южному его берегу. Ссылаясь на эту черту, имѣвшую вначалѣ вѣроятно одно только административное значеніе относительно сказанныхъ острововъ, финляндцы властною рукой не допускаютъ русскихъ рыболововъ производить ихъ промыселъ въ чертѣ «финляндскихъ водъ» или облагаютъ ихъ большими поборами. Такимъ образомъ на этомъ заливѣ, пріобрѣтенномъ для Россіи

потоками русской крови, начиная съ Петра Великаго, русскіе люди являются какими-то чужеземцами, несмѣющими заниматься своимъ промысломъ даже въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Петербурга, а хозяевами оказываются тѣ самые шведо-финляндцы, которыхъ били тогда наши предки на сушѣ и на морѣ. Если бы кто-нибудь указалъ на этотъ фактъ англичанамъ или сѣверо-американцамъ, то едва ли повѣрили бы они возможности его существованія.

Всѣ эти чрезвычайныя выгоды, предоставленныя Финляндіи на счетъ Россіи, была причиной того, что эта нѣкогда нищенская провинція, не имѣвшая въ эпоху присоединенія ея къ Россіи никакой промышленности, кромѣ лѣсной торговли, и часто умиравшая голодомъ, теперь достигла такой степени производительности и благосостоянія, которая была бы для нея немыслима при обычныхъ во всемъ мірѣ условіяхъ политическаго быта, когда всѣ части государства несутъ одинаковыя тягости и не существуетъ такихъ привилегированныхъ областей, которыя, пользуясь защитой и обогащаясь на счетъ остальнаго цѣлаго, ничего не отдаютъ ему съ своей стороны. Если бъ на каждую изъ нашихъ губерній упала откуда-нибудь хотя половина тѣхъ льготъ и благодѣяній, которыми пользовалась Финляндія въ эти восемьдесятъ лѣтъ, то это составило бы ежегодно, для всей Россіи, милліардную сумму. Пусть примутъ это обстоятельство въ соображеніе тѣ люди, которые проводятъ парал-

лель между Финляндіей или, правильнѣе сказать, между ея главными промышленными и культурными центрами и нашими внутренними губерніями относительно развитія промышленности, числа учебныхъ, благотворительныхъ, кредитныхъ и всякихъ другихъ учрежденій. Если эти люди не увлекаются только звуками словъ, а способны проникать сущность предметовъ, то они поймутъ, что необычайными успѣхами, сдѣланными Финляндіей въ промышленномъ и культурномъ отношеніи со времени присоединенія ея къ Россіи, она гораздо болѣе обязана матеріальнымъ выгодамъ, излитымъ на нее отъ русскаго правительства, чѣмъ своему «правовому» порядку. Финляндскіе политики имѣютъ свои, весьма понятныя цѣли, приписывая одному только этому правовому порядку чудодѣйственную силу и умалчивая о матеріальныхъ льготахъ и выгодахъ, полученныхъ ихъ страною отъ русскаго правительства и на счетъ русскаго народа. Правовой порядокъ существовалъ въ Финляндіи и при шведскомъ господствѣ; однако тогда она представляла пустыню, безъ всякой промышленности, съ рѣдкимъ и полуголоднымъ населеніемъ. Слабые зачатки промышленности и культуры находились только въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ городахъ, населенныхъ шведскими выходцами. Если подъ правовымъ порядкомъ разумѣется собственно участіе сословій въ законодательствѣ страны, то надобно не забывать, что финляндскій сеймъ не существовалъ съ 1809 года по 1863, т. е. болѣе

полустолѣтія, а между тѣмъ именно въ этотъ періодъ Финляндія сдѣлала всѣ свои успѣхи въ промышленности и культурѣ. Никто не отрицаетъ, что заботливая администрація, строгое исполненіе судами ихъ обязанностей, наконецъ школа и церковная проповѣдь имѣли свою долю участія въ поднятіи народнаго благосостоянія въ Финляндіи; но сами по себѣ онѣ не могли бы создать его, какъ не создали при шведскомъ господствѣ. Притомъ эти коренныя и необходимыя основы всякаго гражданскаго порядка и успѣха не принадлежатъ къ тѣмъ политическимъ привилегіямъ, въ которыхъ финляндскіе администраторы и писатели видятъ всю силу и расширенія которыхъ они добиваются съ такою настойчивостью. Масса сельскихъ жителей, живущая трудомъ и оцѣнивающая существующій порядокъ только по матеріальнымъ его послѣдствіямъ, не только въ Финляндіи, но и въ гораздо болѣе культурныхъ странахъ Европы, не разумѣетъ конституціонныхъ тонкостей, измышляемыхъ руководителями политическихъ партій, и играетъ только фиктивную роль въ такъ называемомъ народномъ представительствѣ. Отъ ея имени дѣйствуютъ тамъ люди совершенно другой категоріи, имѣющіе свои собственные интересы и цѣли.

Въ довершеніе всѣхъ сказанныхъ щедротъ или, вѣрнѣе говоря, всѣхъ этихъ аномалій политическаго быта Финляндіи, ей было дозволено, въ 1877 году (закономъ 9-го августа), имѣть собственную денежную

систему. Съ самаго присоединенія Финляндіи, въ ней, въ теченіе 68 лѣтъ, основною монетой былъ русскій серебряный рубль, съ его мѣстнымъ подраздѣленіемъ на марки. Русскіе кредитные билеты обязательно принимаемы были тамъ наравнѣ съ финляндскими бумажными деньгами. Предлогомъ для денежной реформы 1877 года было выставлено то обстоятельство, что Финляндія терпѣла убытки отъ исчезновенія въ нашемъ денежномъ обращеніи металлическихъ знаковъ и отъ обязанности принимать при торговыхъ разсчетахъ наши неразмѣнные кредитные билеты. Убытки эти были несомнѣнны; но они въ такой же степени испытывались и всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи, а причиною исчезновенія у насъ металлическихъ денегъ были огромныя жертвы, принесенныя Россіей во время войны 1854—1856 г. съ европейской коалиціей. Такимъ образомъ изъ всѣхъ подданныхъ Русскаго Монарха были изъяты отъ участія въ тягостяхъ, причиненныхъ войною, одни только финляндцы, тоесть именно тѣ подданные, которые только одни не принимали участія въ оборонѣ государства и не проливали своей крови въ сраженіяхъ.

Дарованіе Финляндіи собственной денежной системы послужило, какъ и всѣ другія излитыя на нее милости, новымъ поводомъ къ выраженію враждебности финляндцевъ противъ Россіи. Съ тѣхъ поръ русскіе кредитные билеты, безпрепятственно принимаемые по существующему курсу въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ,

Дрезденѣ и другихъ большихъ нѣмецкихъ городахъ въ тамошнихъ гостинницахъ и большихъ торговыхъ учрежденіяхъ (а сторублевые билеты во всѣхъ европейскихъ государствахъ), были вовсе непринимаемы въ Финляндіи. Та же мѣра повела между прочимъ къ тому, что одинъ постой русскихъ войскъ въ Финляндіи доставляетъ ей ежегодно до двухъ съ половиною милліоновъ рублей золотомъ, что составляетъ по 1 рублю 14 коп. золотомъ на каждаго финляндскаго жителя, тогда какъ сама Россія добываетъ золота только на 27 милліоновъ рублей въ годъ, что равняется 33 копейкамъ на каждаго жителя. Если же присоединить сюда оплачиваемыя также золотомъ строительныя работы по крѣпостямъ, портамъ и русскимъ воинскимъ зданіямъ, находящимся въ Финляндіи, то можно сказать безъ преувеличенія, что въ расходахъ Россіи для обезпеченія безопасности своей границы отъ Торнео до Сестрорѣцка Финляндія нашла богатѣйшія золотыя розсыпи.

Такое ненормальное положеніе этой провинціи, выходящее изъ общаго политическаго порядка, непремѣнно должно было произвести и ненормальныя послѣдствія. Незаслуженныя милости и льготы, дарованныя Финляндіи на счетъ Россіи, не только пропали для насъ даромъ, но еще обратились во вредъ Россіи: они еще болѣе увеличили обособленность Финляндіи, созданную порядкомъ ея управленія, и породили въ умахъ ея жителей ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе о

значенія и политической роли ихъ страны. Финляндскими чиновниками, учеными и литераторами овладѣла въ полномъ смыслѣ манія величія, подъ вліяніемъ которой они проводятъ въ законодательныхъ проектахъ, изрекаютъ съ профессорскихъ каѳедръ и распространяютъ въ народѣ посредствомъ газетъ, брошюръ и учебниковъ самодѣльную теорію о полномъ самодержавіи Финляндіи въ дѣлахъ законодательства и управленія. По этой теоріи Финляндія есть, Божіею милостію и на точномъ основаніи договора, утвержденнаго клятвою всѣхъ русскихъ Императоровъ, отнюдь не провинція Россіи, а государство независимое и полновластное, соединенное съ Россіей только реальной уніей и предоставившее себѣ право пользоваться защитой Россіи и извлекать изъ нея всевозможныя матеріальныя выгоды, не давая ей отъ себя ровно ничего, кромѣ своего славнаго въ судьбахъ исторіи имени, для украшенія имъ титула русскихъ Государей.

Какъ въ частномъ быту, такъ и въ политической жизни слишкомъ щедрыя и незаслуженныя милости и льготы на чужой счетъ всегда ведутъ къ тому, что люди, ихъ получившіе, забываются, составляютъ слишкомъ преувеличенное понятіе о своихъ правахъ и значеніи и требуютъ себѣ еще большихъ льготъ и милостей. Надѣлить кого-нибудь всевозможными правами, не наложивъ на него никакихъ обязанностей, есть вѣрнѣйшее средство къ тому, чтобы вызвать съ его стороны желаніе сбросить съ себя и послѣднее подо-

біе долга и подчиненности. Когда люди дошли до такого о себѣ самомнѣнія, тогда будетъ уже нелегко поставить ихъ въ должныя границы, ибо какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ сословій манія величія есть одна изъ упорнѣйшихъ психическихъ болѣзней. Каждая попытка правительства привести ихъ къ порядку будетъ казаться имъ угнетеніемъ, отнятіемъ отъ нихъ того, что, по ихъ убѣжденію, принадлежитъ имъ по праву. Чѣмъ шире успѣло распространиться въ населеніи такое ложное понятіе о своихъ правахъ, тѣмъ труднѣе будетъ искоренить его. А что сказанная манія величія распространилась широко между финляндцами, доказательствомъ тому служитъ та вызывающая дерзость противу русскихъ, которою отличаются финляндскіе почтовые и другіе мелкіе служащіе, студенты, бюргеры, желѣзнодорожные смотрители, кассиры, кондукторы и пр. Всѣ они ищутъ случая нанести оскорбленіе или причинить какое-нибудь затрудненіе русскимъ.

Если сказанная неопредѣленность политическаго положенія Финляндіи будетъ существовать попрежнему и враждебная Россіи система будетъ дѣйствовать безпрепятственно, то можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ они принесутъ осязательные плоды для Россіи, особенно если измѣнчивое военное счастье обратится не въ нашу пользу, въ случаѣ новаго, весьма возможнаго столкновенія Россіи съ западными державами. Нельзя сомнѣваться, чью сторону приметъ при

такихъ обстоятельствахъ наша сѣверная сосѣдка Швеція, имѣющая съ Россіей столько старыхъ, еще незабытыхъ счетовъ. Въ 1863 году, когда западныя державы, видя слабость и почти заискиванія нашего правительства предъ польскими мятежниками, дошли до того, что съ угрозами требовали отъ Россіи исполненія желаній народоваго ржонда, Швеція готова уже была приступить къ вооруженію, грозя отнять у насъ Финляндію. Однако шведскій риксдагъ оказался на этотъ разъ благоразумнѣе министерства и отвергъ его предложеніе объ оказаніи помощи Польшѣ. Что Швеція и теперь дѣлаетъ соотвѣтственныя приготовленія на случай военныхъ неудачъ Россіи на ея западныхъ границахъ, на то мы имѣемъ указанія въ шведскихъ газетахъ. Такъ въ апрѣлѣ 1890 г. шведскій риксдагъ, не смотря на извѣстную его скупость въ расходованіи денегъ и на постоянные отказы министерству въ новыхъ кредитахъ, принялъ безъ всякой урѣзки предложеніе военнаго министра объ ассигнованіи 4.665.000 кронъ для скорѣйшаго окончанія *стратегической* (какъ буквально было сказано въ министерскомъ предложеніи) желѣзной дороги до русской границы. При этомъ шведскій военный министръ Пальмшерна высказалъ, что, по его мнѣнію, каждую минуту можно ожидать въ Европѣ событій, при которыхъ Швеціи придется защищать свой нейтралитетъ (Прав. Вѣстникъ, № 38 1890 г.). Защита нейтралитета есть, какъ извѣстно, только иносказательное выраженіе,

подъ которымъ политическіе ораторы разумѣютъ дѣятельное вмѣшательство въ военныя событія, съ цѣлью извлечь выгоды для своего государства; нападать же на нейтралитетъ Швеціи менѣе всего свойственно той державѣ, къ границамъ которой проводится теперь стратегическая желѣзная дорога. Между тѣмъ эта дорога ясно указываетъ на то, что Швеція не думаетъ ограничиться въ извѣстномъ случаѣ присоединеніемъ своихъ кораблей къ тѣмъ флотамъ, которые будутъ дѣйствовать противу насъ въ Балтійскомъ морѣ и Ботническомъ заливѣ, но замышляетъ двинуть и сухопутныя войска въ Финляндію, чрезъ Торнео. Тогда, очевидно, населенію и національному войску Финляндіи придется принять дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ. Объ этомъ обстоятельствѣ стоитъ подумать теперъ серьезно. Весною нынѣшняго 1891 года шведскій риксдагъ, хотя и послѣ горячихъ возраженій во второй своей палатѣ, принялъ предложеніе военнаго министра о постройкѣ Карльсборгскихъ и Вабергскихъ крѣпостныхъ сооруженій, защищающихъ входъ съ моря въ Стокгольмъ, проектъ постройки укрѣпленныхъ казармъ въ провинціи Норландъ, на границѣ съ Финляндіей, и ассигновалъ суммы на усиленіе вооруженій въ крѣпостяхъ восточной части Швеціи. Всѣ эти мѣры принимаются очевидно на случай войны съ Россіей, чего впрочемъ не скрывало и министерство. Замѣчательно также, что «финляндское правительство», не смотря на бѣдность своей страны, спѣшитъ

довести сѣть финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ до границъ Швеціи. На послѣднемъ сеймѣ 1891 года подана петиція о продленіи желѣзной дороги отъ Улеоборга до Торнео. Для незначительныхъ торговыхъ сношеній Финляндіи со Швеціей существуетъ дешевый морской путь и нѣтъ никакой цѣли проводить дорого стоющую желѣзную дорогу въ пустыни Лапландіи. Но эта дорога свяжетъ шведскую стратегическую желѣзную дорогу со всею сѣтью финляндскихъ дорогъ, отъ Торнео до Сестрорѣцка и далѣе въ глубь страны, до Куопіо, Сердоболя и Іоенсуу. На этой сѣти лежатъ важнѣйшіе стратегическіе пункты.

IX.

Финляндія въ теченіе шести столѣтій принадлежала Швеціи, въ которой съ давнихъ поръ установилось правленіе, называемое нынѣ представительнымъ, то-есть такое, гдѣ власть короля въ извѣстныхъ случаяхъ ограничивалась согласіемъ народа и издревле признанными законами. Такое правленіе было источникомъ и силы, и слабости Швеціи: оно воспитало въ народѣ духъ самодѣятельности и рано создало въ немъ культуру; но оно же часто давало поводъ ко внутреннимъ раздорамъ и къ крайнему ослабленію королевской власти въ пользу олигархіи шведскаго дворянства.

Выгодное географическое положеніе Швеціи спасало ее отъ иноземнаго вторженія и завоеванія. Пока Швеція не имѣла сильнаго сосѣда, она не ощущала всѣхъ невыгодъ ослабленія королевской власти. Но какъ скоро у восточныхъ границъ ея создалась могущественная Имперія Петра, всѣ силы которой направлялись умомъ и волею одного Монарха, борьба съ этимъ сосѣдомъ оказалась уже не подъ силу Швеціи, и она, изъ великой сѣверной державы, быстро превратилась во второстепенное государство, переставшее играть сколько-нибудь замѣтную роль въ Европѣ. Впрочемъ Финляндія, хотя и пользовалась номинально одинаковыми политическими правами съ прочими частями шведскаго королевства, но на самомъ дѣлѣ всегда была заднимъ дворомъ для Швеціи и содержима, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, вслѣдствіе рѣзкой племенной разницы обоихъ народовъ, низкаго культурнаго уровня финновъ, ихъ бѣдности, дикости и даже самаго географическаго положенія ихъ страны, оторванной половину года отъ Швеціи непроходимыми льдами и снѣгами. Короли и принцы шведскіе по цѣлымъ столѣтіямъ не показывались въ Финляндіи. Прирожденные финны не имѣли участія въ высшемъ управленіи королевствомъ и не получали высшихъ должностей въ войскѣ; они рѣдко даже производились въ офицерскіе чины. Въ самой Финляндіи всѣ значительныя должности ввѣрялись исключительно шведамъ.

Финская народность и финскій языкъ были въ полномъ презрѣніи между шведами. Если финнъ удостоивался принятія въ Абовскую академію, то онъ подвергался при этомъ унизительной церемоніи, знаменовавшей преображеніе его изъ низкой финской породы въ благородную шведскую, и получалъ, вмѣсто финской фамиліи, шведскую или латинскую на *us*. Швеція дорожила Финляндіей только какъ естественною преградой со стороны Россіи и какъ страною, снабжавшею королевство произведеніями своей почвы, а королевское войско своими поселенными солдатами. Теперешніе финляндскіе политики, стараясь примѣнить къ Финляндіи шведскіе политическіе законы 1772 и 1789 г., усиливаются надѣть на нее кафтанъ, вовсе не для нея сшитый и едва ли приходящійся по мѣркѣ къ той степени умственнаго и культурнаго развитія, на которой находятся и понынѣ два милліона коренныхъ финновъ. Въ этомъ кафтанѣ желательно щеголять, отъ имени народа, самимъ финляндскимъ политикамъ и, отстраняя монархическую власть, самимъ распоряжаться судьбою населенія, далеко еще недоросшаго до политической роли.

Судьбы Россіи были весьма отличны отъ того пути, по которому шли Швеція и другія западно-европейскія государства. Еще въ началѣ своей государственной жизни, она, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, подверглась напору могучихъ враждебныхъ силъ: съ

востока—монголовъ, съ запада—Литвы, а потомъ Польши. Русская земля была раздроблена, порабощена врагами и, казалось, навсегда погибла для самостоятельной политической жизни. Нужны были усилія чрезвычайныя, жертвы тяжкія, матеріальныя и гражданственныя, со стороны русскаго народа для того, чтобы онъ могъ отбиться отъ всѣхъ своихъ враговъ и завоевать себѣ самостоятельное бытіе. Вмѣсто прежняго удѣльнаго разъединенія русской земли и безсилія власти, необходимы были, прежде всего, сосредоточеніе народныхъ силъ около одного общаго центра и безусловное могущество единой власти. Эту истину понимали и собиратели русской земли, Московскіе великіе князья и цари, и самъ русскій народъ, съ особенной силой проявившій это центростремительное движеніе въ эпоху освобожденія Москвы отъ поляковъ и избранія на царство Михаила Романова. Цѣлыхъ четыре столѣтія потребовалось на то, чтобъ русскій народъ изъ состоянія раздробленія и чужеземнаго порабощенія могъ сложиться въ цѣльное и сильное государство [Куликовская битва въ 1380 г., возвращеніе Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи изъ-подъ польской власти въ 1773—1793 гг.]. Въ этотъ долгій періодъ борьбы русскаго народа за свое существованіе, всѣ силы его, матеріальныя и духовныя, были притянуты къ одному центру и завязаны тамъ въ крѣпкій узелъ: ибо въ этомъ сосредоточеніи народныхъ

силъ и заключался единственный залогъ успѣха въ борьбѣ нашихъ предковъ за независимость и цѣлость русской земли. Всѣ другія проявленія исторической жизни: народная самодѣятельность, политическія права, культура и, какъ одинъ изъ ея видовъ, умственная образованность, по необходимости отодвинулись на задній планъ и оставались безъ движенія. Въ этой священной борьбѣ приносились на жертвенникъ отечества и жизни, и имущества, и бывшее нѣкогда широкое самоуправленіе удѣльныхъ княжествъ, сословій и сельскихъ общинъ. Россія, принявъ на свою грудь удары полудикихъ азіатскихъ ордъ и тѣмъ самымъ спасши отъ нихъ западную Европу, отстала отъ нея на нѣсколько столѣтій. Не до политическихъ вольностей было тому народу, который долженъ былъ спасать самое свое существованіе, долженъ былъ отбиваться одновременно и отъ татаръ, и отъ Литвы и Польши, и отъ папства, и отъ шведовъ, и отъ турокъ. Но нѣтъ въ Европѣ народа, который, находясь въ такихъ безвыходныхъ обстоятельствахъ, проявилъ бы столько непреклоннаго мужества въ борьбѣ за свою національную самостоятельность, столько жизненныхъ силъ, такую устойчивость народнаго духа въ противодѣйствіи вѣковымъ матеріальнымъ и духовнымъ насиліямъ своихъ враговъ, какъ народъ русскій. Въ этомъ отношеніи намъ отдаютъ справедливость наиболѣе глубокіе и безпристрастные

изъ европейскихъ историковъ. Русскій народъ занялъ принадлежащее ему мѣсто въ исторіи вѣками кровавой борьбы какъ съ западными своими сосѣдями, отрывавшими отъ него исконныя его области, такъ и съ азіатскими варварами, напиравшими на христіанскій міръ съ востока. Побѣждая однихъ, онъ добывалъ свои естественныя границы; побѣждая другихъ, онъ распространялъ свое цивилизующее вліяніе на отдаленнѣйшія страны востока. Въ началѣ нынѣшняго вѣка онъ спасъ Европу отъ господства грубой Наполеоновской солдатчины, попиравшей права народовъ и разорившей пріобрѣтенія народныхъ трудовъ отъ Мадрита до Москвы. Русскій народъ давалъ новое направленіе всемірной исторіи, направленіе несомнѣнно выгоднѣйшее для успѣховъ мирнаго труда и цивилизаціи: онъ содѣйствовалъ устойчивости европейскаго порядка, угрожаемаго то революціонными бурями, то безконечнымъ дробленіемъ государствъ по національностямъ; въ то же время онъ открывалъ новыя отдаленныя области для пріобрѣтеній цивилизаціи. Память объ этихъ подвигахъ нашихъ предковъ и сознаніе великой роли, принадлежащей русскому народу въ судьбахъ исторіи, никогда не умрутъ въ русскихъ сердцахъ, и ужъ конечно не какимъ-нибудь финляндцамъ, которыхъ никогда не знала исторія, бросать намъ въ лицо свою «конституцію», существующую единственно по милости русскихъ государей. Имя ве-

ликаго народа мы купили себѣ и великими жертвами, матеріальными и политическими, а ваши права, которыми вы кичитесь передъ нами, вы получили безъ всякихъ съ вашей стороны заслугъ и жертвъ, какъ милость, данную вамъ подъ покровомъ нашей силы: но эта милость, какъ дана вамъ случайно, такъ случайно же и можетъ отъ васъ улетѣть. Если бъ финляндцы имѣли въ своей средѣ болѣе просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ руководителей, то они на примѣрѣ собственнаго отечества должны бы убѣдиться въ той истинѣ, что Россія не только не подавляетъ своимъ господствомъ областей, присоединяемыхъ къ ней завоеваніемъ, но могущественнымъ образомъ содѣйствуетъ въ нихъ успѣхамъ народнаго труда и цивилизаціи. Финляндія до 1809 года и Финляндія въ ея нынѣшнемъ положеніи представляетъ разительнѣйшее тому доказательство.

Если въ русскомъ обществѣ существуетъ теперь несомнѣнное нерасположеніе къ финляндцамъ, то причину его пусть они ищутъ не въ чемъ-либо иномъ, какъ въ тѣхъ невыносимыхъ оскорбленіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ, съ кончины Императора Николая, подвергаются въ Финляндіи русскіе люди, русское народное достоинство, русская религія, со стороны финляндскихъ бюргеровъ, финляндскихъ студентовъ, финляндскихъ мелкихъ чиновниковъ, финляндскихъ газетчиковъ. Не смотря на всѣ старанія тамош-

ней администраціи скрыть эти факты отъ огласки въ Россіи, они мало по малу сдѣлались у насъ общеизвѣстными, по пословицѣ «шила въ мѣшкѣ не утаишь». Другую причину, вызвавшую противъ Финляндіи русское общественное мнѣніе, пусть ищутъ финляндцы въ провозглашаемой ими теоріи отдѣльности ихъ отъ Россіи и непризнанія надъ собою власти ея государственныхъ законовъ, теоріи, доходящей на практикѣ до открытаго выраженія вражды къ нашему отечеству. Финляндцы забываютъ, что, кромѣ офиціальныхъ дѣйствій правительства, есть еще народное самосознаніе, болѣе прочное, чѣмъ какіе бы то ни было регламенты и привилегіи. Русское общество хорошо помнитъ, что Финляндія была присоединена къ Россіи не по какому-либо династическому праву или обоюдному соглашенію двухъ сторонъ, а кровію и жертвами сыновъ русской земли, какъ необходимый оплотъ нашей столицы и земель, добытыхъ Россіей еще при Петрѣ Великомъ. Въ понятіяхъ нашего народа русскій Царь не отдѣлимъ отъ идеи общаго отечества. Поэтому въ провозглашаемомъ финляндцами догматѣ, что они знаютъ только своего Великаго Князя, но не хотятъ знать Россіи и ея законовъ, русскіе всегда будутъ видѣть оскорбительный для ихъ народнаго чувства вызовъ со стороны зазнавшейся отъ своихъ привилегій партіи шведо-финляндскихъ чиновниковъ и литератовъ, существующей и благоденствую-

щей подъ покровомъ русской силы, созданной вѣковыми подвигами и жертвами русскаго народа.

Но русское общество, какъ и русское Правительство, умѣютъ различать трудолюбивый и спокойный двухмилліонный финскій народъ отъ этой горсти политикующихъ шведомановъ. Едва ли можно предположить, что идеи сепаратизма и ненависти къ Россіи успѣли уже пустить корни въ массу финляндскаго крестьянства, которое все же не лишено здраваго смысла и, по преданію отъ отцовъ и дѣдовъ, должно знать насколько улучшилось его благосостояніе со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Враждебностью къ русскимъ отличаются жители городовъ, въ особенности Гельсингфорса и Або, этихъ главныхъ центровъ шведской партіи и финляндскихъ литератовъ, воздѣйствующихъ на остальное городское населеніе и своими писаніями, и своимъ примѣромъ. Но русскіе, имѣвшіе случай посѣщать внутреннюю Финляндію и слышать сужденія финскихъ крестьянъ, свидѣтельствуютъ, что они не поддаются внушеніямъ господствующей шведской партіи и многіе изъ нихъ питаютъ даже надежду, что улучшеніе ихъ теперешняго положенія можетъ придти только со стороны русскаго правительства. Каково же положеніе финляндскихъ крестьянъ, о томъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Сельскаго населенія въ Финляндіи въ 1886 году считалось 2.026.000 душъ обоего пола.

Изъ этого числа болѣе половины, именно 55%, вовсе безземельны *] Изъ остальныхъ почти половина владѣетъ землей въ ничтожномъ размѣрѣ, именно, въ среднемъ выводѣ, менѣе $4^1/_2$ десятинъ на семью, что, при тамошней безплодной почвѣ, не можетъ обезпечивать существованія. Изъ безземельныхъ около 533.000 душъ живутъ на арендуемой землѣ (такъ называемые торпари), за которую платятъ высокій оброкъ или отбываютъ барщину. Болѣе 584.000 душъ не имѣютъ средствъ даже арендовать земли и потому нанимаются въ батраки къ землевладѣльцамъ. Отношенія этихъ батраковъ къ хозяевамъ, до 1866 года, мало чѣмъ отличались отъ отношеній крѣпостныхъ работниковъ, а матеріальное ихъ положеніе было несравненно хуже положенія бывшихъ русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ, даже въ нашихъ бѣднѣйшихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ русскіе крестьяне находились подъ двойнымъ гнетомъ и польскихъ помѣщиковъ, и евреевъ; да и въ настоящее время судьба финляндскихъ батраковъ лишь немного измѣнилась

*) Финляндскіе статистическіе сборники тщательно умалчиваютъ о числѣ безземельнаго сельскаго населенія; но въ нихъ есть данныя о числѣ собственныхъ хозяйствъ, крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, а также о числѣ земельныхъ арендъ. Изъ этихъ указаній, зная притомъ численность всего сельскаго населенія, можно приблизительно составить выводы о числѣ безземельныхъ сельскихъ жителей и о количественномъ распредѣленіи ихъ на арендаторовъ (торпарей) и батраковъ.

къ лучшему. Изъ 581.000 батраковъ 82.838 душъ образують сословіе нищихъ, живущихъ на счетъ общинъ. Изъ этихъ цифръ видно, что сельское населеніе Финляндіи не имѣетъ причинъ восхищаться своимъ положеніемъ и должно судить о немъ далеко не такъ, какъ рисуютъ его намъ администраторы и писатели господствующей шведской партіи. Поэтому едва ли можно придавать серьезное значеніе ихъ угрозамъ, раздававшимся въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году, что все населеніе Финляндіи, какъ одинъ человѣкъ, объято тревожнымъ чувствомъ страха и недовольства по случаю, какъ они выражаются, нарушенія основныхъ государственныхъ законовъ Финляндіи; а это нарушеніе они усматриваютъ въ объединеніи почтовой части, въ обязательствѣ принимать въ извѣстныхъ случаяхъ русскіе кредитные билеты по существующему курсу, въ предположенномъ пересмотрѣ вопроса о таможенной границѣ между Финляндіей и Имперіей и въ пріостановленіи введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. Есть, напротивъ того, основаніе полагать, что крестьянское сословіе Финляндіи проникаетъ виды господствующей надъ нимъ шведской партіи и не послѣдуетъ ея подстрекательствамъ; а крестьяне составляютъ около 90% всего населенія Финляндіи.

Финскій народъ еще недавно съ высоты трона получилъ удостовѣреніе въ томъ, что верховный власти-

тель единой и нераздѣльной Россіи заботливо печется о его дѣйствительныхъ нуждахъ и не смѣшиваетъ ихъ съ незаконными и вредными для благосостоянія края домогательствами одной партіи, торжественно осужденными теперь верховною властію и потому немогущими разсчитывать ни на какой успѣхъ. Такое удостовѣреніе дано финскому народу въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя финляндскаго генералъ-губернатора отъ 28-го февраля текущаго года. Приводимъ вполнѣ этотъ актъ, имѣющій высокое значеніе не только для финляндцевъ но и для всѣхъ русскихъ, которымъ дороги цѣлость и достоинство Россіи.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ ФИНЛЯНДІИ.

По открытіи вами, по Моему повелѣнію, 8 (20) января сего года, сейма земскихъ чиновъ Финляндіи, ландмаршалъ и тальманы сословій, повергая Мнѣ чувства вѣрноподданнической преданности, почли при этомъ своимъ долгомъ довести до Моего свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи въ краѣ, вызванномъ нѣкоторыми мѣропріятіями, предначертанными Мною въ цѣляхъ достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской Державы.

Непрестанныя попеченія Мои о благосостояніи и внутреннемъ развитіи Финляндіи и многочисленныя

доказательства Моего благоволенія и довѣрія къ сему населенію не оправдываютъ подобнаго настроенія въ краѣ.

Только невѣрное истолкованіе тѣхъ началъ, на коихъ зиждутся отношенія Великаго Княжества къ Имперіи и къ Верховной Власти, и распространеніе сихъ заблужденій среди населенія, во вредъ истиннымъ его интересамъ, могли породить такое прискорбное явленіе.

Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ, по волѣ Блаженной памяти Императора Александра I, особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Таковое удостовѣреніе подтверждаемо было и Его Державными Преемниками.

Сіи права и преимущества, особое церковное устройство и законы края не только сохраняютъ понынѣ свое дѣйствіе, но и получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіе потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ судьба Великаго Княжества подъ Скипетромъ Россійскимъ доказала, что единеніе его съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ его учрежденій, а достигнутое Финляндіею благосостояніе непреложно свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія соб-

ственнымъ ея выгодамъ. Тѣмъ не менѣе несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ къ сожалѣнію поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго. Я надѣюсь однако, что благоразуміе финскаго народа разсѣетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вящшему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіею.

Поручаю вамъ передать отъ Моего Имени Моимъ вѣрноподданнымъ въ Финляндіи, что Я расположенъ относиться съ прежними благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества, и что въ намѣренія Мои не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія.

Я вѣрю выраженнымъ чрезъ ландмаршала и тальмановъ сейма вѣрноподданническимъ чувствамъ ко Мнѣ всѣхъ сословій края, сердечно благодарю за нихъ и въ правѣ ожидать отъ преданности Мнѣ населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Моихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпле-

нію Государственной связи Великаго Княжества съ Имперіею.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „АЛЕКСАНДРЪ“.
28-го февраля 1891 г.
С.-Петербургъ.

Со времени присоединенія западной Финляндіи къ Россіи, ни въ одномъ другомъ актѣ верховной власти, обращенномъ къ жителямъ Финляндіи, не было выражено съ такою опредѣлительностью и ясностью основное начало ея отношеній къ Имперіи и къ верховной власти, именно, что этотъ край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской *). Въ этомъ же актѣ впервые признается верховною властью необходимость привести постановленія Финляндіи въ согласіе съ общими государственными узаконеніями и точнѣе опредѣлить законоположенія, касающіяся ея отношеній къ Имперіи. Теперь положенъ конецъ тѣмъ ложнымъ представленіямъ о политической обособленности Финляндіи отъ Россіи, которыя поддерживались доселѣ въ умахъ финляндцевъ одною партіей, система которой и состояла именно въ томъ, чтобы оторвать Финляндію отъ собственности и державнаго обладанія Россійской Имперіи и не допускать согласованія постановленій Великаго Кня-

*) Эти слова рескрипта составляютъ буквальное повтореніе выраженій статьи 4-й Фридрихсгамскаго трактата; но трактатъ этотъ финляндскому населенію не объявлялся и о содержаніи его тщательно умалчиваютъ финляндскіе историки и тамошніе учебники.

жества съ общегосударственными узаконеніями. Какъ скоро эта система осуждена теперь самою верховною властью, то этимъ самымъ положено уже начало ея уничтоженію, для блага финскаго народа, для цѣлости Русскаго царства и для достоинства русскаго имени. Къ прискорбію русскаго народа и ко вреду государства, истолковывать отношенія Финляндіи къ Россіи и къ ея верховной власти такъ долго допускалось людямъ намъ чуждымъ и намъ враждебнымъ, составляющимъ одну малочисленную партію среди жителей Финляндіи. Только теперь услышали мы изъясненіе этихъ отношеній оттуда, откуда оно только и можетъ исходить—съ высоты трона Русскаго Монарха. Рескриптъ 28-го февраля подтверждаетъ Финляндіи всѣ тѣ права, которыя дарованы были ей Александромъ I, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ необходимымъ восполнить то, что̀ было тогда упущено по особымъ обстоятельствамъ времени, именно согласовать постановленія Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и опредѣлительно выразить въ законѣ ея отношенія къ Имперіи. Когда эта задача будетъ исполнена согласно выраженному въ рескриптѣ основному началу этихъ отношеній, тогда партія шведо-финляндскихъ сепаратистовъ потеряетъ подъ ногами почву для своихъ дѣйствій, одинаково вредныхъ и для Финляндіи, и для Россіи. Надобно только желать, чтобы воспослѣдовавшій нынѣ актъ высокой мудрости наше-

го Монарха и его благожелательности къ финскому народу дошелъ до него въ неискаженномъ видѣ и безъ превратныхъ истолкованій *).

---

*) Когда это сочиненіе уже печаталось, въ «Моск. Вѣдомостяхъ» (№ 71) явилась корреспонденція изъ Гельсингфорса съ указаніемъ выраженій Высочайшаго рескрипта, подвергшихся искаженію въ официальномъ его переводѣ на шведскій языкъ, распубликованномъ въ Финляндіи. (Официальные переводы составляются въ статсъ-секретаріатѣ В. Княжества). Вслѣдствіе сего, по Высочайшему повелѣнію, сдѣланъ былъ другой, точный переводъ рескрипта, при содѣйствіи русскаго ученаго, вполнѣ владѣющаго шведскимъ языкомъ, и опубликованъ въ финляндской официальной газетѣ „Finlands Allmänna Tidning". Переводъ этотъ сопровожденъ слѣдующимъ официальнымъ сообщеніемъ отъ Сената: „Такъ какъ Его Императорскому Величеству благоугодно было обратить Высочайшее вниманіе на то, что помѣщенный въ № 13 „Финляндскаго Сборника постановленій" Высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору отъ 28 февраля 1891 года, въ изложеніи на шведскомъ языкѣ, не вполнѣ правильно и точно передаетъ русскій текстъ рескрипта, то сей Высочайшій рескриптъ, какъ сообщилъ Императорскому финляндскому сенату генералъ-губернаторъ, въ отношеніи отъ 9 апрѣля (29 марта) 1891 года, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, переведенъ съ русскаго текста на шведскій языкъ въ нижеслѣдующей, Всемилостивѣйше одобренной новой редакціи; вслѣдствіе чего вышепоименованный, изданный 19 марта 1891 года, № 13 „Финляндскаго Сборника постановленій", симъ отмѣняется. Гельсингфорсъ, въ общей канцеляріи Императорскаго сената. 13 апрѣля 1891 года". Въ томъ же № 71 «Моск. Вѣдом.» приведена выписка изъ одной Гельсингфорской газеты, гдѣ рескрипту 28-го февраля давалось превратное толкованіе, въ томъ смыслѣ, будто бы имъ подтверждаются извѣстныя домогательства господствующей партіи. Вѣроятно это только одна изъ многихъ подобныхъ же выходокъ финляндской печати. Такимъ образомъ даже этотъ, преисполненный благости и довѣрія къ финскому народу Высочайшій актъ не избѣгнулъ поддѣлокъ и ложнаго истолкованія. Этотъ примѣръ служитъ доказательствомъ того, какъ боится партія шведо-финляндскихъ сепаратистовъ, чтобъ финскій народъ не узналъ, что разсѣваемыя ею въ странѣ внушенія противны намѣреніямъ верховной власти и ею осуждаются. Этимъ подтверждается высказанная въ семъ сочиненіи мысль, что, не смотря на всѣ усилія господствующей партіи, она доселѣ не могла истребить въ простомъ финскомъ народѣ довѣрія къ русской верховной власти и перетянуть это довѣріе на свою сторону.

